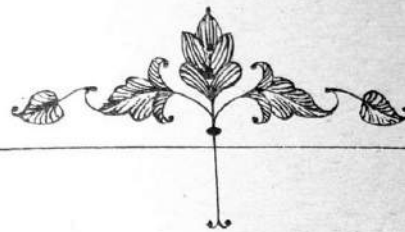

СРЕДНЕ-
ВЕКОВАЯ
АРМЯНСКАЯ
ПОЭЗИЯ

СРЕДНЕ-
ВЕКОВАЯ
АРМЯНСКАЯ
ПОЭЗИЯ

Перевод
с армянского

Москва
Художественная литература
1981

Вступительная статья
ГЕВОРГА ЭМИНА

Составление и примечания
ЛЕВОНА МКРТЧЯНА

Оформление художника
ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВА

© Состав, предисловие, примечания, переводы, отмеченные в содержании*.
Издательство «Художественная литература», 1981 г.

70403-252
028(01)-81 75-81 4702080100

ПРОДОЛЖАЮТСЯ НЕСКОНЧАЕМЫЕ ПЕСНИ АРМЕНИИ...

Так было радостно, светло
Мое искусство — дар заветный.
А жить так было тяжело,
Так неприятно, беспросветно... —

(Перевод Т. Спендиаровой)

писал в начале нашего века армянский поэт Ваан Терьян, и только тот, кто знаком с трагической историей нашего народа, полной войн и нашествий, может представить себе, сколько за каждой строкой этой книги мучений, страданий и смертей многих светлых умов — начиная от ученых, философов, историков и поэтов до переписчиков рукописей...

Давай поэтому, мой современник и брат, до того, как начнем читать эту книгу, по средневековому обычаю помянем добром этих фанатично преданных свету и добру людей, чьей единственной мечтой и утешением было то, чтобы их труд не пропал и дошел до потомков!

Помянем их добром и послушаем-прислушаемся с изумлением и гордостью к тому, что говорят они нам из глубин веков...

Несмотря на неблагоприятные условия, средневековые поэты в дошедших до нас творениях (а сколько их было предано огню и не дошло до нас!..) выражали, причем с подлинным вдохновением и блеском, такие дерзкие мысли и чувства, за которые инквизиция сжигала на кострах даже в XVII—XVIII веках!

Вспомним хотя бы страстный социальный протест в «Жалобах» Фрика; проповедь свободной от оков любви, причем любви христианина к мусульманке, Ованеса Ерзнкаци; почти языческую безбожность айренов* и многое другое.

* Айрен — форма средневековых лирических восьмистиший в Армении. Подробнее см. примечания к с. 376.

В отличие от других стран, в условиях средневековья, подобное возможно было в Армении, видимо, по той причине, что из-за отсутствия единой государственности не было в стране единой верховной цензуры, и в глухих затерянных в горах и ущельях армянских монастырях каждый мог писать в более или менее завуалированном виде то, что думал (благо писал он в единственном экземпляре...).

Значение средневековой армянской поэзии для мировой культуры прекрасно выразил Валерий Брюсов: «Средневековая армянская лирика есть одна из замечательных побед человеческого духа, какие только знает летопись мира». И далее: «Знакомство с армянской поэзией должно быть обязательно для каждого образованного человека, как обязательно для него знакомство с эллинскими трагиками, с «Комедией» Данте, драмами Шекспира...».

...Терзаемый в течение веков войнами и невзгодами народ наш вряд ли выстоял и дошел до сегодняшнего дня, если бы наряду с мечом не обладал другим, самым могущественным оружием — письменностью.

Там, где меч оказывался бессильным, побеждали письмена, — уничтожая врагов, пронося сквозь века к грядущим поколениям чаяния народа, его надежду и веру.

Несмотря на неисчислимы бедствия, чудом уцелело и дошло до нас свыше двадцати пяти тысяч армянских рукописей, которые дают ключ к раскрытию тайны жизнестойкости и воли нашего народа на протяжении почти тринадцати столетий, начиная от пятого века.

В этих рукописях содержатся редкие, бесценные сведения не только об Армении, но и об истории и культуре почти всех народов и стран старого и нового мира.

Ведь в Армении, одной из древнейших колыбелей человечества и культуры, скрещивались пути и судьбы многих народов...

Эти рукописи донесли до наших дней и подлинные сокровища средневековой армянской поэзии — начиная от языческих легенд до чудесных народных песен; от стихотворных «памятных записей» до стихов и гимнов создателя армянского алфавита Месропа Маштоца (V в.); от «Плача о Джеваншире» первого светского поэта Давтага Кертюха (VII в.) до «Книги скорбных песнопений» гениального поэта X века Григора Нарекаци; от средневекового «Ars poetica» («Искусство поэзии») поэта и философа Ованеса Саркавага (XI в.) до «Плача об Эдессе» и светлых гимнов Нерсеса Шнорали (XII в.); от дерзновенных стихов «Ованес и Аша» Ованеса Ерзикаци (XIII в.) и страстных «Жа-

доб» против социальной несправедливости Фрика (XIII—XIV вв.) до прекрасных стихов о любви Ованеса Тлкуранци (XIV—XV вв.); от пронзительной по силе «Песни об одном епископе» Григориса Ахтамарци (XV—XVI вв.) до не имеющих аналога в мировой поэзии тонких и смелых айренов (XI—XVI вв.); от мудрого «Спора неба и земли» Нерсеса Мокаци (XVI—XVII вв.) до любовной лирики поэта и художника Нагаша Овнатана (XVII—XVIII вв.) и до творчества феноменального поэта, композитора и музыканта XVIII века Саят-Нова.

Какая сила и величие в самом древнем из армянских стихотворений, возвещающем миру о рождении бога Солица — Ваагна из огня и пламени!

А сколько доброты и туманности в средневековой «Песне-молитве сеятеля», обращенной к богу:

Господи мой боже,
Пусть хлеб уродится.
Горсть я дам прохожим,
Горсть другую — птицам,
Третью горсть — нищим,
Пусть будет им пищей...
Все, кто может, пусть берут,
Горя пусть вовек не знают...

(Перевод Н. Гребнева)

Столь неслыханная щедрость за счет всего горстки урожая, оставленной ему после многочисленных поборов, и у кого? — у сеятеля-армянина, который добывал свой хлеб буквально из камня, орошая его вместо воды (где было ее найти в Армении?..) потом и кровью.

Недаром в другой песне армянский крестьянин говорит:

Мы даровых не ждем щедрот,
За сладкий плод — соленый пот!

(Перевод Н. Гребнева)

И провозглашает на весь мир самую мудрую в народной мудрости истину: «Мир опирается на плуг!»

Несмотря на притеснения церкви, из-за которых народные песни стали записываться преимущественно начиная с XVIII—XIX веков, до нас дошло огромное количество народных песен, среди них и те, что передавались изустно в течение десятков веков, пока дошли до этой книги...

Если языческие легенды и народные песни, созданные задолго до нашего летосчисления, записывались лишь впоследствии, после

изобретения армянского алфавита, то христианские песни и гимны, созданные уже при алфавите, были записаны сразу же и дошли до нас как «авторские творения».

Самые первые из них принадлежат перу Месропа Маштоца, создателя армянского алфавита. Будучи христианином по духу, они, однако, еще сохраняют торжественный лад языческих гимнов:

Рано утром предстану перед тобой,
Царь мой и бог мой!
Рано утром преклонишь к молитве моей слух,
Царь мой и бог мой!

(Перевод В. Брюсова)

Давтаг Кертох (VII в.) — один из первых светских поэтов раннего средневековья. Его «Плач на смерть великого князя Джеваншира» дошел до нас не самостоятельно, а был «прочитрован» в книге историка Мовсеса Каганкатваца — лишнее доказательство того, что рукописи сохранили нам лишь церковные гимны и шараканы*, а светские стихи, даже образцы высокой поэзии, остались в тени.

Если бы не случайная запись историка, мы так ничего и не узнали бы об одном из крупнейших поэтов VII века — а сколько таких поэтов и произведений пропали для нас без следа!..

«Книга скорбных песнопений» гениального поэта X века Григора Нарекаци ознаменовала подлинное Возрождение, первые признаки которого в Армении появились за несколько веков до начала европейского Возрождения.

Творческая сущность «Книги скорбных песнопений» Нарекаци — внутренний мир человека, представленный впервые в армянской, да, пожалуй, и во всей мировой поэзии; проникновение в глубокие извилины души и их исследование; двойственность человека — смертного и бессмертного, ущербного и совершенного; наконец — вопрос взаимоотношения бога и человека, то есть не внешний сюжет, не «сказка», а внутренняя драма.

Созданная почти тысячу лет назад, книга эта, несмотря на объяснимую временем скованность и свойственный средневековой литературе религиозный флер, поистине может считаться одной из самых современных, если хотите — «модерновых» книг XX века.

* Шараканы — церковные песнопения.

Вся поэзия Нарекаци — это внутренний монолог, жгучее слово, обращенное к богу во имя совершенства человека, и вполне понятны тот интерес и восхищение, которые возникают к Нарекаци в странах, где переводится его «Книга...».

Читая Нарекаци, действительно ощущаешь, что человек создал бога, а не бог — человека, хотя сам Нарекаци каждый раз после своих вулканических дерзновенных порывов испрашивает у бога прощения, страшись его суда...

Трагедия Нарекаци в том, что, глубоко веруя в бога, он не принимал главного его деяния — созданный богом мир, полный несправедливости, горя и печали, и сам же страдал от этого противоречия...

Наиболее характерным для поэтического мастерства Нарекаци является умение бесконечным нагнетанием противопоставлений создавать высокое душевное напряжение, выражать смятение:

Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться,
За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья, без ответа,
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, Господь, мне жертву приносить
И знать, что негодна жертва эта...

(Перевод Н. Гребнева)

Писать о Нарекаци и цитировать его прекрасные строки можно без конца, но мне не хотелось бы лишать читателя счастья — самому наслаждаться этим...

Поэт-философ XI века Ованес Саркаваг писал не только прекрасные стихи. Он один из первых возвестил миру свой «ars poetica» — то есть понимание «искусства поэзии» раннего средневековья, суть которого состоит в том, что природа является источником поэзии и самым мудрым учителем поэтов.

Искусники великие: Орфей — певец из Фракии,
И Арион прославленный, и Амфион из Фив,
Хоть пели восхитительно, но признаю, однако, я,
Что птичье пенье сладостней в тиши лесов и нив.

(Перевод Н. Гребнева)

Стихи эти свидетельствуют также о том, что средневековые армянские поэты хорошо были знакомы с поэзией и мифологией народов древнего мира.

Что касается «отца поэзии» Гомера, то о нем уже с V века писали многие историки, философы и писатели — от Давида Анахта до того же Ованеса Саркавага и Нерсеса Шнорали, который начинает свою поэму «Плач об Эдессе» с упоминания о Гомере.

Поэма Нерсеса Шнорали «Плач об Эдессе» посвящена падению Эдессы, важного центра христианского мира в Северной Месопотамии. Однако автор поэмы оплакивал в своих стихах не только Эдессу, но и средневековую армянскую столицу Ани, с падением которой Армения потеряла свою государственность.

Эта поэма имела огромную популярность не только из-за темы, близкой сердцу армян, но и высокой художественности.

Шнорали — автор поэм, стихотворений, гимнов, шараканов, загадок, причем первый из средневековых поэтов, достигший искусства в рифмовке. Большинство его стихов построено в форме акростихов (закрывающих имя поэта, армянский алфавит, имена христианских мучеников и т. п.).

Из поэтов XIII века особенно выделяются двое, оба из города Ерзнка (ныне находится в Турции) — Ованес Ерзнкаци (Плуз) и Костандин Ерзнкаци.

Ованес Ерзнкаци — автор эмоциональных и мудрых поэтических миниатюр, вернее — айренов (по своему размеру и другим жанровым особенностям).

В своих стихах и поэмах Ованес Ерзнкаци бичует несправедливость мира, грехи людей и собственные грехи, не щадит даже бога, хотя, как все его современники, сразу же кается в совершенном.

«С детства меня мучает жажда знания», — пишет он в одном четверостишии, выражая самую сокровенную черту народа — тягу к знаниям...

Армянская многовековая поэзия знает несколько поразительных примеров смелого и дерзкого (по тем временам) социального и религиозного протеста. Это эпос «Сасунские храбрецы», возникший в VII—X веках; «Жалобы» средневекового поэта Фрика; айрены, ратующие за любовь, свободную от всех пут и цепей; стихи Ованеса Тлкуранци и маленькая трогательная поэма Ованеса Ерзнкаци «Ованес и Аша».

Это — поэма о любви, и, как ни странно, отнюдь не несчастной — сына армянского священника Ованеса и дочери муллы Аше.

Это в средние-то века, да еще на Востоке (средневековье в средневековье!), при безусловном господстве фанатичной религиозной нетерпимости.

Какими только карами не запугивают бедных влюбленных с

обеих сторон! Но влюбленные не боятся всего этого и даже находят в себе силу противодействовать гонениям:

Ничего, что отец твой священник,
Мой отец — мулла и кади*,
Все забудем мы во мгновение,
Лишь прижмешь ты меня к груди! —

(Перевод Н. Гребнева)

говорит Аша.

А Ованес идет даже на неслыханную (хоть и весьма убедительную) дерзость:

Мать моя, я твой сын и наследник,
Говорю, что не прав проповедник.
Если раз на Ашу он глянет —
Сам, как я, он безумным станет!

(Перевод Н. Гребнева)

У поэмы счастливый конец, если и не очень возможный в условиях средневековья, то весьма желанный для простых людей всех наций и верований...

В отличие от «ростом малого» Ованеса — Костандин Ерзнкаци сам называл себя «Костандином высокого роста».

Судя по дошедшим до нас стихам, он был преимущественно певцом любви, хотя, стеснясь или боясь этого «греха» (ведь жил и творил он в монастыре!), он сообщает, что свои любовные стихи написал по просьбе братьев-монахов, которые «жаждали светских песен»... Возлюбленная Костандина, которую он называет «душой души моей больной» (неужто возможно, чтобы было это сказано «по заказу?»), так потрясла поэта, что он даже на заданную тему «о розе и соловье» (большинство восточных стихов на эту тему построены по трафарету и мало чем отличаются друг от друга) пишет достоверно и человечно...

Вот как обращается соловей к розе в стихотворении «Песня чистой весны»:

Не отворишь ты увяданья,
Как я — осенний свой отлет,
Но мысль о нашем расставанье
Теснит в груди моей дыханье
И мне покоя не дает...

(Перевод Н. Гребнева)

Поэт Фрик жил и творил в XIII—XIV веках, во времена монгольских нашествий, его творчество самое сильное и яркое

* Кади — духовный судья у мусульман.

выражение социального протеста в армянской, пожалуй, и во всей средневековой поэзии.

Помимо других причин, это объясняется также чрезвычайно трудным положением Армении, где к тройному притеснению — социальному, национальному и религиозному, присоединились еще бесконечные войны, нашествия, грабеж и непосильные поборы.

Если гениальный предшественник Фрика Григор Нарекаци страдал от того, что, искренне веруя в бога, не принимал созданный им мир, то Фрик, даже без аллегорий и других литературных ухищрений, в своих «Жалобах» прямо обвинял бога во всех несправедливостях и бедствиях мира.

Вершится все по божьей воле,
Но, боже, нам терпеть доколе?

(Перевод Н. Гребнева)

И сам же выносит свой приговор:

Создатель в этой жизни брэнной
Нас верой одарил священной,
Но блага все отмерил нам
Он мерою неравномерной...

(Перевод Н. Гребнева)

Считая уже доказанной вину бога в социальных несправедливостях, Фрик переходит к обличению несправедливости религиозной и национальной.

С пронией задаваясь вопросом, как могли от единственной четы, Адама и Евы, произойти столько народов и племен, враждующих друг с другом, Фрик возмущенно призывает бога к ответу и по другому поводу. Если бог всемогущ, то почему не наказывает своих врагов-нечестивцев, веками мучающих преданных вере армян, даже тогда, когда эти нечестивцы разрушают и оскверняют его храмы, превращают их в мечети?

«Ужель нашел ты оправданье тем, кто приносит нам страданье?» — с издевкой спрашивает он бога, добавляя в сердцах:

Коль так, хоть я не всех мудрее,
Скажу: не будь ты к нам добрее
И многогрешный мой народ
С лица земли сотри скорее!..

(Перевод Н. Гребнева)

Ведь это предпочтительнее, чем веками терпеть страданья и муки!.. А если уж всемогущий бог до того беспомощен, что не может

устранить большие несправедливости созданного им же мира — будь они социальные или религиозные, — то пусть попытается устранить хотя бы несправедливости чисто человеческие...

В самом деле:

Не по твоей ли мудрой воле
Один живет сто лет и боле,
Другой является на свет
И вянет, как травинка в поле?

(Перевод Н. Гребнева)

Будучи поэтом-обличителем социальной несправедливости, или, как сказали бы сегодня, поэтом-гражданином, Фрик одновременно был нежным лириком. Вот один пример:

Цветок любви чудесный этот
растет не в дальней стороне,
он зацветает вешним цветом
внутри людей, а не вовне...

(Перевод Н. Гребнева)

Поэт XIV—XV веков Ованес Тлкуранци — один из лучших лирических поэтов средневековья, автор любовных стихов и стихов о природе. Многие его песни — не просто «любовные песни», а плач страдающего от несчастной, не одаренной взаимностью любви сердца:

О, сердце ты мое сожгла,
Чтоб углем брови подвести!
О, кровь мою ты пролила,
Чтоб алый сок для ног найти!

(Перевод В. Брюсова)

От страданья любви «кричат» даже его строки:

Чтобы кричало пламя моего сердца! —

пишет он в одной из любовных песен, и, зная поэта, не воспринимаешь это как гиперболу.

Лирические стихи о любви и природе, которые нам кажутся сейчас «безобидной забавой», тогда были дерзкой и опасной оппозицией против религиозного догматизма, канонической поэзии, «культы личности» бога...

Прекрасно зная это, Ованес Тлкуранци после каждого своего «опасного» стихотворения, в целях самозащиты, дает концовку (специально для демагогов от веры), прямо противоположную смыслу стихотворения, сводящую все к религиозным аллегориям (соловей — Христос, роза — церковь и т. д.) или к шутке...

Обращаясь, например, к возлюбленной с такими еретическими богохульными словами, как «сильнее креста твоя благодать!», он тут же делает «приписку»:

Ованес, не стоило влюбляться:
Наши дни не долго в мире длятся,
Чаще вспоминай, чтоб исцеляться,
Что не вечна в мире красота...

(Перевод Н. Гребнева)

Если вспомнить, что средневековые поэты и песнопевцы жили и творили, как правило, в монастырях, станет понятна мера дерзновения «сумасбродного Ованеса», когда он призывает на берегу весеннего ручья:

Объяття рук кольцом сомкнув,
вкусать вина земную сладость...

(Подстрочный перевод)

или предлагает новый ритуал похорон:

Мой бедный прах вином омыв,
Пускай певец над ним споет.
Как в саван, в листья положив,
В саду весеннем погребет...

(Перевод В. Брюсова)

Пользуясь «прецедентом», предполагаемый автор айренев уже так осмелел, что святую церковь меняет на... Но лучше послушаем его:

Подобна храму грудь твоя,
лампады в нем — твои соски.
Их зажигать бы мне весь век!
Тогда не знал бы я тоски.

(Перевод В. Микушевича)

Проснувшееся от свежего дыхания Возрождения тело стремилось освободиться от духовных оков средневековья, чтобы свободно жить, творить, любить:

С той поры, как рожден на свет,
мне спасенья в молитвах нет.
И пускай священник зовет —
сворочу, не пойду вослед.
А красавица поглядит —
славословлю и шлю привет.
У колен ее — мой алтарь,
я грудям ее дал обет...

(Перевод А. Абалис)

Объем предисловия не дает возможности писать обо всех средневековых армянских поэтах, включенных в эту книгу.

Однако нельзя не сказать хоть несколько слов о знаменитом поэте (и, по-видимому — художнике, ибо «Нагаш» — значит художник) Мкртиче Нагаше (XV в.), который известен не только любовными стихами, но и «песнями изгнанников» — жанр, который (по причине, объяснимой историей нашего народа, полной войн и нашествий) был весьма распространен во все века...

Об изгнанниках, их тяжелой жизни и тоске по родине писали почти все средневековые армянские поэты, об этом — наши прекрасные айрены и антунни (само это слово означает бездомный) и большинство народных песен.

Как многие другие, Мкртич Нагаш с волнением и болью в сердце оплакивает судьбу изгнанников, хоть и понимает, что еще ни одного изгнанника слезы и плач не спасали от бедствий:

— Не причитай, не плачь, изгнанник,
не победишь слезами зло.
На свете ни одно страданье
от причитаний не прошло.
От громогласного стенанья
не исполняются желанья,
и никого еще рыданье
в родимый край не привело!

(Перевод Н. Гребнева)

Интересно стихотворение Мкртича Нагаша «О жадности», где он, бичуя социальные противоречия времени, делает попытку отделить трудовой народ от его алчных и воинственных порабитителей:

Цари садятся на коней, цари воюют меж собой,
Гоня покорных на убой, — все из-за жадности
людской.
Чтоб увести народы в плен, проходят вихрем над
страной,
Ровняют города с землей, — все из-за жадности
людской.

(Перевод П. Панченко)

Один из талантливейших поэтов XVI века — Григорис Ахтамарци, который, как показывает его псевдоним, жил и творил в монастыре Ахтамар на берегу Ванского озера (ныне находится в Турции). Ахтамарци тоже преимущественно певец любви и природы. Стихи его отличаются пышным восточным слогом и обилием блестящих эпитетов и сравнений, однако они лишены характерной для подобных восточных стихов слащавости.

Поэтому веришь ему и не принимаешь его слова как красноречивое, когда он говорит:

Любовью ли наказан я,
На царство ли помазан я —
Не знаю, но своей любовью
К твоей любви привязан я.

(Перевод Н. Гребнева)

Но стоит Ахтамарци выйти за круг средневековых стихотворных схем («роза и соловей», «душа и тело» и т. д.), как он сразу освобождается от пышного слога и становится сдержаннее, глубже, человечнее...

Пример этого — его условно озаглавленное «Песнь об одном епископе» стихотворение, одно из лучших в средневековой армянской поэзии.

Человек неизмеримо тяжелым трудом (особенно в Армении — стране камней) очистил горный склон от камней, построил дом, насадил виноградник и только-только хотел насладиться всем этим, увидеть плоды своего сада и испить глоток вина, как слышит грозный голос архангела Гавриила, посланника смерти: «Встань, покинь свой сад!»

В средневековье не было недостатка в стихах, выражающих, согласно христианскому духу, суету сей жизни и воспевающих потустороннюю, «настоящую» жизнь человека после смерти... Не исключено, что таков был и «социальный заказ» Ахтамарци — написать о суете земной жизни.

Но будучи настоящим поэтом, он, даже вопреки своей воле, написал удивительно волнующие стихи о судьбе человека, столь несправедливой к нему...

Эти стихи были особенно близки и понятны армянину-труженику, ибо его заставляли «покинуть свой дом и сад» не только смерть, но и многочисленные захватчики...

Точно так же, как смерть вынуждает человека, не изведав сполна жизни, покинуть ее и уйти в небытие, чужеземные захватчики вынуждали его покинуть свой родной дом и сад и уйти в изгнание, которое иногда было хуже смерти...

С XVI—XVII веков Армения была разделена между Турцией и Персией, и, несмотря на этот длившийся веками кошмар, армянский народ дал миру таких знаменитых певцов-поэтов, как Наапет Кучак, Нагаш Овнатан, Багдасар Дпир и гениальный Саят-Нова.

Для поэтов этого времени тесны были монастырские стены, и Нагаш Овнатан — поэт и художник XVII—XVIII веков, уже создает свои воистину народные песни-стихи не в келье, а за

пиршественным столом, на зеленой лужайке, и если вспоминает бога, то лишь... для украшения госта:

Подвинь сюда наполненный сосуд,
Барашка пусть на блюде принесут,
В котле пилав, миндаль, гвоздики тут...
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

(Перевод С. Спасского)

Самыми яркими из поэтов этого времени, безусловно, являются народный поэт и художник Нагаш Овнатан и гениальный Саят-Нова, стоявший на грани средневековой поэзии и поэзии новых времен.

Поэт, композитор и музыкант, Саят-Нова писал стихи, сам сочинял к ним музыку и сам пел свои песни-стихи, сопровождая их игрой на скрипке Востока — кямани*. Причем делал он это... на нескольких языках. Армянин по национальности, он прекрасно владел пятью языками: армянским, грузинским, азербайджанским, персидским, арабским (писал на первых трех языках). И еще одним языком владел он — вечным и доступным всем людям языком песни, с которой он был и вечно пребывает на всех кавказских пирах и в сердцах влюбленных.

Если бы от Саят-Нова остались лишь любовные песни, этого было бы достаточно, чтобы считать его одним из лучших лириков мира. Однако он оставил нам и философские стихи, стихи о сладости и горечи сей преходящей жизни, их достаточно, чтобы почитать его одним из мудрейших поэтов мира.

Нет хода истине моей —
в народе расплодилось ложь! —

(Перевод М. Лозинского)

с болью бросил Саят-Нова в лицо своему жестокому времени, оставшись, однако, великодушным и незлобивым:

И пусть подносят желчь тебе —
ты сахар дай, Саят-Нова!

(Перевод В. Брюсова)

«Слуга народа», Саят-Нова в этих строках выразил самое главное свойство армянского народа, который от нескончаемых бедствий не озлобился, не очерствел, остался добрым и отзывчивым, готовым жертвовать собой ради других...

* Кямани, каманча — струнный народный музыкальный инструмент.

Саят-Нова обратился к миру со своей знаменитой песней-посланием, в которой выразил самый сокровенный завет нашего народа: «Возлюби письмена, перо возлюби, книгу возлюби!» И по сей день слова эти золотыми буквами сияют на стенах наших школ, библиотек и книжных магазинов.

Я чуть было не написал уже, что прекрасные и мудрые песни Саят-Нова воистину бессмертны, глубоко вошли в народ и повсеместно поются до сих пор, как начатую фразу прервала песня Саят-Нова, звучащая из ближайшего к Цахкадзорскому Дому творчества писателей (где я пишу это предисловие) пионерского лагеря.

Веселый шумный поселок Цахкадзор — ущелье цветов.

С утра до вечера то здесь, то там звучат музыка и песни.

Иные из этих песен, что поют двенадцатилетние пионеры, имеют возраст двенадцати и больше веков. Есть и такие, что были созданы почти тысячелетие тому назад именно здесь, в Цахкадзоре, где еще в начале II века существовал знаменитый Кечарисский монастырь и академия, где жили, учились и творили многие ученые, философы, писатели, музыканты, архитекторы, в том числе — создатель одного из храмов этого архитектурного комплекса Вецик, который похоронен под красивым хачкаром* во дворе монастыря...

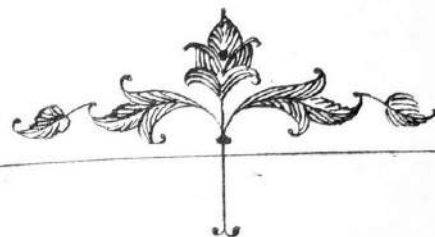
Звучат над лесами и горами Цахкадзора песни Саят-Нова; вдали, как молчаливый свидетель славы нашей древней письменности, гордо высится храм Кечарис, где творили философ Григор Магистрос и поэт Хачатур Кечареци, один из авторов этой книги, а рядом со мной, в тихих комнатах Дома творчества, пишут свои новые стихи мои собратья по перу, молодые поэты Армении...

Продолжаются нескончаемые песни Армении...

Геворг Эмин

1980. VIII. Цахкадзор

* Х а ч к а р — крест-камень, покрытый тонкой кружевной резьбой.

СРЕДНЕ- ВЕКОВЫЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Трудовые песни

ПЕСНЯ — МОЛИТВА СЕЯТЕЛЯ

Господи мой боже,
Пусть хлеб уродится.
Горсть я дам прохожим,
Горсть другую — птицам,
Третью горсть — нищим,
Пусть будет им пищей.
Пусть прохожие жуют.
Птицы божии — клюют.
Все, кто может, пусть берут.
Горя пусть вовек не знают.
Пусть посеянному мной
Этой раннею весной
Изобилья пожелают!

* * *

Ёр, ёр, ёр, ёр... *
Наше поле между гор.
Меж высоких двух холмов,
Двух глубоких родников.
Мой лемех остер, и в дышле
Пара сотенных волов!

* Ер, ёр... — напев, сопровождающий работу пахаря.

Ёр, ёр, ёр, ёр,
Кто поставит мне в укор,
Что весной весь день папу,
В летний зной траву кошу
И затем, что недосужно,
На красавиц не гляжу.

Ёр, ёр, ёр, ёр,
На работу я востер.
Утром вышел я, нашел
Абрикоса крепкий ствол,
Смастерил для плуга дышло
И за плугом вслед пошел.

Ёр, ёр, ёр, ёр,
Не женат я до сих пор.
Может статься, в этот год
Хорошо ячмень взойдет.
Может, мать уговорю я:
Пусть невесту мне найдет!

ОРОВЕЛ *

Оровел. Оровел...
Вот рассвет зарозовел.
К борозде я борозду
В чистом поле проведу.
Дай бог, чтоб я всё успел...
Оровел, оровел!

Сын — помощник, видит бог,
Как погонщик — слишком плох.
В борозду лемех вонзать
Глубоко,
Землю твердую пахать
Нелегко!
Много в мире трудных дел.
Оровел, оровел!

* Оровел — песня пахаря.

Оровел, оровел!
Словно камень мой надел.
Батогом волов огрею,
Хоть всего, чем я владею,
Я б за них не пожалел...
Оровел, оровел!

* * *

Вол, кормилец, поспеши,
Труд нелегкий заверши.
Вспашем поле под пшеницу,
Станем господу молиться,
Чтоб о нас господь радел,
Дал пшенице уродиться,
Ороло-оровел!
Вспашем поле под пшеницу!

Мы с надеждой вспашем поле
И с надеждою проподем,
Лишь бы нас господь жалел —
Ниспослал бы влаги вволю,
Чтоб сам-двадцать иль поболее
Дал бы хлеба наш надел.
Ороло-оровел!
Лишь бы влаги было вволю!

Будем господу молиться,
Чтоб созревшую пшеницу
Зной и град не одолел,
Чтоб на жатве потрудиться,
Чтоб серпам не затупиться.
Ороло-оровел!

* * *

Денница, как счастливый знак,
Мерцает, нам желая благ.
Мы понимаем утра зов:
В ярмо впрягаем мы волов!

Мы даровых не ждем щедрот,
За сладкий плод — соленый пот.

Когда бы не волю да плуг —
Была пустыня бы вокруг.

Сжимая плуга рукоять,
Молитвы будем повторять.
Дает господь рабам своим
И день и дело вместе с ним!

Волю, я дам вам пить и есть.
Кормильцы, ваша доля есть
Во всем, что с поля мы потом
По божьей воле соберем.

Наш плуг врезался в глубь земли,
Мы ровно борозды вели.
Упорный труд, проворный труд
Превыше злата люди чтут.

К вечерне скоро зазвонят,
Мы скоро повернем назад,
И корма зададим волам,
И поспешим в господний храм.

* * *

Божьей волей плуг спустился.
С неба в поле вдруг спустился
И на пашне у реки
Вырвал с корнем сорняки.
Чтобы стала наша нива
Изобильною на диво,
Чтобы каждому дано
Было по трудам,
Чтобы пахарю — зерно,
Плевела — попам!
Чтобы яблочко — бедняку,
Чтобы девицу — батраку,
Черный кlobук — чернецу,
Веревку да сук — подлецу,
И чтобы бестии старосте
Было возмездие в старости,
Пусть у злодея знахаря,

Что порчу шлет на пахаря,
Погаснет очаг.
Да будет так!

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Боже, боже, пощади,
От ненастья огради,
Нам нужна лишь малость —
Чтоб скорее позади
Пахота осталась!
Хоо! *

Милые мои волю,
Знаю — сохи тяжелы.
Хоо!

Ну, а мне легко пахать,
Нажимать на рукоять?
Хоо!

Что взойдет на поле нашем,
Если мы его не вспашем?
Хоо!

Вот жена ко мне идет,
На плече кувшин несет.
Хоо!

Сам поем и вам, волам,
Корма досыта я дам.
Хоо!

ПЕСНЯ ПАХАРЕЙ

Мы с первой зорькой встаем,
Идем работать в поля,
Простую песню поем,
Сердца свои веселя!

Темная ночка прошла,
Весел зеленый простор;
У бога много тепла,
Солнце встает из-за гор.

* Хоо — окрик, понукающий волов.

Идем! За дело пора!
В лесах нам птицы поют.
Богат, кто взялся с утра
На ниве за скромный труд.

Пусть долго спит богатей
И ждет от других услуг.
Я сжился с долей своей,
Хоть ем только хлеб да лук.

У меня нет лишних забот,
Всегда беспечален я,
И пахарь песню поет
Звучней, чем песнь соловья.

Едва проснется богач —
Клянет он участь свою;
Над жизнью, бедный, не плачь:
Такая же будет в раю!

Мы с первой зорькой встаем,
Идем работать в поля,
Песню простую поем,
Сердца людей веселя!

СОХА

Облегчи, соха, беду,
Сделай глубже борозду.
К беднякам не будь бездушной.
Что нам нужно? Хлеб насущный.

Давят нас долги, нужда,
Стала горькою вода,
Дети голодны всегда,
Не поможешь нам — беда!

К беднякам не будь бездушной.
Что нам нужно? Хлеб насущный.
Ты печаль мою развей,
Пожалей моих детей!

ПЕСНИ БОРОНОВАНИЯ

1

Тап-тап-тап-тап.
Вол-кормилец, ты не слаб!
Комья крепкие земли
Взбороним проворно,
Чтоб скорее проросли
Золотые зерна.
Тап-тап-тап-тап.
Каждый выровняй ухаб.
Утром медлить не расчет,
Топаи веселее, —
Скоро солнце припечет,
Станет тяжелее!

2

Эй, шагай ты прямо, а не в сторону,
Вол мой дорогой.
Комья разрыхляй, тяни ты борону,
Вол мой дорогой.
Чтоб бугров и впадин не осталось,
Вол мой дорогой.
Чтобы всходам легче прорасталось,
Вол мой дорогой.
Ямы и бугры — зерну помеха,
Вол мой дорогой.
Не оставь ни одного огреха,
Вол мой дорогой.

СЕЯТЕЛЬ

Сеятель, наш хлебодатель,
Награди тебя создатель!
Без тебя, кормилец мира,
Было б холодно и сиро.

Люди от твоей горсти
Глаз не могут отвести.

Одичали бы поля,
Не будь тебя.
Наша вымерла б земля,
Не будь тебя!

За холщовый шейный твой платок
Стать бы жертвой нам.
За чувяки с огрубелых ног
Стать бы жертвой нам.
Да пошлет благословенье бог
Всем твоим трудам!

ПЕСНЯ ПОЛОЛЬЩИЦ

Вот подул с Масиса * ветерок,
Это значит — вечер недалек.
Кончим мы прополку, и, быть может,
Каждой встретится ее дружок.

Девушки, пусть нам не будет лень
Спины гнуть, не убегая в тень.
Всё, что заработаем за лето,
Может, сэкономим на черный день.

Кажется, с утра сто лет прошло,
А на поле все еще светло.
Оглядишься — нет конца работе,
Не темнеет небо, как назло!

Хлопок, хлопок — низкие кусты,
Желтые и белые цветы.
Поля мы еще не пропололи,
От его устали красоты.

ПЕСНЯ МОТЫЖНИЦЫ

В поле я работаю с утра.
Зной слепит глаза, печет жара.
Стать бы жертвой за кушак любимого,
С украшением из серебра!

Мне земля подошвы изожгла,
Зноен день, мотыга тяжела.

* М а с и с — армянское название горы Арарат.

К милому щекой своей румяной
Я прижалась, если бы могла.

Меж кустов кунжута я иду.
Пекло здесь нещадней, чем в аду.
Где же рай? — У милого в объятьях,
Коль в его объятья упаду.

Я сотру с лица соленый пот,
Боль, усталость — сразу всё пройдет.
Я надену бусы и забуду
Про печаль, что сердце мне гнетет.

Сада без цветов не бывает,
Розы без шипов не бывает.
Девушек красивых без дружков
И без женихов не бывает!

ПЕСНЯ КОСАРЯ

Ты свисти, коса, свисти!
Выше травам не расти.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Поспешайте, косари,
Начинайте до зари.
Джан * хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик!

Травы смочены росой,
Ровно лягут под косой.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Чтоб скосить траву скорей,
Вышло много косарей.
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик.

Ты помашешь два часа,
И затупится коса.

* Д ж а н — букв.: душа, тело. Ласковое обращение.

Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Эй, косарь, давай скорей,
Косу молотком отбей.
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик.

Чтобы честь по чести было —
Вот брусок и вот точило.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Косовище укрепи,
Снова косу торопи.
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик.

Коль коса твоя остра —
И косьба твоя быстра.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

ПЕСНЯ ЖАТВЫ

В чистом поле жарким днем,
Яр* ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Жнем мы дружно, в ряд идем,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

По нужде, а не в охоту,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Жнем мы, не жалея поту,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Мы свою полоску сжали,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Все снопы заскирдовали,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Крикните, чтоб Мартирос,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,

* Яр — возлюбленная, возлюбленный.

Плова жирного принес,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Кто отстал, тот виноват,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп!
Кто закончил — будет рад,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Жшите все, покуда в силе,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Чтобы сытыми вы были,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Всё, как есть, сожнем мы жито,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Чтоб зимою есть досыта,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

ПЕСНЯ ЖНЕЦА

Пусть дует ветер горный,
Чтоб я не так устал,
Чтоб серп в руке проворной
Быстрее пшеницу жал.

Как много раз случалось,
Что я не видел дня,
Что сердце обливалось
Кровью у меня!

Судьба, не будь жестока,
Чтобы я слез не лил,
Врагов — которых много —
Чтоб я не веселил.

Ты, серп, ходи резвее,
Ты, ветер, с гор гуди.
Пусть голос твой развеет
Печаль в моей груди!

Чтоб я быстрее работал,
Чтоб на исходе сил,

И обливаясь потом,
Я горьких слез не лил.

Чтоб улеглась тревога
И до скончания дней
Чтоб я со словом бога
Растил своих детей!

На пастбищах да нивах,
Под бременем забот
Нелегкий, несчастливый
Так весь мой век пройдет!

ПЕСНИ МОЛОТЬБЫ

1

Над землей плывут облака.
Эй, мой вол, оровел, оровел!
Ветер дует издалека.
Эй, мой вол, оровел, оровел!

Все снопы отвезем на гумно,
Отделим от соломы зерно,
Солнце в тучи заходит неспешно,
Дело кончить пора бы давно.

Мы с зарею сюда пришли,
С темнотою домой не ушли,
Солнце гаснет, и ветер на поле.
Дождевые капли закапали.

2

Вол, я говорю как другу —
Торопись, чтоб дело шло.
Поживей ходи по кругу.
Ороло, ороло!
Хо!

Мы разделим по-простому
Всё, что поле нам дало:

Мне — зерно, тебе — солому.
Ороло! Ороло!
Хо!

ПЕСНЯ ВОЗЧИКА

Сто снопов — тяжелый воз.
Вол другой его б не сvez.
За тебя, мой вол рогатый,
Жизни мне не жаль своей.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Для тебя, дружище вол,
Я из жил постромки сплел.
Не порвешь ты их, рогатый,
Не сотрешь и за сто дней.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Крепко я поставил ось,
Чтоб не шли колеса вкось.
Воз тяжел, мой вол рогатый,
Но тянул ты тяжелей.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Сноп, что с воза обронил,
Поднял я на зубья вил.
Эй, иди ровней, рогатый.
Ты спокойней — груз целей.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Воз высок; чуть поворот —
Не усмотришь — упадет.
Круто не бери, рогатый,
Будь ловчее, будь умней.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

ПЕСНЯ ЖЕРНОВА

Вертится жернов, вертится жернов,
Много зерна он смолот на веку,
Белые зерна, белые зерна
Он превращает в крупу и муку.

Нашей пшеницы зерно золотое
Жернов мгновенно в муку превратит.
В горло зерно ему всыпьте любое,
Всё раздробит, разотрет, размельчит!

Зерна гороха и зерна пшеницы,
Зерна бобов подавайте ему.
Жито в крупу и муку превратится,
Гости придут — начиняйте долму*.

Эй, отгребай, молодая, проворней,
Пусть красота твоя вечно цветет!
Крутится тяжело грохочущий жернов,
Крутится жернов, дело идет.

ПЕСНЯ КРЕСТЬЯНИНА

Лунный свет нам с испокон сладок,
Труженика крепкий сон сладок.
Ночь неторопливо убывает,
Звук свирели ей вдогон — сладок.
Травы в поле ветер обдувает.
Ласковый и добрый, он — сладок!
Слышно, как с горы поток стекает,
И его далекий звон — сладок.
Где-то соловей поет — рыдает,
Нам же соловьиный стон — сладок.
Все в цветенье, сад благоухает,
Каждый кустик и бутон — сладок.

МАЛЕНЬКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Солнце землю припекло,
Время пахоты пришло.
Чтоб зимою жить в достатке,

* Долма — армянское блюдо, вроде голубцов.

Я в ярмо запряг гусей,
В дышло — белых журавлей;
Взял на помощь для порядку
Воробья и куропатку.
В добрый час, паши и сей.
Все вспахал я понемногу,
Все засеял, слава богу!

Подошла пора полива,
Превратил глаза в родник,
Слезы брызнули — и в миг
Оросил поля на диво,
Завершил труды счастливо!

Вот и жатва уж близка,
Словно серп моя рука.
Я пшеницу сжал умело,
И, чтоб ветер не унес,
Свил я свясла из волос,
Всё связал и кончил дело.
День прошел — и сжата нива,
Завершил труды счастливо!

Дело новое приспело:
Всё, что сжал, везти на ток.
На спине снопы сволок,
Уложил их все в рядок.
Завершил и это дело —
Молотбы приходит срок.

Журавля на помощь взял,
Чтоб журавль колосья мял,
Чтоб на холке журавлиной
Восседал бы чибис чинный,
«Хелев-хелев»* — погонял.

Дело вмиг завершено:
Тут солома — там зерно.
Через пальцы всё просеял,
Дунул я — зерно провеял.
Но забот еще полно.

Жду я сборщиков налога.
Надо подати платить.

* Хелев-хелев — восклицание, поучающее животных.

Надо ухо наострить,
Чтоб держались правил строго,
Чтоб не брали слишком много.
Но и это, слава богу,
Удастся завершить.

Вот крученые чулки
Превращаются в мешки —
Я ссыпаю в них пшеницу,
Хоть мешки и велики.

Заплатить хочу сторицей
Всем помощникам-друзьям:
И гусям и журавлям,
Чибицу и прочим птицам
Справедливо, по трудам.

Что осталось — видит бог —
Я упрячу под замок,
Буду я муку беречь,
Чтобы хлеб зимою печь.

ПЕСНЯ ВЫПЕЧКИ ХЛЕБА

Хлеб печется, я гляжу, хеп-хо-хеп!
Ты печешь, а я сижу, хеп-хо-хеп!
Посижу еще часок, хеп-хо-хеп!
Развяжу твой поясок, хеп-хо-хеп!
Развяжу его, а там, хеп-хо-хеп!
Я прильну к твоим устам, хеп-хо-хеп!
Щеки у тебя румяны, хеп-хо-хеп!
Груди тверды, как шамамы*, хеп-хо-хеп!
Месяц на небе все выше, хеп-хо-хеп!
Плоски в нашем крае крыши, хеп-хо-хеп!
Клонит ночь тебя ко сну, хеп-хо-хеп!
Ты вздремни, и я вздремну, хеп-хо-хеп!

* Шамамы — небольшая дыня.

ПЕСНЯ МАСЛОБОЙКИ

Аист прилетел издалека — вот как,
Мы в ведро надбим молока — вот как,
Молоко заквасим и поставим — вот как,
Сделаем мацун*, мацун оставим — вот как,
После будем бить мацун сбивалкой — вот как,
Будто нам его совсем не жалко — вот как,
Мы побьем, побьем его получше — вот как!
Из мацуна масло мы получим — вот как!
Гоп-леле,
Гоп-леле!

* * *

Ах, сбивалка, ты моя сбивалка,
Мне мацуна для тебя не жалко!
Бей мацун, крути-верти,
Дело делай,
Ты Бабкена угости
Маслом белым.
Дашь, сбивалка, масла нам немало,
Зря ль тебя я мыла, вытирала.
Бей мацун, крути-верти,
Дело делай,
Варсик-джан ты угости
Маслом белым!

Эй, моя сбивалка, бей проворно,
Будь всегда моей руке покорна.
Бей мацун, крути-верти,
Дело делай,
Бабку с дедом угости
Маслом белым!

ПЕСНЯ ВЕРЕТЕНА

Крутись, крутись, веретено,
Трудись, трудись, веретено.
Тебя благословил священник,
И плату попросил священник,

* Мацун — род простокваши.

Но денег нет у нас давно.
Крутись, крутись, веретено,
Трудись, трудись, веретено!

Купец за шерсть заплатит честно.
Крутись, крутись, веретено!
У нас на выданье невеста.
Не обломись, веретено.

Придут за дочкою моею.
Крутись, вертись, веретено.
А что нам, бедным, дать за нею?
Трудись, трудись, веретено!
Пряди быстрее, ради бога,
Крутись, крутись, веретено!
Добра нам надо справить много,
Не покривись, веретено!

Лусик — хорошего бы мужа!
Крутись, веретено, быстрее.
Мы справим ей, бог даст, не хуже
Приданое, чем у людей.
Крутись, вертись, веретено,
Трудись, трудись, веретено!

ПРЯЛКА

Людам бедным — милость бога, прялка.
Многодетным ты — подмога, прялка!
Ты — спасительница хворых, прялка,
Для покинутых опора, прялка!
Ты для сирот — мать с отцом, прялка,
Для людей бездомных — дом, прялка!

Тонким голосом поешь, прялка,
Шерсть керманскую* прядешь, прялка,
Песнь слагаешь как ашуг, прялка,
О печали, что вокруг, прялка.
Песню тонко пой в тиши, прялка,
Больними с моей души, прялка!

* Керман — город в Иране, славившийся коврами и шальями.

Ты пряди, пряди, пряди, прялка,
Много дела впереди, прялка!
От твоих трудов одежда наша,
От твоих трудов надежда наша!

Звезды светятся давно, прялка,
А в моих глазах темно, прялка,
При тебе я, как раба, прялка,
Прясть всю жизнь — моя судьба, прялка!

Даже в час, когда ты спишь, прялка,
В голове моей шумишь, прялка.
Я с тобой и ты со мной, прялка,
Нитью связаны одной, прялка!

Ты жуужжишь в тиши ночной, прялка,
Сон овладевает мной, прялка!
Пусть любимый мой придет, прялка,
В сеть мою он попадет, прялка.

Я пряду, мне не уснуть, прялка.
Милый отбыл в дальний путь, прялка.
Лягу, но не спится мне, прялка.
Хоть не сплю — он снится мне, прялка.

ПЕСНЯ ПРЯЛКИ

Пряди, крутись, колесо.
Ты мой алмаз, колесо.
Ты свет в тени, колесо.
Ты нить таян, колесо.
Ты бедным брат, колесо.
Ты нищим клад, колесо.
Ты мой ашуг, колесо.
Мой верный друг, колесо.
Крутись быстрее, колесо.
Тоску развей, колесо.

ПЕСНЯ ЧЕСАЛЬЩИЦЫ ШЕРСТИ

Гребень привела в порядок.
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Вам меня просить не надо,

Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит.

Гребень мой дороже злата,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Только им я и богата.
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу!
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит.

От овцы и от барашка
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу,
Хоть работать мне и тяжело,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу!
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит!

Гребень — кость и позолота,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Нелегка моя работа.
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит!

Песни любви

* * *

Я высечен резцом
Из красного гранита,
Но я горю огнем,
Вся жизнь моя разбита.

Мой камень, мой гранит —
Неверная защита.
Душа моя горит —
Она не из гранита.

* * *

Склон вершины Миндзурской слишком крут,
Люди говорят — вода целебная
Там стекает в золотой сосуд
По извилистой трубе серебряной.

Как-то за целебной водой
Шла красавица с кувшином в гору,
И какой-то всадник молодой
К роднику подъехал в эту пору.

Он сказал: «Чтоб я не изнемог,
Чтоб от жажды не погиб безвинно,
Дай, красавица, один глоток
Мне отпить из твоего кувшина!»

Но в ответ и бровью не ведет
Эта тонкостанная девица:
«Будешь ты не первым, кто умрет,
Не успев воды моей напиться!»

Бедный всадник повернул коня
И сказал пред тем, как вдаль помчался:
«Я умру, и все, кто знал меня,
Пусть сочтут, что я и не родился!»

ПОЦЕЛУЙ БЫЛ СЛАДОК

В летний день спускалась я с Гарманца *,
За день я устала,
Очень я устала.
Сладкий запах роз и померанца
Жадно я вдыхала,
Жадно я вдыхала.

Спящего тебя я увидала,
И была я рада,
Как была я рада.
В губы я тебя поцеловала,
Спящего тебя поцеловала.
Поцелуй был сладок,
Поцелуй был сладок.

Будь благословенным, склон Гарманца,
Где попал ты в сети,
Где попал ты в сети.
Поцелуй был слаще померанца
И всего на свете,
И всего на свете!

* * *

Нынче вечером был я пьяным,
Нынче вечером был я пьяным,
Я стоял у входа в твой дом,
Я стоял у входа в твой дом,

* Гарманц — квартал, населенный греками.

Ты взглянула, всплеснула руками,
Я стоял, ты всплеснула руками,
Протянула мне чашу с вином.

«Не прошу я иной услуги —
Я молю: запиши меня в слуги,
Хоть рабом допусти к очагу!»
«Нет, рабу я не буду рада,
И прислужников мне не надо,
Я лишь друга пустить могу!»

Обнялись мы с тобой, невинной,
Но раздался крик петушиный.
«Ах, предатель, ах, горлодер!
За его оранье бесстыжее
Посреди ночного затишья
Нож ему, шампур и костер!»

Петуха за шею возьмем мы,
На костре его испечем мы
И поделим с тобой пополам.
Мы ему отомстим, как можем,
Ножки, крылышки — всё обгложем,
А из косточек сложим храм!»

«Ах, мой милый, мой бестолковый,
Храм с тобой мы построим новый,
И на радость обоим нам
Благовонный воскуришь ладан,
Купишь масла, нальешь в лампы,
Будешь их зажигать по ночам!»

КАК МНЕ СПАСТИ ТЕБЯ?

Сгустилась мгла, недобрым стала знаменьем,
Любовь рекой была, а стала пламенем.
Влюбленного, она дотла сожгла меня.
А как тебя спасти от злой руки?
Ты — роза, ты роняешь лепестки,
Ты — роза, ты роняешь лепестки.

Чем помогу тебе я, нищий странник,
О роза, ты роняешь лепестки,

О роза, ты роняешь лепестки,
Я гибну от печали и тоски,
А не от острых стрел на поле брани!

Любовь тяжка, я изнемог от бремени.
Изгнанник я, без роду и без племени.
Не в пору я расцвел, увял без времени.
Но как тебя спасти от злой руки?
Ты — роза, ты роняешь лепестки,
Ты — роза, ты роняешь лепестки.
Чем помогу тебе я — жалкий странник,
Я гибну от печали и тоски,
А не от вражьих стрел на поле брани!

ТЫ — МОЯ МИЛАЯ

Ах, почему ты, любимая, зла,
Что ж ты и знака не подала?
Мимо прошла, а кивнуть не могла,
Ты, моя милая!

Утром срывала ты розы в саду,
Ты ли не знала, что я тебя жду.
Что ж красовалась у всех на виду
Ты, моя милая!

Солнце сияло, и розы цвели,
Разве не знала, что ждал я вдали,
Самая лучшая роза земли —
Ты, моя милая!

РАСКРЫЛСЯ ЦВЕТОК

Раскрылся цветок
На крыше соседской,
На крыше соседской
Раскрылся не в срок.

Коль можешь помочь,
Заснуть помоги мне,
Заснуть помоги мне.
Не сплю я всю ночь!

Дари поцелуй мне,
Хотя б по субботам.
Дари поцелуй мне, —
Пусть кровь мне зажжет он.

Хотя бы раз в месяц
Ко мне приходи,
Чтоб крепко прижаться
К горячей груди!

И коль повезет,
Ты будешь дарить мне,
Ты будешь дарить мне
Детей что ни год.

* * *

Стан твой словно рукоять кинжала,
Вот ты вышла, вот у двери стала.
Стал больным я от любви к тебе,
А тебе, насмешница, все мало!

Ты мне сердце жжешь, тебе не жаль его.
Ты не сердце жги, сожги печаль его.

С гор бежит поток издалека,
Но водой студеной с ледника
Сердце остудить не удастся:
Жжет его любовь и жжет тоска.

Ты мне сердце жжешь, тебе не жаль его.
Ты не сердце жги, сожги печаль его.

* * *

«Ты не плачь, не плачь! — сказал бывалый
Попугай залетный птичке малой. —
Я тебя счастливою весною
В благодатный край возьму с собою.
В дальнем том краю с тобой вдвоем
На вершине мы гнездо соведем.

Теплый ветер будет обдувать тебя,
Ночью звезды будут озарять тебя,
В полдень солнце будет согревать тебя,
И тюльпаны будут окружать тебя».

* * *

Милая, ты в благодатном саду
Тонкими пальцами гроздь срываешь,
Взглядом случайным мне сердце пронзаешь,
Словом нечаянным грудь иссушаешь.
Ты ли не знаешь, что я тебя жду.
Что же ты медлишь — ведь жизнь быстротечна.
Юность даруется нам не навечно.

Белая роза среди красных одна,
Белая роза уже распустилась.
Что же ты медлишь, скажи мне на милость?
Сколько бы красных цветов ни раскрылось,
Белая роза, лишь ты мне нужна!
Что же ты ждешь, ведь пройдет без следа
Юность моя и твоя красота!

* * *

Если на гóру поднимешь ты взгляд,
Я над тобою — седой Арарат.
Вечен мой снег, но и снег растоплю я,
Каплю на плечи тебе оброню я.

Если под небом захочешь уснуть, —
Облаком лягу к тебе я на грудь.
В путь ты пойдешь одинокой тропой, —
Буду я ветром лететь за тобой!

* * *

Ах, яр, ямман*, ямман, ямман!
Ах, яр, причудница моя!
Наш дом — под грушею стоит.
Ваш дом — под грушею стоит.
Пусть поп ваш бороду спалит:
Хочу жениться — не велит.

Инжир — близ нашего жилья,
Инжир — близ вашего жилья.
Здесь — яр моя, там — яр твоя,
С дурнушкой — ты, с красоткой — я!

* Я м м а н — выражение огорчения, горя.

У нас — кувшины, сорок в ряд,
У вас — кувшины, сорок в ряд,
Пред каждым — чаши в ряд стоят.
«Коль пил — целуйся», — говорят.

Наш дом, ваш дом — рядком, рядком,
Мы в сад сойдем, травы нарвем,
С травой душистой, яр, пойдем
И в ясли травку отнесем.
Чья яр светлей других лицом?
Моя светлей других лицом!

Ах, яр, ямман, ямман, ямман!
Ах, яр, причудница моя!

* * *

Я повторять всегда готов:
«Не надо роз — они язвят,
Люби фиалку без шипов,
Ее так нежен аромат.

Ты розу пышную нашел?
Она увянет, — вот гляди!
Люби цветок, что не расцвел, —
Он расцветает на груди!»

* * *

Ах, раствориться — и стать водой,
И покатиться — большой рекой,
Водой струиться, — ах! ключевой!
А яр пришла бы — налить кувшин,
Я прожурчал бы — в ее кувшин,
С водой поднялся — ей на плечо,
Ей грудь облил бы — так горячо!

ПЕСНЯ НА ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Роза распустилась под Ваном* в саду.
Господи! дорогу как туда найду!
Милая, малютка, скажи мне: ты чья?
Целый мир ответит: ты — моя, моя!

* В а н — город в западной Армении (ныне в Турции).

Роза распустилась, и петух пропел.
Милую в саду я утром подсмотрел.
Роза распустилась утром под росой,
Милая срывала розы пред собой.

Роза распустилась в Воскресенье роз.
Ты зажгла любовью рощу моих грез.
Милая, малютка, скажи мне: ты чья?
Целый мир ответит: ты — моя, моя!

* * *

Как из яблок шербет — твой румяный лик!
Губы — мед у тебя, и сахар — язык!
Голос твой — каманча, сердце жаждет — тебя,
Словно звезды — твой взгляд, груди — сладостный сад!

Если в сад ты войдешь, — как стан твой высок!
Поцелует тебе ноги каждый цветок,
Все деревья тебе отвесят поклон,
И стыдно луне блистать в вышине.

Как павлин ты идешь, хороша и стройна,
В переливных цветах, и ала и бледна.
Да какую из птиц с тобой сравнить?
И чайке морской не спорить с тобой!

Песни изгнания

* * *

Что, красавица, плачешь в печали,
Совершилось какое из зол:
Лето ль кончилось — розы опали,
Час ли пробил — твой милый ушел?
Не печалься: цветы не утрата —
Лишь наступят весенние дни,
Заалеют на грядках они
Даже, может, пышней, чем когда-то.
Если ж милый отправился в путь,
В край, откуда нам нету возврата,
Знай, слезами его не вернуть!

Я — НЕСЧАСТНАЯ ПЛЕННИЦА

Птица, я поймана, в клетке глухой заперта я,
Нету мне счастья с тех пор, как отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Пусть, как гусаны, мне песни поют попугаи.
Нету мне счастья, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Я о наряде из перьев цветных не мечтаю.
Нету мне счастья с тех пор, как отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Пусть меня холят, зерном золотым улажая,
Нету мне счастья, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Мне во владенье не надо обширного края.
Нету мне счастья, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Пусть суетятся рабы, мне во всем угождая,
Счастья не будет, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Пусть вознесется дворец, позолотой блистая,
Счастья не будет, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Если и вырвусь из клетки, бессильна одна я.
Счастья не будет, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Птице несчастной, не надо мне вашего рая,
Взвиться бы в небо, пробиться к взлетающей стае.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Может, не так безнадежна судьба моя злая,
Может, за мною вернется родимая стая,
Может быть, в жизни моей всё еще переменится!

ЖУРАВЛЬ

Отчего, журавль, ты в небе стонешь?
Нет ли вести из страны моей?
Чуть помедли, ты свой стан догонишь.
Нет ли вести из страны моей?

Ты спешишь, и ждут тебя в Халебе,
Но прошу, как о насущном хлебе,
Пожалей, скажи, летящий в небе,
Нет ли вести из страны моей?

Потерял давно я все на свете,
Чем владел когда-то — не владеть мне.
О журавль, помедли и ответь мне:
Нет ли вести из страны моей?

Сам я выбрал путь неосторожно,
Изменить бы все — да невозможно.
Зло вокруг, все в этом крае ложно.
Нет ли вести из страны моей?

Как живу я? — спросят. — Понемногу.
Плачу я, клянусь свою дорогу.
Чем я плох, чем негоден богу?
Нет ли вести из страны моей?

Остаюсь для всех я посторонним,
Я привык к безверью, к беззаконьям.
Всё вокруг отравлено зловоньем...
Нет ли вести из страны моей?

Я с тобой, журавль, гонец мой статный,
Весть отправлю в край мой благодатный.
Скажешь ты, пустившись в путь обратный:
Нет ли вести из страны моей?

Полетишь обратно от Багдада,
Твой прилет мне будет как награда.
О журавль, мне так немного надо —
Нет ли вести из страны моей?

* * *

«Ручеек немноговодный,
Ты откуда?»
«Я с горы.
Снег растаял от жары
Нынешний и прошлогодний».

Ручеек я отведу,
Напою цветы в саду,
Расцветут — свяжу в букеты
И любимому пошлю.
Мой любимый — бедный странник,
Он забыл в своих скитаньях,
Что я здесь его люблю.

Пусть вдохнет он аромат,
Мой, быть может, вспомнит сад,

И мое поймет он горе,
Затоскует сам и вскоре,
Может быть, придет назад.

ПЕСНЯ БЕЗДОМНОГО

Сердце мое — что разваленный дом,
Груда камней над упавшим столбом,
Дикие птицы устроятся в нем.
Эх, брошусь в реку весенним я днем,
Пищей для рыб пусть я стану потом, —
Эх, бездомный ты!

Черное море, от пены бело,
Волны на волны, сражаясь, вело,
Море двойким пред взором росло,
В сердце моем так же мутно и зло,
Лучше бы вовсе его унесло. —
Эх, бездомный ты!

ЖАЛОБА КУРОПАТКИ

На горячем камне, вся в слезах,
Куропатка жалуется птицам:
«Ни в лесу дремучем, ни в горах,
Бедной птице, негде мне укрыться.

Где мне схорониться от врага,
Есть ли место на земле такое,
Есть ли в мире горы и дуга,
Где б меня оставили в покое?

В нашем крае горы высоки,
Там орлы когтистые гнезятся,
На лугах расставлены силки,
Ждут стрелки, что я должна попасться.

Спрячусь я — стрелок меня найдет,
Острый нож в его руках блеснет.
Потечет из горла кровь ручьем,
Обагрится грудь моя мгновенно,
Ножки тонкие мои ножом
Мне стрелок отрежет по колено.

Пестренькие перышки мои
Ветер злой развеет по равнине,
Унесут их быстрые ручьи,
Вот и всё, и нет меня в помине.

Разнесется белый мой пушок,
Улетит по ветру без возврата,
И любой ничтожный ручеек
На волнах умчит его куда-то.

КУРОПАТКА

Стоном оглашая лес,
В глушь забила куропатка.
И спросил господь с небес:
«Что случилось, куропатка?»

— «У меня пропал птенец.
На вершине ль поднебесной
Или в пропасти отвесной
Отыскал он свой конец?..
Буря ли сосну свалила —
Моего птенца убила,
Или бешеный поток
Моего сынка увлек?
Но с бедой не примирюсь я,
Полечу я поутру,
Отыщу сынка — вернусь я,
Не найду — сама умру!»

Песни о природе

ПЕСНЯ О ВРЕМЕНАХ ГОДА

ВЕСНА

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждой весною приходят.

Надели зеленый наряд,
Надели зеленый наряд,
Надели зеленый наряд,
Над землею кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от нее,
Раб умиленный творца.

ЛЕТО

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждым летом приходят.

Надели багряный наряд,
Надели багряный наряд,
Надели багряный наряд,
Над розой кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от нее,
Раб умиленный творца.

ОСЕНЬ

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что осенью каждой приходят.

Надели желтый наряд,
Надели желтый наряд,
Надели желтый наряд,
Над сушью кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от нее,
Раб умиленный творца.

ЗИМА

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждой зимою приходят.

Надели белый наряд,
Надели белый наряд,
Надели белый наряд,
Над снегами кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от нее,
Раб умиленный творца.

* * *

«Как вам не завидовать,
Горы вы высокие!»
«Что же нам завидовать —
Участь наша горькая:
Летом жжет нас солнышко,
В зиму — стужа лютая!»

ПЕСНЯ АИСТА

Здравствуй, аист! аист-друг!
Ты вернулся, аист-друг,
Разлилась весна вокруг,
Веселей нам стало вдруг!

Милый аист, к нам спустись,
К нам на кровлю опустишь,
В нашем доме поселись,
Свей на ясене гнездо.

Я пожалуюсь тебе,
Ах, пожалуюсь тебе:
Много бед в моей судьбе,
Горе сердца — море бед!

Ах! когда ты улетел,
С нашей кровли улетел,
Ветер злой рассвирепел,
Иссушил цветы в саду.

Омрачился небосвод,
Помрачился небосвод,
Выпал снег, закрылся лед,
И зима цветы смела.

От Варагских самых гор,
Ах, с Варагских самых гор,
Замели снега простор,
Холод выбелил поля.

Аист! здесь у нас в раю,
Все занес мороз в краю,
Засушил и умертвил
Розу милую мою!

* * *

Белым снегом вершины покрыло,
Небо милость сменило на гнев.
Вот и осень сады оголила,
Вот и листья онали с дерев.

Я промолвил: «Чинары и вишни,
Смерть коснулась и ваших голов!»
И почудился голос чуть слышный
Из глубин оголенных стволов:

«Не жалею нас: весна еще будет,
Увяданье для нас не беда,
Потому что деревья — не люди,
Увядающие навсегда!»

И прощальным окинул я взором
Всё, что знал и любил искони,
И неспешно поднялся я в горы,
Но под снегом молчали они.

Их вершины во льдах холодели,
И промолвил я в скорбный их час:
«Горы, горы мои, неужели
Смерть слепая коснулась и вас?»

И услышал я голос, который
Шел откуда-то с дальних высот:
«Оживут еще белые горы,
Всё ушедшее снова придет.

Птицы пустятся в путь свой обратный,
Зажурчат водопады опять,
И цветения дух благодатный
Над вершинами будет витать.

Будет солнце, весна еще будет.
Снег растает, пройдут холода,
Потому что и горы — не люди,
Умирающие навсегда».

Обрядовые песни

ПЕСНЯ ОБЛАЧЕНИЯ ЦАРЯ

Над теми горами высокими солнце в зените,
Эй, люди, царю молодому одежду скроите,
Вы солнце на верх, а луну на подкладку возьмите,
Небесные звезды по верху узором пустите,
Дождитесь и дождик в иголки проденьте, как нити,
Отгладьте кафтан и в обновку царя * нарядите!

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

1

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Зарю ли дам я, что займется,
Займется, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не солнце ль дам я, что засветит,
Засветит, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не раду ли дам, что встанет,
Что встанет, с этим солнцем схоже?

* В армянских обрядовых песнях жениха и невесту называют царем и царицей.

2

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не бальзам ли, что задышит,
Задышит, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не розу ль дам я, что заблещет,
Заблещет, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не гамаспюр * ли, что не вянет,
Не вянет, с этим солнцем схоже.

3

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не абрикос ли, весь цветущий?
Цветите, с абрикосом схоже.

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не виноград ли, плод дающий?
Давайте плод, с лозою схоже.

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не дуб ли дам я, крепко мощный?
Вы будьте мощны, с дубом схоже.

4

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не василек ли дам пахучий?
Благоухай твоя царица!

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не дам ли желтый мак пахучий?
Благоухай твоя царица!

* Гамаспюр — чудодейственный цветок.

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не златоцвет ли дам пахучий?
Благоухай твоя царица!

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

С божьего благословения
Сел ты за праздничный стол,
Будь щедрым твое цветение,
Будь крепок твой стройный ствол!

Пусть волей бога пречистого
И Крестителя Карапета
Зелеными, красными листьями
Покроется дерево это!

«Царь, что принести мы можем
На солнце твое похожее?
Звезду принесем, что в полночь
Заблещет по милости божьей!»

«Царь, что принести мы можем
На солнце твое похожее?
Зарю принесем, что под утро
Займется по милости божьей!»

«Царь, что по милости божьей
Еще принести мы можем?
Принесем цветок бальзамин,
На солнце твое похожий!»

Нас не оставь, господь,
Нам помоги, спаситель.
Дух наш и нашу плоть
Ты укрепи, вседержитель!

«Пусть скажет — что хочет от нас
Царь, который наш пир возглавил?»
«Соловья принесите тотчас,
Чтобы древо мое восславил!»

И тогда соловей влетел,
И по воле царя державной
Он владыку сперва воспел,
А потом весь род его славный.

«Царь, что хочешь еще от нас,
Мы исполним просьбу любую!»
«Чтоб восславить мой род, тотчас
Приведите мне лань степную».

Лань степную тотчас привели
В золотые царевы чертоги.
И склонилась она до земли,
И упала владыке в ноги.

И ни слова не говоря,
Только взором своим и смиреньем
Лань восславил род царя
С достославным его окруженьем.

«Царь, что хочешь еще от нас,
Только слово скажи, повелитель!»
«Вы ягненка сюда тотчас
Златорунного приведите!»

Златорунного агнца ввели
В золотые царевы чертоги.
И склонился он до земли,
Повалился владыке в ноги.

И ни слова не говоря,
Только взором своим и смиреньем
Он восславил весь род царя
С достославным его окруженьем.

«Чтоб тебе умножалась хвала,
Что ты хочешь еще, повелитель?»
«Тотчас Каменного Козла,
Чтоб восславил меня, приведите!»

Тут же Каменный тот Козел
Появился в царевом чертоге.
Он восславить царя пришел,
Повалился владыке в ноги.

«Царь венчанный чего б ни спросил,
Мы исполним желанье любое!»
«Я хочу, чтоб восславлен был
Род мой праведною пчелою».

И тогда впустили пчелу.
И она государю в угоду
Принесла сладчайшего меду,
Прожужжала она хвалу
И царю и цареву роду.

«Царь венчанный, мы слова ждем,
Чем тебе угодить, скажи нам?
Быть стволу твоему миндалем,
Стройной пальмою быть, инжиром!

Ты не знай никакой напасти,
Вкруг тебя друзья и родня,
Вкруг тебя веселье и счастье,
Как в раю после Судного дня!

Ты хвалы принимаешь по праву.
Пусть вовек ты не знаешь беды.
Дай, господь, тебе счастья и славы,
Но и нас одари за труды!

Ты, венчанный, наш царь молодой,
Награди славословие наше.
Пусть нам вынесут полные чаши
И подносы с горячей едой!»

БЕТ ДИЗАН *

(Свадебная песня)

«Бет дизан, а это кто,
Скажи нам, пожалуйста».
«Бет дизан, бет-бет дизан,
Это сельский староста».

«Бет дизан, бет-бет дизан,
Кто, скажи нам, это?»
«Бет дизан, бет-бет дизан,
Это — вардапеты».

«Бет дизан, а это чьи
Клохчущие клушки?»
«Эти клушки, бет дизан,
Наши молодущки».

«Чьи же это, бет дизан,
Птицы без насеста?»
«Эти птицы, бет дизан,
На выданье невесты».

«Что за псы пришли в ваш дом
И зачем их много?»
«Эти псы с большим мешком —
Сборщики налога».

* Бет дизан — букв.: большая копна. Здесь имеет значение напева.

Колыбельные песни

* * *

У меня ль невеста есть,
Жениху прямая честь,
У меня ли дочка есть кудрявая,
Справлю свадьбу на славу я,
Посреди зеленых свеч,
В кудрях с лентами до плеч.
Девочка руками двигает,
Девочка в постельке прыгает.
Я кому ее отдам?
Принцу я ее отдам,

А в приданое я дам — сто карет
С платьями, каких нигде — краше нет,
Дам покрыться ей — узорчатый платок,
Дам чесаться ей — янтарный гребешок,
Дам одеться ей — серебрян поясок,
Дам обуться ей — сафьянный башмачок,
Все, что в доме есть, — от крыши по порог.

* * *

Баю-бай, идут овечки,
С черных гор подходят к речке,
Милый сон несут для нас,
Для твоих, что море, глаз,
Усыпляют милым сном,
Упоют молоком.

Баю-бай! Христос с тобой,
Богоматерь над тобой,
Богоматерь над тобой,
Чтобы ты тихонько спал,
Чтоб в постельке ты лежал.

Богоматерь — мать твоя,
Сын ее — хранит тебя.
В церковь божию пойду,
Всех святых я попрошу,
Чтоб Распятый нас хранил
И тебя благословил.

* * *

Колыбель качает южный ветер.
Песню напевает южный ветер.
Лань степная молока
Своего
Не жалеет для сынка
Моего.
Солнце над сыночком моим светило,
Днем оно сыночку нянькой было.

«Зегзегун» — поет ночной
Ветерок,
Чтобы крепко спал родной
Мой сынок.

* * *

Щечка у тебя бела,
Родинке на ней — хвала!
Дочь я на руки взяла,
В розовый цветник пришла.

Алые сорву цветочки
Для моей любимой дочки.
Пусть не розе соловей —
Доченьке поет мой.
Златотканый твой наряд
Пусть людской чарует взгляд.

Воробьи и куропатки
Пусть с тобой играют в прятки.
А пока бы на замок
Запереть твой язычок.

* * *

Наша доченька мала,
Розу дочка сорвала:
Доченьке по воле бога
Будет долгою дорога.

Пролетит за годом год,
Будет жизнь ее как мед.
Платье из парчи сошьет
Наша дочка,
Удальца себе найдет
Наша дочка!

* * *

Что за мать тебя породила?
Породила тебя и вскормила?
Лань степная тебя родила,
Соколица тебя принесла,
Солнце в небе тебя согревало,
А луна тебе грудь давала,
Ветром люльку твою качало,
Пел он песню: «Баю-баю!»
Словно в крапинках одеяло,
Небо звездное укрывало
Колыбельку твою!

* * *

Баю-баю, кончается день,
От деревьев склоняется тень.
Над моею дочуркой, деревья,
Спойте песенку, если не лень!

* * *

Баю-баю, Орсаягюль,
Спи, родная Орсаягюль!

Твой свивальник — листик тонкий.
Лист большой — твоя пеленка.
Лист ольховый — покрывало.
Лист кленовый — одеяло.

Месяц сон твой озаряет,
Ветер колыбель качает.
Если дождик литься будет,
Если доченьку разбудит,—
Пожалею дочь свою,
Слезы горькие пролью.

* * *

Дочку, что досталась нам,
Дочку, что стройней чинары,
Никому я не отдам:
Нет ей подходящей пары,
Хоть и выложит жених
Десять тысяч золотых!

Нашу дочь полюбят все,
Кто бедны и кто богаты,
К нам наедет больше сватов,
Чем волос в ее косе.
Что я дам за ней приданым,
Не свезти ста караванам.

Пусть все сваты прочь идут,
Распротысь с пустой надеждой.
Если всё ж тебя возьмут
И из дома увезут,—
Как мне жить, осиротевшей?

* * *

Соловей под горой,
Твой отец под землей;
Твоя люлька — камыш
Да пещерная тишь.

Ветер ночной качает тебя,
Баюкают звезды, мерца тебе.
С гор коза молоко принесет,
Ты ж расти и цвети, стань большим.

Бай-бай, малыш, бай-бай, дитя,
Лилия на розовой щеке,
Бай-бай, цветок, бай-бай, сынок,
Люлька на чистом стоит ветерке.

Коза бы дала молока,
Шептала б луна над тобой,
Солнце бы дало покой,
Бай-бай, дитя мое, бай-бай,
Бай-бай, цветок мой, бай-бай.

Плачи

ПЕСНЯ О КНЯЗЕ МОКСКОМ

День пятый тот —
Канун суббот.
В Малакяве пьем, веселясь.
Из Дезире гонцы, явсь,
Письмо несут, к тебе стремясь,
И прямо в руки, Мокский князь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!

В письме как будто меда сладость,
Боль сердцем пронеслась,
Скосил глаза он, ртом кривясь,
Сошла со щек румянца сладость,
Как жаль тебя, о Мокский князь!

Велит слуге прийти с конем,
Тот серый конь — не конь, а гром
Под перламутровым седлом.
«Послом поеду я, гордясь».
Как жаль тебя, о Мокский князь!

До Чамбаре уже домчась,
Он видит: женщины тотчас
Все у окон, глядят, смутясь,
Его красе большой дивясь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!

До Джебзире доехал князь,
Пришел весь город, встал, теснясь,
О, Мокский князь,
Один ты стоишь всех, являсь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!

Ты проклят будь, Колот*-паша,
Длинноволосый, в чем душа,
К себе повел он, не спеша.
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Брал деньги, шел он на базар,
Кушил арбуз, как будто в дар,
Ножа отравленный удар...
Кусок, в котором яд живет,
Он князю Мокскому дает.
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Князь на коня сел, как всегда,
Пришла беда:
Отвисла челюсть, глаз — слюда,
Вся выпадает борода
И волос с красных щек тогда,
Усы — с губ нежных — без следа;
Не пот, а желтая вода.
Будь тебе пусто, Колот-паша!

К ущелью Хынку доберясь,
Добром до Хынка доберясь,
Мы видим: гроб несут, теснясь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

До Барнашена доберясь,
Благополучно доберясь,
Носилки двигались, трясясь,
Кувшин подвешен к ним, искрясь,
За каплей капля — в землю кровь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

* Колот — низкий ростом, коротышка.

Несите весть в Малакяве,
Там ждет невеста, с нею зять,
Чтоб танец тризны начинать.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Несите весть в Малакяве,
Хозяйке — крепости главе,
Оставит трон пускай она,
В одежды мрака облачась.
Ей больше власть не вручена.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Дошли уж до Малакяве,
Посреди города идут,
Налево пляшет зять, правой
Невеста тоже пляшет тут.
Скажите матери с отцом:
Дорогую Назлухан
Пусть замуж выдают.

Пришли, собрались мокцы все,
Кю трупу князя подошли;
Труп между скал кладет народ.
Открыли с юга ветру ход.
Людам привет —
Тысячу лет.
Дорогую Назлухан
Пусть замуж выдают.

* * *

Пришла я, но очи твои не видят.
Зову я, но уши твои не слышат.
Что мне сделать, чтоб ты увидел меня,
Что мне сделать, чтоб ты услышал меня?
Чтобы кто-нибудь сердце мое больное
Уврачевал бы целебной травой?

Серп, что был у тебя в руках,
Выпал из рук, коса затупилась,
И вошел в мою душу страх.
Горе в сердце моем поселилось.

Если б могла, я по собственной воле
Стала бы жертвой за старый твой плуг,
Стала бы жертвою за мозоли
На ладонях натруженных рук.

Муж мой, отдыха днем не знал ты,
Ночью работал, глаз не смыкал ты!
Ах, луна моя тучей закрылась,
Солнце ясное закатилось!

* * *

Был ты жемчугом, мог блистать,
Нить порвали — как жемчуг собрать?
Подойдите же, соберите,
Нанижите на нить опять!

ПЛАЧ ПО РЕБЕНКУ

Знаю, что плакать теперь бесполезно,
Дитя мое джан.
Красное солнце, упавшее в бездну,
Дитя мое джан.

Листик, сорвавшийся с ветки зеленой,
Сыночек мой джан,
Рекою весеннею унесенный,
Сыночек мой джан.

Всласть еще на земле не поживший,
Сыночек мой джан.
Сердце мое тоской растравивший,
Сыночек мой джан.

За тобою, мой месяц яркий,
Сваты странные снаряжены.
Кумовья пришли без подарков,
Дружки хмурые — без зурны.
Эти сваты из дальнего города
Средь людей отыскали тебя
И надели рубашку без ворота,
В дом без окон взяли тебя.

ПЛАЧ МАТЕРИ

Скажи мне, сыночек милый,
Что у тебя болит?
Я позову экима*,
Он тебя исцелит!

Сыночек, месяц мой светлый,
Что ты лежишь недвижим?
Лучше бы мне ослепнуть,
Чем видеть тебя таким!

Дерево золотистое,
Которого вет нежней,
Наземь осыпались листья
С поникших твоих ветвей.

Сыночек мой несравненный,
Тонкий пальмовый ствол.
Как ты увял мгновенно,
Как ты недолго цвел!

Кого должна умолять я,
Чтобы не брали тебя,
Чтоб из моих объятий
Не вырывали тебя?

Сын мой, птенец крылатый,
Я ль не любила тебя?
Я ли в том виновата,
Что упустила тебя?

Мой попугай красивый
Песню свою отпел.
Милый мой, сладкоречивый,
Что же ты онемел?

Сын мой, ягненок мой белый,
На этой земле с людьми
Одной мне нечего делать,
С собою меня возьми.

* Эким — знахарь, врач.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ-МАТЕРИ

Твой не мертв, не мертв сынок;
Розы он сорвал цветок,
Положил себе на грудь,—
В сладком запахе заснуть!

ПЛАЧ ВДОВЫ

Храбрым соколом взлечу
И к окошку прилечу,
Плачем в дом я постучу,
Чтоб стал сон не по плечу.
«Чтоб ни ты, ни я,— вскричу,—
Ночь не спали б,— так хочу!»

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ НАД МОЛОДЫМ

Понесем тебя мы — хоронить в саду,
Мы просеем землю через кисею,
Над могилою посеем мы цветы,
Чтоб за изгородью роз проснулся ты.

ЖАЛОБА СЕСТЕР

Пойдем мы вдвоем, на холм мы взойдем,
Я буду звать, ты будешь — искать.
Его не найдем — могилу найдем.
И камень могильный будем мы целовать.

Зақлинания

* * *

Забелелася заря,
Обозначились кресты,
Смилосердился господь,
В рай раскрылися врата,
В ад закрылися врата,
Цепи падают с души,
Господи, помилуй нас!

* * *

Погашены огни,
Лукавый отошел.
Закрыв лицо, Христос,
Меж ангелов своих,
С небес теперь сошел,
В дом христиан вошел.

«Куда идешь, Христос?»
«Разожжены огни
В кадилницах моих,
И нити — из огня.
Я люльки обошел,
Спешу к обедне я».

ЗАКЛИНАНИЕ НА ВОЛКА

Восьмью пальцами, двумя ладонями,
Гривой лошади Саркисовой,
Тем жезлом ли Моисеевым,

Тем копьем ли свят-Егория,
Той ли верой свят-Григория,
Богоматери святым млекою,
Ухвати его, свяжи его;
Глаз за глазом ему выколи,
Язык в горле привяжи ему,
Осени его, одолей его,
Ради господа Христа все бедствия
Да падут на зверя лютого.

* * *

На подушку я — голову склонил,
Ангелу-хранителю душу поручил:

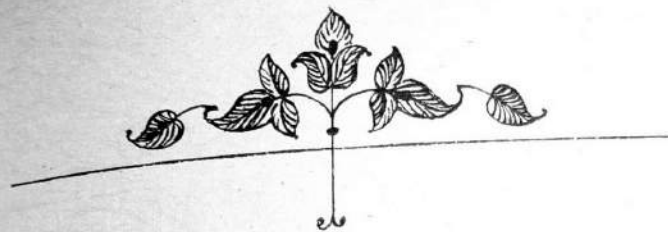
Храни в полночь,
Храни всю ночь.
Когда петух поет,
Когда заря идет,
Вверяюсь одному
Царю небесному,
Во смертном рву лежу,
Я сплю, я отхожу,

В руки твои, мать божия,
Душу вручаю на ложе я!

ЗАКЛЯТИЕ СТАРУХ К ЛУНЕ

«Молодая, молодая, обновленный серп!
В полноте ала, зелена в ущерб!
Ты стара зашла, ты млада взошла,
С края света что нам ты принесла?»

«Счастье на весь мир,
Царям — лад и мир,
Покойникам — любовь,
Хлебушку — дешовь,
Добрым — много дней,
Рай — душе твоей».

СРЕДНЕ- ВЕКОВЫЕ ЛИРИКИ

(IV—XVIII вв.)

Месроп Маштоц

* * *

Море жизни всегда обуревают меня.
Воздвигает враг валы на меня.
Добрый кормчий, ты — оборони меня!

* * *

Подвергнут опасностям и мукам я
Из-за множества моих грехов.
Бог умиротворяющий, помоги мне!

Вихри моих беззаконий
Взволновали меня, я — как море в непогоду.
Царь умиротворяющий, помоги мне!

И грехи мои как море
Глубокое, беспокойное, — я во власти волн.
Добрый кормчий, спаси меня!

* * *

Рано утром предстану перед тобой,
Царь мой и бог мой!
Рано утром преклонишь к мольбе моей слух,
Царь мой и бог мой!
Молю я: взгляни на молитву мою,
Царь мой и бог мой!

Иоанн Мандакуни

* * *

Преображеньем твоим на горе
Ты божественную силу явил,
Тебя славим, о мысленный свет!

Луч славы твоей ты явил,
Воссиял и всю твердь осветил,
Тебя славим, о мысленный свет!

Ужаснулись ученики твои,
Явление чудесное зря,
Тебя славим, о мысленный свет!

Но, восстав от тяжелого сна,
К твоей славе прилепились сильней,
Тебя славим, о мысленный свет!

Комитас

* * *

Жены, славны страной и народом своим,
Предлагали жемчуг, неизвестный дотоль.
За многих себя оставляли в залог,
Выкупом став для чуждой земли.

Вам — корабль вести, ваш опытен дух,
Стремительна мысль, безбрежна плоть.
По долгим путям житейских пучин
Невредимо неслись вы и дошли до Христа.

Вы — ветви лозы виноградной Христа.
Виноградарь небес сберет ваш сок;
Вы дали себя в точиле* топтать,
Чтоб вечных блаженств чашу испить.

От житейских нужд отвратились вы,
Ибо все здесь сон и прикрасы лжи.
Обольщенью нег вы не предали душ,
Убедясь, что величье — одна суета.

Завиден чрез вас стал детства чертог.
Ваша кровь и огонь обновили его.
Вы предали плоть мечу и костру,
Неугасимый свет вы в чертог внесли.

Тридцать семь — число тех блаженных дев,
Венчанных вовек не вянущим венком,
Высоко взнесенных над всем земным,
Блаженствующих здесь во славе творца.

* Точило — жом, устройство для выжимки винограда.

ПЛАЧ НА СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДЖЕВАНШИРА

О всеведущий дух, ниспошли благодать,
Дай мне силы на песню, на плач, на проклятье,
Разумение дай, чтобы внятно сказать
Слово скорбное о невозвратной утрате!

Горе тяжкое плакать заставило нас,
Стов печали над нами пронесся, как пламя,
Пусть все сущее в мире услышит наш глас,
Все живущее слезы прольет вместе с нами.

Нас стена защищала, но пала стена.
Скалы, нас укрывавшие, ныне разбиты.
Нам светила луна, закатилась луна,
Слово твердое рухнуло, нет нам защиты.

Мы не ждали беды, но пришла к нам беда.
Власть добра и надежд победило безвластье.
Свет чудесного царства угас навсегда,
Счастья сад превратился в пустыню несчастья.

Это беды и горести нашего края,
Может, те, что предрек многомудрый Исайя,
Ибо светлого крестовоздвиженья день
Омрачила беда и страдания тень.

И грядущее стало темно и безвестно,
Дух вражды и безверья туманит наш путь.
Нечестивые вырыли черную бездну,
Чтобы нашего пастыря в бездну столкнуть.

Словно лев, был он грозен, не будучи злым,
Для старейшин родов был опорой и властью,
Ликовали друзья от любви и от счастья,
И от страха враги замирали пред ним.

Был он первым по мужеству и по уму.
К самым дальним пределам неслась его слава,
Поклониться спешили соседи ему,
Восхваляли его все края и державы.

Даже греческий царь, даже юга князья
Домогались с властителем нашим свиданья
И, гордясь, что они Джеваншира друзья,
Принимали с почтеньем его назиданья.

И в гордыне забыли, что, люди, мы прах,
Что во власти господней и счастья и беды.
Бога мы прогневили, погрязнув в грехах,
И правителя нашего смерти он предал.

Ангел, что охранял его душу и плоть,
От него отдалась, нас обрек на страданье.
В горький час отвратился от князя господь,
Оставляя насильникам на поруганье.

Лицемер потаенно свой меч наострил,
К убиению коварно готовясь заране,
И смертельный удар Джеваншира сразил —
Темной ночью погиб он, как моавитяне.

Джеваншир, надо всеми возвысился ты.
Исходили завистники злобой безмерной.
Ты убит был тайком среди ночной темноты,
Ты скончался, израненный немилосердно.

Солнце вмиг изменило извечный свой путь,
Лишь вошла злая смерть в государеву грудь.

Пусть убийца его остается живым,
Пусть он будет для всех ненавистен и страшен.

Птицы певчие пусть не щебечут над ним,
Пусть лишь черные вороны крыльями машут.

Звери хищные пусть поджидают его,
Пусть вовек не найдет он ночлега под крышей.
Пламя Ирода пусть настигает его,
Пусть его пожирают и черви и мыши.

Пусть огонь пожирает его, разгораясь,
Пусть убийцу ничто не спасет от заразы,
И рука, что на славу земли поднялась,
Пусть покроется струпьями смрадной проказы.

Пусть в презренного жабы вливают свой яд,
По ночам пусть с убийцею змеи грешат.
Пусть умрет окаянный, терзаясь жестоко,
Будь он проклят, исчадие зла и порока!

Наш водитель, наш кормчий, наш князь Дживаншир,
Посмотри, что с твоими сиротами стало.
Разум твой озарял наш несправедливый мир,
Нас отвага твоя от беды ограждала.

Как жемчужины, с уст обронял ты слова,
И блистал ты отвагой, носитель величья,
Ото сна пробуждался детенышем льва,
Расправлялся с трусливою утренней дичью.

И разбрасывал кромки овечьих ушей,
Славя господу истовой жертвой своей.

Как ловец, был ты ловче других и смелей,
Сокола твои были всех прочих быстрее,
Ты и спящий мудрее был прочих людей
И во сне управлял колесницей Арея.

Ты лишь взглядом единым умел отличать
Мудреца от глупца и героя от труса.
Нисходила обильно к тебе благодать,
Как священная кровь из ребра Иисуса.

Ты при жизни божественной притчею стал.
Дух бессмертья над смертным тобою витал.

Мир был светел, но темень взяла его в плен,
Как, лишенным тебя, нам поверить в удачу?

В опустевшей стране я потомков сирен,
А не страусов стаи сегодня оплачу.

Сколько дней и недель, сколько б лет ни прошло,
Мы не сможем забыть о великой утрате.
И тебя погубившее черное зло
Тяготее над нами как бремя проклятья.

Ты, наш пастырь великий, был светел, как день.
Без тебя нам во тьме никуда не пробиться.
И ложится на наши угрюмые лица,
Словно пыль на дороги, бесславия тень.

Буду вечно взирать я на трон опустевший,
Бесконечно в мученьях рыдать, безутешный.

Слезы нас ослепляют, померкнул наш свет,
Перед нами путей утешения нет.
Только пламень печали, любовью зажженный,
Не погаснет в сердцах безутешных друзей.
Нам дымиться бы, как фимиам благовоный,
Чтоб сгореть без следа на могиле твоей.

Ибо здесь без тебя все темно и туманно.
Нашей светлой надеждою был ты один.
Пред тобой прояснялись вершины Ливана,
Волны бурные тивериадских глубин.

Если ты, наш заступник, не жил бы на свете,
Пред врагами давно бы мы пали без сил.
Без тебя одолел бы нас северный ветер,
Гуны жестокий гранаты бы наши срубил.

Без тебя опускаются руки в бессилье.
Тьма сгущается, нам не дожждаться зари.
Покрываются брачные комнаты пылью,
Облачаются в траур земные цари.

Даже тем, кто короной увенчан по праву,
Мишура золотая теперь не нужна.
Тщатся сбросить владыки презренную славу,
Ибо суетность славы им стала ясна.

Всем уйти суждено, никому не остаться,
Нам одно лишь даровано счастье судьбой:
Слезы лить по тебе, по тебе убиваться,
Лечь в могилу когда-нибудь рядом с тобой.

Степанос Сюнеци

Неувядаемый цветок, высот свободных светлый крин,
О ладоносный стройный ствол, о пальма выжженных долин,
Ты золотой сосуд, что полн небесных манн для злых годов.
Благословенная, тебе мы славословие поем.

Ты, как жемчужина, горишь, как светозарный ты чертог,
Ты благовония родни, ты золотых лучей поток,
Мария, о, блаженна ты, и у твоих пречистых ног,
Благословенная, тебе мы славословие поем.

Чтут все архангелы тебя и славит весь небесный мир,
Всех небожителей чреда, всех серафимов пышный клир,
Все те, что троице святой возносят звон нездешних лир,
Благословенная, тебе мы славословие поем.

Саақадухт Сюнеци

ПРЕСВЯТАЯ МАРИЯ

Пресвятая Мария, пречистый храм,
Матерь живого божьего слова.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Нива духа, дивный цветок,
Дождем пролившийся от отца,
Оплодотворенный;
Людям явленная.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Небес и земли основа,
Жизни подательница,
Луч господнего света, сошедший к нам,
Чтоб удержать от грехопадения.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Лик прекраснейшего серафима
Миру явившая,
Во чреве носившая
Повелителя сонмов ангельских.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Для нас растворившая посохом жизни
Врата, охраняемые херувимами,
Из рук у них взявшая огненные мечи,
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Рая врата и сошествие божье;
Посредница между землей и небом,
Познавшая муку праматери нашей Евы
И победившая смерть,
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

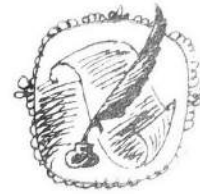
Счастливица, радуйся,—
Всевышний с тобой,
Ангелов хоры прелестными голосами
Славу тебе поют в небесах.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Обитель еще небывалого божьего слова,
Во чреве таившая жар господня огня,
Неопалимая, как купина;
Мать для всех порожденного бога,
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Тайнство жизни брэнной и вечной,
Давшее миру новые крылья,
Сон земнородных вознесший на небо
И в святых обративший их,
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Светлую славу поют небеса
Властителю вечности и беспредельности,
Тому, кто пришел, порожденный пречистой,
И искупил первородный грех,
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Неизвестный автор

ГИМН ПИСЬМЕНАМ

О дивные достохвальные письмена!
О изумительные знаки, великоленно очерченные!
Героическая ступень нашего подъема,
Непознанная и познанная,
Близкая и далекая!
Безгласная и красноречивая,
Словоохотливая и молчаливая!
Гонец наш,
Постоянно скачущий на оседланном коне!
Бескрылая птица!
Безногий ходок,
Оставаясь, в то же время уходишь,
Быстрый и неподвижный,
Пребывающий на месте и не имеющий места...
Как же теперь тебя назвать?
Мыслимым или осязаемым,
Небесным или земным,
Божественным или человеческим —
Не знаю, каким словом тебя назвать.
Стою ошеломленный у врат твоих,
Пребываю в растерянности перед словом твоим,
Смущаюсь стиха твоего,
Меня волнует твоя мелодичность,
Мучаюсь, восславляя тебя,
Возношусь, чтобы познать тебя.

Амам Аревелци

Отец небесный, раб твой незаметный
Взывает к милости твоей несметной:
Прошу: мне по грехам не воздавай!
Не расточай свой правый гнев ответный,
Меня за прегрешенья не карай!
Из всех, кто смертен здесь и кто бессмертен,
Лишь ты один велик и милосерден.
И хоть я шел по ложному пути,
Я смерти убоялся, и, лукавый,
Злой враг меня склонил на путь кровавый,
Я все-таки молю тебя: «Прости!»

Спасенья ради, а не ради злата
Великий грех я совершил когда-то.
Когда враги ступили на порог,
Убийца я, — убил родного брата,
Послав людей своих в его чертог.
Хоть будет и заслужена и свята
Любая по грехам моим расплата,
Все ж я молю: «Прости, великий бог!»

О господи, когда-то в страшный час
Давида — псалмопевца и владыку —
Простил ты и от страшной кары спас;
Так отпусти и мне мой грех великий
И огради от новой крови нас,
Оборотись к нам просветленным ликом —
Я лишь о том молю тебя сейчас!

О господи, столь тяжки прегрешенья,
Я столь тяжелым очернен грехом,
Что мне уже не заслужить прощенья
Ни ныне, ни когда-нибудь потом,
Но, как Манассия, я в испугленье
Прошу: «Прости меня в грехе моем!»

Григор Нарекаци

ПЕСНЬ СЛАДОСТНАЯ

Красива, хоть черна,
Я — дочь Ерусалима.
Желанна и любима
Для друга я одна!

Мой друг — в горах олень,
Чье тело так упруго.
Далекий голос друга
Я слышу в этот день!

«Любимая моя,
Ты мне одна желанна,
Ты из лесов Ливана
Приди в мои края.

Глаза твои горят,
От плеч и от ладоней
Исходит благовоний
Счастливым аромат».

Был чище всех святых
Младенец тот хвалимый,
Людьми непостижимый
Цветок долины родных.

Ты видишь: сонм святой
На той горе толпится.
Ты слышишь, душ корицы
С горы исходит той?
.....

И должно нам опять
Склониться с пастухами,
С премудрыми волхвами
Творцу хвалы воздать.

Спасителя Христа
Восславим дух нетленный,
Чей свет и чистота
Вовек благословенны!

ВАРДАВАР*

Алмазная роза взяла
Свой блеск у дневного светила,
Когда оно тихо входило
В морскую бескрайнюю гладь.

Казалось: багровый цветок
Над ширью морской распустился,
Казалось, над ней засветился
Созревший шафрановый плод.

Шуршала густая листва,
Шумела на гнущемся древе,
Которое царь-псалмопевец
В псалме благозвучном воспел.

Цветы распускались в садах,
Прекрасны и благоуханны,
И кедры, самшиты, платаны
Пускали побеги свои.

Вдали зеленел кипарис,
Горела рябина, аллея.
Своей белизною лилея
Сверкала в закатных лучах.

* Вардавар — праздник Преображения господня.

Дыхание ветра и гор
Ее лепестки оведало,
И влагой роса окропляла
Зеленые листья ее.

Всходила на небе луна,
Светилася меж облаками,
И ясные звезды роями
Во тьме окружали ее.

И не было счастьем конца,
И зрело чуть слышное слово
Молитвы во имя отца
И сына и духа святого.

ПЕСНЬ ВОСКРЕСЕНИЯ

Арба в день Воскресения господня
С горы Масис спускается сегодня.
И скамьи белые на ней расставлены,
И пламенем пурпурный шелк горит,
Трон золоченый посреди стоит,
И восседает царский сын прославленный,
Крестом сложивши руки на груди.
А справа серафимы шестикрылые,
А слева херувимы, богу милые,
А отроки с крестами впереди
Сидят на скамьях и псалтырь листают,
Псалмы во славу божью возглашают,
Поют святому празднику хвалы!
Но вот все шествие остановилось,
Но вот колес вращенье прекратилось
И встали краснобокие волы.

Тогда цветы и проса шесть снопов
Раскинули, вплели, как украшение,
Украсили арбу в честь Воскресения
И крестовидные рога волов.
Арба стоит, а по бокам жемчужины,
Постромки шелковые не натружены,
Блестит дышло светом золотым,
Колеса деревянные не вертятся,
И удивленным отрокам не верится,
Не знают отроки, что делать им.

Возница был красавцем молодым,
Взмахнул возница сильными руками
И золотистыми тряхнул кудрями.
Возница подал знак волам своим.
Возница юный закричал сурово
На первого вола и на второго.
И клич возницы был понятен им.
И дрогнула арба и покатила.
И снова все пошло и закрутилось.
И шествие вошло в Ерусалим.
И люди вознесли моления снова
В честь Воскресенья светлого Христова,
Услышанные богом всеблагим!

«КНИГА СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ»

(Отрывки)

ГЛАВА I

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Я обращаю сбивчивую речь
К тебе, Господь, не в суетности праздной,
А чтоб в огне отчаяния сжечь
Овладевающие мной соблазны.
Пусть дым кадила души моей,
Сколь я ни грешен, духом сколь ни беден,
Тебе угодней будет и милей,
Чем воскуренья праздничных обеден.
Мой стон истощный, ставший песнопеньем,
Прими не с гневом, а с благоволеньем.

Из дальних келий, тайных уголков
Достал я слово, как со дна колодца,
Пусть дым сожжения моих грехов
К тебе, всемилосердный, вознесется!
Когда перед тобой предстану я
С застывшей на губах мольбой бесплодной,
Пусть жертва добровольная моя
Тебе не будет столь же неудобной,
Как стон Иакова в краю глухом
Или поправье твоего закона
Правителем греховным Вавилона,
Как сказано в писании святом.
Мой дар тебе пусть будет, всеблагому,
Угоден.
Пусть тебя он ублажит,
Как дым кадила в скинии * Селома **

* Скиния — шатер, походная церковь у израильтян.

** Селом — город, в котором, согласно Библии, разместили скинию и ковчег завета — святыню израильтян.

Которую воссоздал царь Давид.
Кивот *, освобожденный от плененья,
Давид поставил там на много дней.
Да будет таковым и возрожденье
Погрязнувшей в грехах души моей!

2

Час настает, и громкий судный глас
Уже гремит в ущелиях отмщенья.
Он нас зовет и порождает в нас
Страстей противоборных столкновенье.
И сонмы сил недобрых и благих:
Любовь и гнев, проклятья и молитвы —
Блистают острием мечей своих
И дух мой превращают в поле битвы!
И снова дух смятен мой, как вначале,
Когда я благодати не обрел,
Которую апостол Павел счел
Превыше Моисеевых скрижалей.
Мне ведомо, что близок день суда
И на суде нас уличат во многом,
Но Божий суд не есть ли встреча с Богом?
Где будет суд — я поспешу туда!
Я пред Тобой, о Господи, склонюсь,
И, отречась от жизни быстротечной,
Не к вечности ль Твоей я приобщусь,
Хоть эта вечность будет мукой вечной?

Я грешен был, я преступал закон,
Я за грехи достоин наказания
Страшней, чем мука варварских племен,
Поверженных Твоею гневной дланью.
Для филистимлян и эдомитян
Годами Ты отмерил наказание,
Но вечный огонь в удел мне будет дан
За все мои сомненья и деянья.
Ждет Страшный суд меня, но до тех пор
Удел при жизни выпал мне не лучший:
При жизни обречен я на позор
И ожиданье кары неминуемой.
Нас вознести пль превратить во прах,

* Кивот — застекленная рама или шкафчик для икон; здесь: ковчег завета.

Низвергнуть в ад или даровать спасенье —
Во всем Ты властен, все в Твоих руках,
Привявший муки в наше искупленье.

ГЛАВА II

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИНЫ СЕРДЦА

1

Взывал ты, повторял священный стих,
Склонялся пред отцом своим небесным,
Судящим по делам сынов своих,
Не обольщаясь рвением их словесным.
Страдал Твой род в египетском плену,
Но не дал ты ему лишиться веры.
С кем, Моисей, сравнить тебя дерзну,
Найду ли я достойные примеры?
Я грешен, я упрям в грехе своем,
Я — варвар, недостойный божья слова.
Та кара, коей предан был Содом,
И по моим грехам не столь сурова.
Как Ханаан, грехом я осквернен,
Я — Амалик, меня нельзя наставить.
Как идолообитель Вавилон,
Меня разрушить легче, чем исправить.
Обломком жалким я встаю из мглы,
На мне лежит проклятье, грех Иудин.
Как древний Тир, достоин я хулы,
Я, как Сидон, порочен и подсуден.
Я старца одряхлевшего слабей
От дней развратных и от жизни шумной.
Я — голубь, кроткий в глупости своей,
А не в своей смиренности разумной.
Я — как яйцо, где скрыт змеинный яд.
Ехидна я, что львицей почиталась.
Я — Иерусалим, священный град
Пред тем, как от него лишь пыль осталась.
Я — человек, чья сущность не чиста.
Шатер пустой, не избежавший бедствий.
Я — крепость, чьи сокрушены врата, —
Наследникам ненужное наследство.

Я — дом, но он покинут и забыт,
И, чтоб его избавить от проклятья,
Он должен быть очищен и обмыт,
Обмазан глиной божьей благодати.
А у меня нет для спасенья сил,
Я слаб, я сломлен тяжкими грехами,
И Справедливейший определил
При жизни место мне в зловонной яме.

Я изгнан, я отвержен, я забыт,
Смятен я духом, жалок я обличьем.
Я — тот талант, который был зарыт
Рабом лукавым, как глаголет притча.

2

Всех душ и всякой плоти создатель,
Извечно щедрый в милости своей,
Дай верить мне, как верил Моисей,
Пророк, Твоей достойный благодати.
Дай завершить мне книгу песнопений,
Достоиную Твоих благословений.

В обитель, где Ты должен нас принять,
Я начал путь свой, плача и стеная,
Дай грех мне искупить и злагом стать,
Возликовать при сборе урожая.
И сколь грехи мои ни велики,
Не дай иссякнуть слез моих истокам,
И, как Израиль, Ты не обреки
Мой дух и сердце засухе жестокой
Пред тем, как неба мы услышим глас,
А небо — глас земли, где сонмы нас,
Земля же — глас хлебов, и лоз, и хмеля,
И все услышат голос Изрееля.
Пусть чистая молитва и елей —
Все, что Тебе святыми воздается,
Проникнет в суть души моей скорей,
Чем тела оскверненного коснется.
О Господи, я — глина, Ты — творец,
Спаси меня, небесный мой отец,
Чтоб на земле мне духом укрепиться,
Чтоб в час, когда вступлю я в мир иной
И небо Ты развернешь предо мной,

Я б мог его сияньем насладиться,
Чтоб под небесным этим светом впродь,
Как воску, не растаять, не сгореть.

Дай, Боже, силу мне, изнеможенному,
Дай духом мне воспрянуть, обделенному.
Перед концом моим, возможно, скорым,
Сведи меня с порочного пути,
Хоть я истерзан совести укором,
А не усилием Тебя найти.

Меня, земною тронутаго скверной,
Услышь, о Боже, со своих высот.
Возьми залог моей мольбы усердной
И дай мне благодать своих щедрот.
Своим небесным светом освети
Мой слабый стон, глухое покаянье
И слово из Священного писанья,
Что в эту книгу тщусь я привнести.
Меня, мой благодетель совершенный,
Хоть жалости не стою, пожалей
И вместо меди звонкой, но презренной
Даруй мне золото милости своей.
Не повергай меня в смертельный страх
И не ожесточай мой дух скорбящий,
Не обреки бесплодным быть в трудах,
Как пахаря на почве неродящей.
Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться,
За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья, без ответа,
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, Господь, мне жертву приносить
И знать, что негодна жертва эта,
И заклинать того, кто глух и нем.
Не дай во сне иль наяву однажды
Тебя на миг увидеть лишь затем,
Чтобы не утолить извечной жажды.

И до того, как мой услышишь зов,
Услышь мой, о Боже, покаянья
И соразмерно с тяжестью грехов
Не назначай покуда наказанья.

Щадящий, пощади, спаси, спасающий,
Освободи меня, освобождающий.
Не дай сойти с пути; прости, прощающий;
От бед оборони, обороняющий.
Недуг мой исцели, всеисцеляющий,
И путь мой озари, всеозаряющий.
За прегрешенья не карай, карающий.
Прости мой долг, от долга избавляющий,
С врагами примири, всепримиряющий.
Когда в последний раз, в последний миг
Я подниму слабеющие вежды,
Пусть мне случится Твой увидеть лик,
Дарующий спасенье и надежды.
И мой последний вздох в последний час
Пусть мне минувшей жизни будет слаще.
Пусть ангел Твой с меня не сводит глаз,
Ведя дорогой страшной, но манящей.
Когда умру, моей душе яви
Дух небожителей, дух бестелесный
Тех, кто дорогой веры и любви
Пришел, о Боже, в Твой чертог небесный.
Не воздавай мне за мои грехи.
Пусть будет принят дух мой в мире лучшем.
Не дай, Спаситель, волка в пастухи
Твоей больной овце, овце заблудшей.
Погрязшему в долгах — даруй прощенье,
Погибшему в грехах — пошли спасенье.

Ты, жаждущим дающий утоление,
Ужели в мире не рассеешь тьму,
Ужели меня лишишь благоволенья,
Изменишь милосердие моему?
Ужели мне откажешь в состраданье,
Ты, тот единый, в ком оно живет?
Утрадишь ли, цветок, благоуханье,
Засохнешь ли, о благодатный плод?
Ужели животворящие деянья
Ты прекратишь, о наше упованье?
О ты, который кроток и велик,
Ужели пренебрежешь извечной славой,
Ужели омрачишь, о боже правый,
Пречистый свой, неомраченный лик?

Ты ль не даруешь, о мое спасенье,
Кровоточащим ранам исцеленье?
Бальзам на язвы не положишь мне?
Слепому, не пошлешь мне озаренье,
Свет предо мною не зажжешь во тьме?

Я — твой проситель, раб твой дерзновенный —
Молю тебя: меня ты не покинь.
Нетленный, жизнь дарующий вселенной,
Ты, славословимый, благословенный,
Ты был и есть твердыня всех твердынь.
Ты был и остаешься вездесущим,
Как в прошлом, так и ныне, и в грядущем,
И за пределом вечности.
Аминь.

ГЛАВА III

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

О Повелитель сущего всего,
Бесценными дарами нас дарящий,
Господь, творящий все из ничего,
Неведомый, всезнающий, странающий,
И милосердный, и неумолимый,
Неизреченный, и непостижимый,
Невидимый, извечный, необъятный,
И ужасающий, и благодатный,
Непроницаем Ты, неосязаем
И безначален Ты и нескончаем,
Ты — то единственное, что безмерно,
Что в мире подлинно и достоверно,
Ты — то, что нам дает благословенье,
Ты — полдень без заката, свет без тени.
Единственный для нас родник покоя,
Что просветляет бытие мирское.
И безграничный Ты, и вездесущий,
Ты и сладчайший мед, и хлеб насущный,
Неистощимый клад, пречистый дождь,
Вовек неиссякающая мощь.
Ты и хранитель наш и наставитель.
Недуги наши знающий целитель,

Опора всех, всевидящее зренье,
Десница благодатного даренья,
Ты явственно живущий, Ты бесплотный,
Наш пастырь неустанный, царь беззлобный,
Всевидящий и днем и ночью бдящий,
Судья, по справедливости судящий,
Взгляд негнетущий, голос утешенья,
Ты — весть, несущая успокоенье.
Твой строгий перст, всевидящее око
Остерегают смертных от порока.
Судья того, что право, что неправо,
Не вызывающая зависть слава.
Ты — светоч наш, величие без края,
Незримая дорога, но прямая.
Твой след невидим, видима лишь милость,
Что с неба к нам на землю спустилась.

Слова, что я изрек Тебе во славу,
Бледнее слов, которые бы мог
Услышать Ты, о Господи, по праву,
Когда б я не был речью столь убог.
Господь всеведущий, благословенный,
Восславленный всем сущим во вселенной,
Все то, что совершить нам суждено,
Твоею волею предрешиено.
О Господи, дорогу очистишь
Ты мне в моих сомненьях укажуй
И, приведя меня к вратам спасенья,
Сам удовлетворишь и возликуй.
Цель песнопенья Твоего раба —
Не славословье и не восхваленье,
Мои слова ничтожные — мольба,
Которой жажду обрести спасенье.

2

Собранье песен сих, где каждый стих
Наполнен скорбью черною до края,
Сложил я — ведатель страстей людских, —
Поскольку сам в себе их порицаю.
Писал я, чтоб слова дойти могли
До христиан во всех краях земли,

Писал для тех, кто в жизнь едва вступает,
Как и для тех, кто пожил и созрел,
Для тех, кто путь земной свой завершает
И преступает роковой предел.
Для праведных писал я и для грешных,
Для утешающих и безутешных,
И для судящих, и для осужденных,
Для кающихся и грехом плененных,
Для добродетелей и злодеев,
Для девственников и прелюбодеев,
Для всех: для родовитых и ничтожных,
Рабов забитых и князей вельможных,
Писал я равно для мужей и жен,
Тех, кто унижен, тех, кто вознесен,
Для повелителей и угнетенных,
Для оскорбителей и оскорбленных,
Для тех, кто утешал и кто утешен.
Писал равно для конных и для пеших.
Писал равно для малых и великих,
Для горожан и горцев полудиких
И для того, кто высший властелин,
Которому судья лишь бог один;
Для суетных людей и для благих,
Для иноков, отшельников святых.

И строки, полные моим страданьем,
Пусть станут для кого-то назиданьем.

Пусть кающийся в горьком прегрешеньи
Найдет в моих писаньях утешенье.
Пусть обратит мой труд, мое усердие
Себе во благо человек любой.
И стих мой, став молитвой и мольбой,
Да вымолит господне милосердие.

3

Всем тем, кто вникнет в сущность скорбных слов,
Всем, кто постигнет суть сего творенья,
Дай, Боже, искупление грехов,
Освободи от пагубных оков
Сомнения, а значит, преступленья.

Желанное даруй им отпущенье,
Пусть слезы их обильные текут,

И голосом моим они мольбою
Тебе угодное да вознесут.
К Тебе да вознесется их мольба
И за меня, за твоего раба.
Пусть, Боже, на рабов Твоих покорных,
На всех раскаявшихся, кто прочтет
С участием книгу этих песен скорбных,
Твой свет и благодать да снизойдет!

И если всех ты применишь, кто со мной
Произнесет слова мольбы усердной,
Врата своей обители святой
Открой и мне, о Боже милосердный.
И если слезная моя мольба
Прольется, словно дождь, грехи смывая,
То и меня, ничтожного раба,
Омоет пусть его вода живая.
И если Ты спасешь, о Боже, всех,
Согласных с мыслью свыше вдохновенной,
Ты и меня, простив мой тяжкий грех,
Спаси, о Господи благословенный.
И если песнь моя в душе иной
Родит Тебе угодные понятия,
Ты и меня, Отец небесный мой,
Не обдели своею благодатью.
И если те, кто мой постигнет стих,
К Тебе дрожащие возденут руки,
Пусть боль стеной горестных моих
Сольется с их мольбой в едином звуке.
И если сказанные в книге сей
Услышаны тобою покаянья,
То в многощедрой милости своей
Будь милосерден и к пришедшим ране,
И если поколеблется, скорбя,
В священной вере некто, духом нищий,
Пусть он, воспрянув, в книге сей отыщет
Опору, уповая на Тебя.
Коль маловер однажды устрашится,
Что храм его надежд не устоит,
Пусть этот шаткий храм Твоя десница
Строками книги скорбной укрепит.
Когда недугом мучимый жестоко
Почти утратит кто-то с жизнью связь,

Пусть обретет он силу в этих строках
И возродится вновь, Тебе молясь.
И если смертный страх или сомненье
Вдруг овладеют кем-то из людей,
Пусть в книге он найдет успокоенье,
Найдет покой по благости Твоей.

И если груз грехов неискупленных
Потянет в пропасть грешника, пусть он
Всей сутью слов, Тобою мне внушенных,
Спасен навечно будет и прощен.
И если где-то грешник есть, который
Не минет сатанинской западни, —
Дозволь, чтоб труд мой был ему опорой,
И сам безумца светом осени.

И если кто-то в губительной гордыне
Слова святых молитв забыть готов, —
Дозволь, чтоб я вернул его к святыне
Могуществом Тобой внушенных слов.

И тех, кто в сатанинском ослепленье
Уверует в презренную тщету,
Мне книгой скорбных этих песнопений
Дозволь вернуть к причастью и кресту.
И ураган неверия, взметенный,
Как над водой, над душами людей,
Смири моею песней, вдохновенной
Божественною милостью Твоей.

4

Сей труд, что начинал я с упованием
И с именем Твоим,
Ты заверши,
Чтоб песнопенье стало врачеваньем,
Целящим раны тела и души.
И если труд мой скромный завершится
С Твоим благословением святым, —
Пусть дух господень в нем соединится
Со скудным вдохновением моим.
Тобой дарованное озаренье
Не погаси.

Мой разум не покинь,
Но вновь и вновь приемли восхваленья
От Твоего служителя.
Аминь.

ГЛАВА IX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

И наступает срок сказать мне честно
О прегрешеньях дней моих и лет.
Но в час, когда пора держать ответ,
Моя душа робка и бессловесна.

И если я припомню все, что было,
И воды моря превращу в чернила,
И, как пергаменты, я расстелю
Все склоны гор пологие и дали,
И тростники на перья изрублю —
То и тогда при помощи нисьма
Я перечислю, Господи, едва ли
Мои грехи, которых тьма и тьма.

И если кедр ливанский в три обхвата
Свалю я, сделав рычагом весов, —
На чаше их и тяжесть Арарата
Не перетянет всех моих грехов.

2

Я — дерево, на котором веток много,
Но зрелых я плодов не оброну.
Как та смоковница по воле Бога
Бесплоден я, засохший на корню.
Смоковница, украшенная кроной,
Манит шумящею листвою зеленой
Усталых путников издалека.
Но подойдет к ней путник изнуренный,
И ни плода не сыщет, ни цветка.
Она — предмет презрения и брани,
Оставленная, как напомниманье,

Как некий тусклый образ душ людских,
Запятнанных греховностью и ложью,
Подвергнутых навек проклятью божью,
Погрязших в омуте грехов мирских.

Бывает, потом политые пашни,
Зерно приемля, хлеба не родят,
И пахарь, труд оплакавши вчерашний,
Уходит прочь, куда глаза глядят.

Душа, храня пристойности обличье,
Ты, как смоковница, листвою шуршишь,
Но, как смоковница в старинной притче,
Бесплодия и ты не избежишь.
Душа моя — как выгребная яма.
Ты вобрала, чтоб погубить меня,
Грехи всех смертных — со времен Адама,
Свершенные до нынешнего дня.
Ты копишь то, что Богу не угодно,
И потому презренна и бесплодна.

3

Я сам отяготил себя грехами,
Я над собой самым свершаю суд.
Я буду побивать себя словами,
Как из пращи камнями зверя бьют.
Я в мире жил и нагрешил премного,
И ныне я вступаю в смертный бой —
Как некий враг с врагом во имя Бога
Я насмерть биться буду сам с собой.
В сокрытых мной пороках и желаньях
И помыслах, в которых был лукав,
Винюсь, как в совершенных злодеяньях,
Перед Тобою на колени пав.

Молясь тебе, живу единой верой,
Что Ты, который милосердней всех,
Свою отмеришь милость той же мерой,
Которой мерю я свой тяжкий грех.
И мне ты не откажешь в подаянье,
И чем неизлечимей мой недуг,
Тем большее искусство врачеванья
Ты явишь мне — и я воспряну вдруг.

Чем больший долг простишь Ты мне с любовью,
Чем милосердней будешь и щедрей —
Тем истовей польется славословье
Мое, как в притче праведной Твоей.
О Господи, в Тебе одном спасенье:
Даешь ты справедливость нам в даренье.
Лишь от Твоей десницы обновленье
И силы нам от Твоего перста,
От милосердия — нам искупленье,
От лика — вся земная красота,
От Твоего чела — нам озаренье,
От Твоего дыханья — вдохновенье,
От Твоего участия — доброта,
От Твоего еля — умиление,
От знаменья — благое разуменье,
Что наши скорбь и радость — все тщета.
Лишь Ты даруешь нам освобожденье
От страха, от преступного сомненья,
Ты вкладываешь слово нам в уста.
Достоин Ты земного восхваленья,
Лишь Ты один вселенной лепота.

Все в мире сущее, все поколения
Возносят к небесам Тебе моленья.
Молитва наша свята и чиста.
Аминь.

ГЛАВА XXI

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

С тех пор как гибели себя обрек,
Уже я не восстал как человек,
Вновь не обрел в себе я человека,
Как сказано в писании святом.
Сойдя с пути, что праведен от века,
На этот путь я не вступил потом.

Хоть рассказал я в предыдущих главах
Про все грехи мои, но, стыд поправ,

Напомню вновь я о делах неправых,
О злодеяньях, о путях лукавых,
Не изменяя слогу прежних глав.

2

О Господи, я — грешник, я — злодей,
Я заслужил Твой лютый гнев и кару.
Ничтожностью, греховностью своей
Себя я уподобил Велпару*.
Своею нерадивостью и ленью
Я сам себя подвергнул осуждению,
Обрек себя на горе и позор.
И демоны мои возликовали,
В бесовском хороводе заплясали,
И пляшут и ликуют до сих пор.
Удары тайные я принял, Боже,
Предуготованные мне судьбой.
Я не отверг отвергнутых Тобой,
Наоборот, их силы преумножил.
Бесовской я и сам грешил игрой,
И сам плясал я с бесами порой.
Они же имя божье поносили.
Но я греха не отвергал в бессилье,
Себе не говорил я — не грешил!
Я грех творил,
И черви подточили
Поникнувший цветок моей души.

Я погубителей моих незримых
Не вскармливал, но не уничтожал.
Я сам невольно силы умножал
Гонителей моих неукротимых,
Я разрушителям, ищадыю ада
Был преданнее, нежели Творцу.
Не сладость я вкушал, а горечь яда,
И вот приходят дни мои к концу.

Я утрашен греховностью моей.
О, горе мне, позор и поруганье!
Как перед взором праведных людей
Предстать мне после моего признанья?
Всех лучше знаю, сколь мой грех велик,

* Велпар, или Вельзевул — злой дух, властитель ада.

Мне горло сжал отчаяния крик.
Когда способность мне была б дана
То видеть, что никто узреть не может,
Узрел бы я: душа моя черна,
Как идолопоклонник в храме божьем,
Понеже грехотворной силы страсть
И идолов богопротивных власть
Сказать воистину — одно и то же.
В кромешной тьме, у жизни на краю,
Погибельной тропой иду я ныне.
Мой дух бессмертный — благодать Твою —
Я превратил в бесплодные пустыни.

3

Могу ли человеком я считаться,
Когда причислен я к творящим зло,
И существом разумным называться,
Когда в меня безумие вошло?
Хоть я и зрячий, но слепого хуже.
Внутри себя свет погасив, теперь
Я не могу прослыть ученым мужем:
К познанию сам себе закрыл я дверь.
Слыть многомудрым, свыше просветленным
Я, погубивший душу, не могу,
И просто существом одушевленным
Себя назвавши, — я и то солгу.

Среди кувшинов я — кувшин негодный.
В гранитной кладке — камень ипородный.
Я в сонме избранных — избранник ложный,
Я в сонме признанных — глупец ничтожный.
И, утрашенный смертью, ибо грешен,
Покинут всеми я, а кем утешен?
Пророк Иеремия говорил,
Что Иерусалим падет в бессилье,
Так и меня страданья истожили,
Погиб я, потеряв остаток сил...
Как дерева червями, ткани молью,
Изъеден я своей сердечной болью.
Я источился, словно паутина.
Моя греховность этому причина.
Я прекращаю век свой, исчезая,
Как утренний туман, роса ночная.

Я веровал в людей неосторожно,
А вера только в Господа возможна.

И ныне о содеянном скорбя,
Я, проклятый и очерненный скверной,
Надеюсь, Боже, только на тебя,
Исполненного милости безмерной.
И на кресте Ты никого не клял,
Терпя страдания, не ожесточился,
Когда к Отцу Небесному взывал
И за своих мучителей молился.
Подай мне весть, чтоб ей внимал мой слух,
Даруй надежду в жизни быстротечной
И в час, когда Тебе свой жалкий дух
Я возвращу,
Даруй мне дух свой вечный.
Аминь.

ГЛАВА XXIV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

О господи, о Боже, пред тобой
С какою ныне мне предстать мольбой?
Могу ль молить, когда б на то решился,
Чтоб вновь обрел я то, чего лишен,
Чтоб с праведными, с кем я разлучен,
По воле божьей вновь соединился?
И чтобы заново я был сращен
С лозою той, от коей отсечен?
Я — ствол, который ныне покривился.
Но может ли быть снова возрожден
Цветок, чей стебель сгнил, к земле склонился?
Былым величьем я к земле склонен.
Как сделать так, чтоб вновь я распрямился?
Чтоб снова я в объятых очутился
Того, кем был для жизни порожден?

Теперь я — наг, и облачений всех,
Хоть и гордился ими, я лишился.
Как надо жить, чтоб вновь я приобщился

К тому, кем осужден за тяжкий грех?
Чтоб свет, хоть от него я отдалился,
Мне виден был сквозь тысячи помех?

Чего мне ждать? Ушедшего веселья?
Мечтать, чтоб снова светлой стала келья?
Молить, чтоб снова я душой обрел
Установленья, с коих я сошел?
Поверить ли в незыблемость скалы,
Что вдруг заколебалась подо мною?
Смешаться ли с толпой, что злой хулы
Достойна за стяжательство земное?

Могу ли в град, где первенцы, вступить,
Когда я, грешный, обречен чужбине?
О хлебе ли насущном мне молить,
Которого не заслужил поныне?

Молить, чтоб снова рядом очутиться
С людьми, с которыми я жизнь прожил?
Или кричать: «Пусть мука прекратится!»?
Но я еще греха не искупил.
Просить наград, чтоб ими возгордиться?
Но я наград довольно получил
И ни одной еще не оплатил,
И пробил час за это поплатиться.

Мне ль быть внесенным в книгу Бытия,
Когда уже я вычеркнут оттуда?
Мне ль вспоминать дары твои, как чудо,
Что не уберегла душа моя?

2

Как нить, моя надежда порвалась,
Мной завладела мерзкая проказа.
Сначала язвою, не больше глаза,
Отметила меня и расползлась.
Моя болезнь сокрыта милосердно
Под прежнею личиной черт моих.
Что означать должно двойную скверну —
Души и тела, все еще живых.
Померкло для меня сиянье славы,
Добро ушло, никто меня не спас,

И приближается мой смертный час,
И суд грядет безжалостный, но правый.
Разлился смерти яд в душе моей.
И в гавань вход закрыт для кораблей,
И сорваны покровы благодати,
Померкло благолепье прежних дней.
Но тернии хулы и гром проклятий,
Несправедливый суд земных судей —
Все это стало участью людей,
Чтоб прежние надежды я утратил.
Стропила сгнили, рухнули столбы,
Упала кровля, повалились стены,
Разверзлась бездна огненной геенны
Как завершение моей судьбы.
Прощаясь ныне с жизнью земною,
Я с этим миром чувствую разлад.
И дух святой — дух, оскорбленный мною,
Корит меня, в том сам я виноват.

3

Ту чашу, что была мне суждена,
В течение жизни я испил до дна.
Познал я все: сомненье и смятенье,
Срам непостижный, вечное презренье,
Позор, бесчеловечное гоненье.
Днем не было еды, а ночью сна,
И не было в пути мне озаренья!
Лишь ты — надежда наша и спасенье.
Ты — милосердье, помощь, очищенье.
Единый сын того, чье мановенье
Твердь неба создало и твердь земли.
О Господи, мольбе моей внимли!
Ты, сострадающий, благословенный,
Защитник наш, в заботе ночеденной
Сиянье зажигающий вдали,
Меня прими и мне даруй прощенье,
Направь на путь и дай мне наставленье,
Чтоб вновь в меня слова твои вошли.
Чтоб умиленье, умиротворенье
Мой грешный дух очистить помогли!
Ты жаждущих поишь в краю пустынном,
Даришь надежду страждущим, невинным,
И мне свою десницу протяни

И, в облике представши триедным,
Навек меня с собой соедини.
Аминь.

ГЛАВА XXV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

В печальных строках предыдущих глав
Свои не все назвал я прегрешенья,
В чей плен давно душа моя попав,
Претерпевает тяжкие мученья,
Я изменил лишь форму изложения,
Оплакивать себя не перестав.

2

Все то, что я терплю, о чем скорблю,
Недоброе напоминает море.
Моя душа, подобно кораблю,
Трещит и гибнет, со стихией споря.
Плывет корабль под ураганом злым,
Его несут валы, и нет им края.
Не так ли погибал Иерусалим,
Когда врагов когорты, наступая,
Разрушив город, овладели им?
Об этом рассказал пророк Исайя,
Заслуженно причисленный к святым.
Несчастливая душа моя в смятенье,
И с кораблем уместно ей сравненье.
Пока я тихо плыл путем своим,
Не опасался горьких злоключений,
Трудился, чередуя сон и бденье,
И думал, что не будет путь иным.
Казалось мне: уже достиг я цели,
Но в ясный день вдруг волны налетели,
Беда случилась с кораблем моим:
Переломились рукояти весел
И грозный вал его на скалы бросил.
Вот парусное рвется полотно,
Вот толстые канаты натянулись,
Борта водой морскою захлебнулись,

Они трещат с обшивкой заодно.
Вот мачты гнутся, вал смывает снасти.
И рвутся цепи якорей на части,
И судно гибели обречено.
Вода ломает клепки, чтобы с шумом
Вовнутрь ворваться, и потечь
По трюмам,
И судно погрузить мое на дно!

Обломки корабля плывут, не тонут,
Подобно существам разумным, стонут.
Страшна им тоже эта маета,
И, корабельщик, я стою в смятенье,
Гляжу, как гибнет все мое владенье,
Но замыкаю я рукой уста,
Чтоб в час стихии этой неспокойной
Своею жалобою недостойной
Не осквернить молитвы и поста.
А тот, по чьей неизъяснимой воле
Все совершается в земной юдоли,
За погибающим добром моим
Следит и вместе с воинством своим —
Стоит и плачет от великой боли:
Недаром нам в пример, жалея всех,
Он слезы лил над Лазарем любимым,
И над сметенным Иерусалимом,
И над Иудой, совершившим грех.
Тот город, и могучий и богатый,
Тот ученик, предатель тот проклятый,
Сравнимы с одиноким кораблем,
Среди стихии дикой поврежденным.
А Лазарь, мертвый, но непогребенный,
Достигнув дна в мучении своем,
Надежды не утратил и потом
Из гроба вышел, богом воскрешенный.

3

Сравню мое с ковчегом естество,
Увижу ль вновь его неповрежденным?
Увижу ль судно духа моего
После грозы и бури обновленным?
Ужель приду я к господу прощенным?
Не быть ужели сердцу омраченным,

И храму моему неразоренным,
Отеческому дому несожженным?
Там не осталось ныне никого.
Ужель, рабу, мне быть освобожденным,
Быть неотверженным, несокрушенным,
Непомнящим плохого ничего?
Ужель, о Господи, мне быть прощенным
По воле милосердия твоего?
Ужели я смогу мольбу вознести,
И ты, о Боже, применишь покаянье?
Ужели я услышу не рыданье,
А посланную мне благую весть?
Ужель душа моя, какая есть,
Возрадуется, позабыв страданье?

Ужель разбитый многожды сосуд
Вновь невредимым станет, как сначала,
И перечень долгов моих порвут,
Чтобы моя душа возликовала?
Ужели дни тоски моей пройдут,
Настанут дни благого очищенья
И высохшие от поста и бденья
Все мышцы тела силу обретут?

О Господи, пристыженный тобой,
Кричу я, как кричал во время оно
Китом проглоченный пророк Иона:
«Ужель я вновь увижу храм святой?»
Ужель во мгле я различу впервые
Земли обетованной берега,
Ужель почую капли дождевые
И оживут моей души луга?
Ужель я, многогрешный, наконец
Прощен Тобою и собой принижен,
Не без толку разбредшихся овец,
А паству, верную Тебе, увижу?

4

Передо мною было столько бед,
Что я не мог пройти сквозь их тенета.
Но, Господи, хотя б на склоне лет
Пусть милосердия твоего ворота
Раскроются и состраданья свет

Меня спасет от тягостного гнета!
И пусть твои лучи распространятся
На все, что было пагубным вчера,
И капли благодати просочатся
Из твоего пронзенного ребра.

Пусть все дела благие совершатся,
И древо сладостных твоих даров
Пусть зацветет в тени земных садов,
И мы услышим прерванный твой зов;
Издали он будет приближаться.
И вместе с очищением от грехов
Надежда и блаженство в нас вселятся.
Все, что виденьем будет, хоть мгновенным,
Останется в душе моей нетленным —
Благим явлением троицы святой.
И с именем твоим неизреченным
Я многотрудный путь окончу свой!
Увенчанный великим милосердьем,
Господствующий в высях неземных,
Ты властвуешь и над земною твердью,
Оберегая всех рабов своих;
Так дай мне силу, чтоб я мог с усердьем
Тебе служить, покамест я в живых.
Аминь.

ГЛАВА XLVI

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Я хмурый человек, суровый правом,
Судим твоим судом, я буду правым.
Покуда же я сам себя сужу,
Я схож с презренным пастухом наемным,
За стадом всех грехов моих огромным,
Как свинопас, понуро я хожу.
Иль я другому пастырю подобен,
Своих пасу я козлищ много лет,
Не понимая, по чьему подобью
И чьею волей я рожден на свет.

На пару сильных сопряженных ног,
Как ангелы, поставлены мы с вами,
И каждый, чтобы из-под неба мог
Великий оглядеть земной чертог,
Был одарен широкими крылами.

Зачем же, о глупец, столь скудно мысля,
Ты опустился до Земли, во прах?
Заботясь только о земных делах,
Зачем к онаграм сам себя причислил?

Ты, как светильник многоответвленный,
Увенчан головою, человек,
Затем, чтобы из праха сотворенный
Свой образец не забывал вовек.

И одарен ты разумом могучим,
Чтоб мыслил ты и внятнм языком
В мольбе своей напоминал о том,
Кто даровал тебе благополучье.

Две сильные руки тебе он дал,
Чтоб ты трудился, не прося подмоги.
И, назидая, людям бог сказал:
«Сыны всевышнего, вы сами — боги!»

В тебе есть триста шестьдесят суставов,
Есть пять различных чувств — чтоб осязать,
Вкус различать, чтоб слышать, обонять,
Чтоб видеть мир создателю во славу.

Из членов всех, что господом даны,
Одни тверды и мягки остальные.
Те слишком грубы, прочие нежны.
Есть важные, хоть, может, и срамные,
Но, дар господен, все они нужны.

И если все исчислим мы и сложим,
Увидим: органов и чувств твоих
Как дней в году, что доказать нам может
Необходимость каждого из них.

И есть еще сустав — союз любви,
 Единство церкви даровавший миру.
 И малых и великих назови,
 Кто носит рубище и кто порфиру,
 Здесь равны все под сению Христа,
 Тверда их нераздельность и чиста,
 Хоть, может, те — всевластны, эти — сиры.

Когда отъять от плоти член любой,
 Разрушится премудрое строенье
 И станет безобразен облик твой,
 Утратив совершенство единенья.

И хоть твой дальний предок преступил
 Запреты рая божьего, но все же
 Ты, грешник, по крещение сохранил
 И образ божий, и подобье божье.

Так объясни, какой корысти ради,
 Под действием каких недобрых сил
 Ты божьей славы сам себя лишил,
 Как предок твой в небесном вертограде?

Зачем молений жарких не вознес
 И двери в рай замкнул перед собою?
 Зачем однажды скверну горьких слез
 Ты сам смешал с прозрачною водою?

Зачем ты чистых риз своих покров
 Запачкал скверною греха былого
 И скинутый хитон своих грехов
 Распутством на себя напялил снова?

Зачем ты чистоту омытых ног
 Испачкал грязью на пути коварства?
 Зачем себя в преддверье божья царства
 От клятвопреступленья не сберег?

Зачем, свернув с тропы благого дела,
 Как птица в сети, угодил в беду?
 Зачем попался бесу на уду
 Ты, причастившийся Христова тела?
 И все же на него лишь уповай,

Ты, с ног до головы покрытый скверной,
 Молись, несчастный, кайся, умоляй.
 Лишь он один благий и милосердный!
 Аминь.

ГЛАВА LX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Могу ли я, рыдая безутешно,
 Читать псалмы, где правда столь светла?
 Я — знающий: противна похвала,
 Которая из уст исходит грешных.
 Могу ль псалмы святые повторять я,
 Несущие мне, грешнику, проклятья?
 Могу ли я угрозу воспевать
 И сам к себе укоры обращать
 И не лилея, что мечтал срывать я,
 А тернии с груди моей срывать?

Я не осмелюсь повторить гневливых
 Священных слов, страшась их правоты:
 «Ты сокрушаешь зубы нечестивых!»,
 «Врагов закона ненавидишь ты!»

Могу ли я, порочный и беспечный,
 Грешней любого грешника вдвойне,
 Сказать: «Суди меня по правде вечной,
 По непорочности моей во мне!»?

Могу ль, сказавший столько слов прелживых,
 Слова псалма прочесть от всей души:
 «Да прекратится злоба нечестивых»,
 Иль: «Мышцу нечестивца сокруши!»?

Скажу ли: «Вырвет Бог, не пощадив,
 Язык, что лжив или велеречив», —
 Когда я сам в словах не знаю меру,
 Скажу ли: «Бог прольет огонь и серу
 На нечестивцев, что порочат веру», —
 Когда я грешен сам и нечестив?

Скажу ль: «От помыслов моих — ты видел —
Ни словом отступить я не посмел,
От тех, кто гнал меня, кто ненавидел,
Хранил себя, как ты мне повелел!»?

Сколь буду я в словах своих неточен,
Сказав: «Я был пред Богом непорочен,
И за безгрешность мне Господь воздал!» —
Я сам себя за ложь бы осмеял,
Сказав: «Безвинный, руки я омою», —
Как я свою вину и грех свой скрою?
Каким бы жалким богу я предстал,
Когда б считал, что был для всех примером,
Что не служил вовек я маловерам
И что престолы грешных обличал?

Как это я, который проклят сам,
Могу к кому-то обратить проклятья?
Как, указав перстом, могу сказать я:
«Им, Господи, воздай по их делам!»

2

Все то, что перечислил я сейчас, —
Моих грехов лишь небольшая доля,
И гнева божеского грозный глас
В строках псалмов звучит который раз.
Когда своим слезам я дал бы волю,
То их потоки хлынули б из глаз.

Псалом сорок девятый псалтыря
Ко мне свой обращает голос грозный,
Как будто со стены монастыря
В меня бросает камень смертоносный.

Он, о моих злокознях говоря,
Последнюю надежду отнимает
И жалкие уста мне замыкает,
Чтоб, грешный, я не славословил зря.

Для нас беда — проклятие чужое,
Но клясть себя самих страшнее вдвое.
Скорбим, когда хулит нас враг иль друг,
Но ожидание от всеблагого

Хулы и осуждающего слова —
Претерпевание кровавых мук.

Но если ты, терзаемый страстями,
Осудишь сам себя и укоришь,
Ты со своими прошлыми грехами,
Благословенный божьими устами,
К нему при жизни путь свой обратишь
И горькопокаянными словами
Свое ты обращение озаришь.

Уместно вспомнить, как давным-давно
Недужная овца на божьем поле,
Чтоб исцелиться, обращалась к соли.
Сим тварям большего и не дано.

Людей же, ум и речь нам даровав,
Бог отличил; так что ж в грехе упорном
Находим мы на поле животворном
Лишь смертоносную из многих трав?

3

Я придаю значение словам,
Я вижу в них пример, меня корящий,
Зло умышляющий, порой я сам
Ищу огонь, меня испепеляющий.

Как ни молился б я, как бы ни славил
Слова святые, прок не столь велик,
Пока я в них душою не проник,
Как говорил о том апостол Павел.

Вслед за псалмом мне речь не подобает:
«Изыдите все те, кто осквернен,
Все те, кто беззаконье совершает!»
Ведь я и сам из тех, кто нарушает
И заповеди, и святой закон!

Могу ль сказать я вместе со святыми:
«И раб храним законами твоими»?
Нет, вместе с праведными повторять
Мне пасторское слово не годится,
Негоже господа благословлять
Мне вместе с теми, кто его боятся.

Я, многогрешный, тяжко согрешу,
Мольбу Давида повторив сегодня:
«Лишь одного у Господа прошу,
Чтобы и мне быть в скинии господней!»
Я — грешник, и такое тяжело
Произнести устами святотатца:
«Создатель против делающих зло!»,
«Свершающие зло, да истребятся!»
Но, нечестивец, я свершаю зло,
И на меня проклятья обратятся.

Я гибели своей могу ль желать,
Твердя: «Пусть гибнут те, что нечестивы!»
Язык мой недостойн, злоречивый,
Псалом благословенный повторять
И речь: «Я путь свой буду наблюдать,
Чтоб языком моим не согрешать!»
Могу ли похваляться я, хвастливый:
«Меня, о Господи, чадолюбивый,
Ты должен в непорочности приять!»
Как я скажу, неправедный и лживый:
«Неправедных и лживых осуди!»
Как я скажу: «Избавь и огради
От всех лукавых и несправедливых?»

4

В своем тщеславье, в суетном бессилье,
Как за Давидом повторю я вдруг:
«Мы бога своего не позабыли,
К чужому богу не простерли рук?»

Я понимаю: тьмой и тьмой грехов,
Что я творю или творил когда-то,
Я рукотворных создавал богов —
Астарту ли, Милхома, Тарахата —
В обличье богомерзком — то ослов,
То женщин, коим ничего не свято.

Как может повторить мой грешный глас
С безгрешными, что стоны исторгают:
«Мы за тебя страдаем каждый час!
Нас, что ни день, за веру умерщвляют!»

Могу ли я, забыв и грех и блуд,
Сказать псалом себе же в назиданье:
«Уста мои премудрость изрекут,
Я, размышляя, обрету познания!»

Как мне постичь, опутанному ложью,
Суть повторенных дважды слов святых:
«Я, праведник, ходил пред ликом божьим,
Я жил безгрешно на земле живых!»?

Нет, грешный мой язык сказать не может
Тех строк священных, что страшат меня:
«Как тает воск от яркого огня,
Пусть грешники от рук погибнут божьих!»

Как я скажу, грешивший в жизни этой:
«Я душу изнурил свою постом!»
«Ходил и я, во вретнице одетый,
С главой поникшей, сумрачный челом?»

И, будь безгрешен, я бы укоренье
Иакову, быть может, обратил,
Но истину я принял вместо тени
И все его ошибки повторил.

Забыл я, что Христос рукой своей
Благих чудес нам, грешным, во спасенье
Свершил не менее, чем Моисей, —
Он был предвестьем божья воплощенья.

Тьма черных бесов не дает мне жить,
Как варварское племя, копошится.
Теперь я знаю, если говорится,
Что трупы отдаются хищным птицам,
Не птицам — бесам надо б говорить.

Я волю слыл со злом, по воле злой
Могу ль я речь свою назвать святой,
Как семя, что упало при дороге?

Могу ли я роптать на бесов злых,
Замысливших против твоих святых,
Коль сам тех бесов лучше я немногим?

5

О Боже, чтоб противились мы им,
Дай силы нам, даруй нам озаренье,
И окружи нас воинством своим,
И нас оборони крестом святым
От сатанинских ветров искушенья.

Пусть глубоко мое грехопадение,
И все же я ни въяве, ни во сне
Не богохульствовал в своих реченьях,
И в гибели людей, подобных мне,
Ты вряд ли обретишь успокоенье.

Ты, Боже, от того ли не страдал,
Что умерщвил неверных столь жестоко
И что потоп на землю насылал,
Хоть и в искоренение порока?

Ты все же даровал нам благодать,
Сказав, чтоб мы запомнили вовеки:
«Я более не стану проклинать
Всю землю за изъяны в человеке!»
Ты, Господи, прощаешь даже тех,
Кто за свои преступные деянья,
За совершенный самый тяжкий грех
Тягчайшего достоин наказанья.

И льется дождь, твоей послушен длани,
Ты исцеляешь тем дождем своим
Отступника, хоть он неисцелим,
Его спасенью радуясь заране.

Ты и меня, о Господи, любя,
Вспой живой росой милосердно,
Чтоб, от грехов очистясь, я усердно
Мог славить триединого тебя!
Аминь.

126

ГЛАВА XXIII

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ КО ВСЕВЫШНЕМУ

1

Ты, всемогущий Бог, Ты, вездесущий Бог,
Непостижимый Ты, недостижимый Ты,
Всей Своей сущностью всем существам присущ;
Нет предела Тебе; суть всего, Ты во всем,
Ты незрим, но бытие Твое — свет;
Зрения нет без Тебя.
Вечным величием страшен Ты, славен Ты;
Голос Вселенной, зов, Ты для всех и во всех;
Неисповедимый Ты,
Неотвратимый Ты; дальний, Ты вечно в нас.
Видишь, Хранитель наш, кто погубитель наш;
Ты, Утешитель наш, Освободитель наш,
Боже, Целитель наш, Боже, Спаситель наш!

2

Ты возри на меня! Видишь, сколько скорбей,
Видишь, сколько страстей обуревают меня,
Представшего в слезах, Господи, пред Тобой;
Я сам себе палач, Ты милосердный врач;
Ты не суди меня, Ты пощади меня,
Когда сомненья мои безжалостнее врагов;
Когда душе предстоит погибель во веки веков;
Когда отравлена плоть ядом зловредных ков;
Когда зло во мне обрело приют, пристанище, кров;
Когда пороки мне льстят, как сонм лукавых рабов;
Когда нечистая страсть — основа моих основ;
Когда душа пронзена упреками мудрецов;
Когда уповать я боюсь, беднейший из бедняков;
Когда я разумным слышу, а сам я хуже скотов;
Когда я в скверне зачат и в скверне коснеть готов;
Когда меня точит недуг, хотя на вид я здоров;
Когда грехи вопиют на тысячу голосов;
Когда меня будущее страшит, как внезапный зов;
Когда мое прошлое — постыднейший из тайников;
Когда на молитве я стыжусь покаянных слов;
Когда меня совесть палит, как солнце среди облаков;
Когда я вспяв смотрю, едва касаясь плутов;

127

Когда вперед стремлюсь я, худший из ходоков;
Когда я вспять бреду, своих не жалея шагов;
Когда я сам себе лгу по наущенью лжецов;
Когда, зная истину, вверяюсь бредням глупцов;
Когда в моем горле горит горчайший из всех костров;
Когда гортань — врата для воплей, как для гонцов;
Когда стоны рвутся из уст, как полчища беглецов;
Когда я во мраке моем беспомощнее слепцов;
Когда мой собственный суд строже других судов;
Когда я себя сужу и мой приговор суров;
Когда благодетель мой скунее злобных скупцов;
Когда сжигающий свет грозит мне со всех концов;
Когда перед Богом я должник среди должников;
Когда естество мое страшится Божьих громов;
Когда не жалуется Бог жалких таких умов;
Когда я камнями побит (удел блудников таков);
Когда слепит меня блеск мученических венцов;
Когда свой талант зарыл я в землю для мертвецов;
Когда недостойн я святых Господних даров;
Когда избегать привык я праведных трудов;
Когда собрать не дано празднотворцу плодов;
Когда нет свечи в ночи и стынет очаг без дров;
Когда немеет язык, стыдятся других языков;
Когда молчать осужден гордец из гордецов;
Когда пытливая мысль утратила прежний улов;
Когда в западню прошусь, ищу для себя силков;
Когда, не зная добра, не знаю верных весов;
Когда нет пути взаперти: зло — тяжелый засов;
Когда в лампаде гарь: иссяк елей постов;
Когда не выплатить мне вовеки моих долгов;
Когда в слезах не видать блаженных райских садов;
Когда среди святых целительных стихов
Нет имени моего, лишь список моих грехов.

3

Если боец передо мной, значит, я обречен;
Если гонец передо мной, буду я заточен;
Если писец передо мной, буду я отлучен;
Если апостол передо мной, значит, я осужден;
Если святой передо мной, грешник предупрежден;
Если наглец передо мной, мне предстоит урон;
Если водою меня испытать, я утоплюсь;
Если отравой меня испытать, я отравлюсь;

Если увижу добро вместо зла, я удалюсь;
Если рука чья-нибудь поднялась, в страхе согнусь;
Если страшилище встретилось мне, я содрогнусь;
Если услышу поблизости шум, прочь я рванусь;
Если меня на пир позовут, я ужаснусь;
Если предстану я пред Тобой, вдруг я запнусь;
Если допрашивать будут меня, я не проговорюсь;
Если судить по закону меня, я не спасусь.
Множатся неизлечимые сомненья во мне,
В единенье своем каленым острием
В сердце впиваясь, пытая, терзают меня,
Пронзают меня незримыми стрелами изнутри;
Не удалить этих стрел, не исцелить этих ран,
Когда душа уязвлена, воспалена,
Не заживает, болит,
Мне, страждущему, сулит мучительную смерть.
Железо жалит меня, гноятся раны мои.
Таятся язвы во мне, истоки жестоких мук;
Сушит меня недуг, хворь моя душист меня;
В тяжкой моей тоске
Жалобный вопль моей сокрушенной души
Я возношу к Тебе, Боже, Спаситель мой,
Слезы мои смешав со слезами Твоих
Мучеников святых, которые, отстрадав,
Молятся за меня.
Я на земле молюсь, по небесам томлюсь,
Чтобы молитва моя достигала небес.
Жалкий труженик я, возделываю тщету.
Мне целительный мир, Господи, ниспошли,
Ибо, Сущий во всем, существам присущ,
В сущем осуществлен, сущим прославлен Ты.
Аминь.

ГЛАВА XXVI

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ К БОГОМАТЕРИ

1

Я среди тех, чья песнь — лишь неумолчный плач;
Наши слезы поют, вторят ладам тоски;
И созвучий других не нашлось для певца:
Жалобный стон в конце каждой моей строки.

Это плачут сердца,
Чтобы слезы текли.
Я возглавляю тех,
Чей стих слезами зачат, вестник наших утрат.
Скорбным рыданием исповедаю грех.
Для мира моя душа пока еще не умерла,
И не живет еще для Бога моя душа.
Иоанн Богослов обличает меня:
Я не горяч душой, и не холоден я;
Тепел я, значит, плох;
Брезгует мною Бог.
Нас тяготит печаль,
Вечный грозит урон.
Слышен в конце строки
Один и тот же стон.

2

Я нечестный должник. Мой долг просрочен давно.
Мне по моей вине бедствовать все равно.
Я преступник вдвойне, оправдываться грешно.
Сокровище царское мною расточено.
Мне перед Господом держать ответ суждено.
Десять тысяч — мой долг, отсрочки просить вольно;
Именье мое дотла мною разорено.
Бедному пленнику заступника не дано.
Плачу, больной, в тюрьме; узнику днем темно,
Брашно не для меня, не для меня вино.
Песнопенье мое горю посвящено,
Звучом скорбным одним в жалобу превращено,
В чередованье строк строгий строй обрело;
Каждый стих заключен одним отчаянным «О».
О, печальный итог, таинственное число!
Горе мое — гора, жарко горит оно,
Яростным пламенем сердце обожжено.
Отдал я сердце в залог, сам себе сделал зло;
От наказания зло меня не спасло,
Праведному суду грешника обрекло,
Пагубным острием рану мне нанесло.
Я в тенетах страстей, время мое истекло.
Ужасом, как мечом, сердце поражено;
В беззащитной груди, жалкое, обречено;
Перед Страшным судом, дрогнув, изнемогло.

Скорбные очи мои мраком заволкло.
Никнет мое чело.
Изнывает в цепях брренное естество;
Некому исцелить сомнения моего;
Предо мною предств, страшит меня Божество.
В бездне затеряно все мое существо,
Богом покинуто, в пламени казнено
Там, где целебное солнице упразднено.
Не помогло мне скудное, дурное мое добро:
Богом отвергнуто все мое серебро,
Безрассудным нечестием, грехами осквернено.
Руки мои грязны, зрение замутнено;
Сердце мое разбитое к небу обращено,
Ибо мое спасение Тобою возвещено,
Богоматерь Пречистая! Все Тобой прощено.
О Царица Небесная! Мне с Тобою светло.
Когда бы слово Твое душу мою вознесло!
Грешное сердце мое Тобою защищено,
Тобою просвещено.
Царство Небесное Тобою озарено.
Новой надеждою свыше одарено,
Благоухания сердце мое полно.

3

Мольба покаянная, слово еще одно
К песне скорбной моей присовокуплено.
Утратами нескончаемыми горе заселено,
Моими слезами обильными только углублено;
Бог весть, где предел, где дно.
Помышленье мое в горе погружено,
Тонет, крылатое, глубиью заморожено,
Моими тягчайшими грехами побеждено.
Вкусить погибель свою тело принуждено.
Малодушным сомнением лицо мое измождено.
Выпил я чашу сию, и все предо мной черно.
Упованье мое отчаяньем сокрушено;
Прегрешенье мое мною оглашено.
Незримой жаровнею все во мне раскалено;
С плачем все во мне плавится, пламенем опалено;
Неумолимой совестью жестоко уязвлено,
Все вскипает во мне, слезами упоено;
Сколько незримых жал в сердце затаено!
Множеством гибельных стрел нутро мое пронзено,

Ядом заражено.
Вечно мучиться родами чрево осуждено,
Но ничего на свет мною не рождено;
Чрево мое проклятием как бы заграждено.
Жгучею лихорадкою тело изнурено,
Горе мое горчайшее в желчи растворено;
Судорогой тошнотворною горло мое сведено,
Неумолчным рыданием отчаянье пробуждено.
Существо мое жалкое все разъединено,
Самоуничтожением лукаво соблазнено;
Мною самим побоище во мне же учинено,
Перемирие желанное гневом отдалено.
Алчное вожделение еще не утолено.
Сомнение новым сомнением, страхом подкреплено,
Тиною грехов облеплено, тело истомлено,
Смертью ослеплено.
Лишь Тобою, Пречистая, сердце просветлено,
От сомнений губительных снова исцелено,
Лишь Твоим состраданием в бездне окрылено,
Светом Твоим утешено, в небо устремлено.
Аминь.

ГЛАВА XXX

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ КО ВСЕВЫШНЕМУ

1

Боже мой милостивый, Господи всеблагой,
Вспомни Ты свой глагол и не отринь того,
Кто спотыкается, падает, как слепец,
Молится, кается, правый теряет путь,
Чтобы опять грешить в сонме других сердец,
Истину при смерти выстрадав, наконец.
Ибо во мне самом алчный мой властелин,
Вкрадчивый, хищный враг, хитрый, коварный льстец,
Он мой приспешник злой; грешник, я сам не свой.
Он, как в притче, пасет ветры, чья пажить — ложь;
Как от охотника, он от Бога бежит,
Мой супротивник — дичь, тело мое — ловец.
Словно зверь в западне, мой супостат во мне,
Ядовитый исток всех сомнений моих;
Сколько их, Господи, ведаешь Ты один.

Я в сокрушении каюсь; где грех, там плач,
Горестный, жалобный голос моих скорбей;
Не затихает он, душу мне надорвав;
Истомленный, к Тебе, Господи, устремлен;
Стоны возносятся, преодолевая стыд,
Запечатленные лишь письменахми слез.

2

Дабы зачлось мне то, что я твержу давно,
И в суесловие слово не перешло,
Чтоб не перечил плач вечной моей мольбе,
Царства Небесного я не просил себе;
Лишь бы легче чуть-чуть стал мне скорбный мой путь.
Если недостижим животворящий свет,
Скрыться бы хоть во тьме, хоть среди мертвецов,
Там, где поверженным не восторжествовать,
Там, где отверженным не на что уповать;
На отдыхе уставать, на пиру тосковать;
Ясен беспечный лик, ранен скорбящий дух;
Виден смех на устах, таится печаль в очах;
Невозмутимый вид,
Но выдает слеза сокровенную скорбь.
Две чаши в руках; в одной молоко,
В другой горячая кровь.
Два кадила:
Одною рукой кадишь, другою рукой чадишь.
Два блюда:
Одно усладительное, в другом как будто полынь.
Два сосуда:
В одном горючие слезы, горючая сера в другом.
Два кубка:
В одном вино, жгучая желчь в другом.
Двоятся врата предо мной:
Одни сулят нищету, другие только тщету.
Два тигля: один — как лед,
Другой нестерпимо жжет.
Два взгляда: в одном привет,
В другом безжалостный гнев.
Две поднятые руки:
Одна наносит удар, другая отвергла дар.
Две тени на лице:
В одной глубокая грусть, в другой затаенная злость.
Два упрека в душе:

Мне, обойденному благом, — награда Твоя;
Мне, осажденному заблужденьям, весть благая Твоя;
Ибо везде Ты царишь, лишь добро творишь,
Ибо Ты целительный свет,
Ибо нет в Тебе тьмы и нет вне Тебя добра
И спасенному явлена слава Твоя.
Аминь.

ГЛАВА LIV

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ КО ВСЕВЫШНЕМУ

1

Во веки веков тому, кто на Тебя уповал,
Ты, смертью смерть поправ, блаженство даровал;
Дал нам Новый Завет, мудрость и свет принес
Ты, Иисус Христос, начало всех начал.
Если без воли Твоей
Нет обновления мне, Ты меня пожалей,
Чтобы, возликовав, я Тебя вновь обрел,
Ибо без воли Твоей, без благодати Твоей
Нет избавленья мне: неминуема смерть.
Ты, сопутствуя мне, напутствуй меня,
Ибо к Тебе не найти пути без Тебя.
Справа и слева разверзлись бездны, грозя,
Между двух бездн моя погибельная стезя.

2

Если меня бранят, не бранюсь;
Если меня винят, повинюсь;
Если меня корят, покорюсь;
Если меня осмеют, поклонюсь;
Если меня чернят, я смирюсь;
Если меня теснят, потеснюсь;
Если меня толкнут, я споткнусь;
Ибо сбился бы конь с пути,
Если бы не рука седока;
Ибо без кормчего не поплывет корабль;
Если ссоры нет,
Любая соха плоха;
Без людского ума мало быкам ярма;

Без ветерка не летят облака;
Без мироздания нет планет,
Солнца нет, если неба нет;
И меня, Вседержитель, нет
Без мановения Твоего.
Дар великий Твой — наша жизнь и мысль;
И вселенский строй учрежден Тобой,
Псалмопевец рек: Ты Пречистый Спас!
Утешает всех, воскрешает всех
Весть благая Твоя:
«Приидите ко Мне все труждающиеся
и обремененные,

И Я успокою вас!»
Но зачем очищение мне,
Если вновь я впадаю в разврат?
И зачем причащение мне,
Если, райских вкусив усад,
Я потом попадаю в ад?
Разве не срам — твердить: «Авраам, Авраам», —
А по стопам его не идти?

3

Прав был пророк: не скажешь мудрей
О скверне моей;
Я сын мерзостной четы:
Мой отец — аморрей, хеттеянка — мать моя.
Нет, не Сарра, жена Авраама, зачала меня;
Я сын эфиоплянки, отверженец я.
Прав был пророк в минувшие дни:
Мне Самария, Содом и Гоморра сродни.
Прав пророк Иезекииль, дважды проклявший меня;
Сын Оголы, сын Оголивы, отродье блудницы я;
Отброс нечистого чрева нечист вдвойне;
Скверна моя — половодье, в отчаянье тону,
Как будто меня врасплох застиг всемирный потоп;
Гибель грозит отовсюду, некуда плыть;
Пересилить волну тщетно пытаюсь я;
В пагубном плену, куда ни взгляну, — вода;
Долю свою клянц, глотаю жидкую грязь;
Водоросли глотаю, ила полна гортань;
Погружен в глубину, задыхаюсь я,
Бьюсь, трепыхаюсь и все же иду ко дну.
Вот мой жалкий удел:

Учат меня, а я глуп;
Кличут меня, а я глух;
Будят меня, а я сплю;
Трубят — я не слышу труб;
Бьют меня — я терплю,
Зовут меня, а я труп.
Идол идолом я:
Идолу невдомек, что Бог от него далек.
Впрочем, по существу,
Гораздо хуже я:
Я к суду не готов;
Страшен мне суд Христов.

4

Нечего мне помянуть, кроме грехов моих;
Безысходный мой путь мне дано помянуть,
Чтобы читался впредь этот мой скорбный завет,
Чтобы мои слова другой повторял, молясь.
Пусть же слово мое, Господи Всеблагой,
Подвигнутое Тобой, стремящееся к Тебе,
Впишется в Твой канон.
Пусть же книга моя вместо плоти моей,
Пусть же слово мое, образ души моей,
Возносится к Тебе вечной молитвой моей,
Как будто молитву мою все еще я пою,
Так что истления для богомольца нет,
Боже мой милостивый, Господи — Всеблагой!
Аминь.

ИЗ ГЛАВЫ LV

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ КО ВСЕВЫШНЕМУ

Непостижимую смерть, чья сущность — лишь

произво

Злом из горчайших зол философ-язычник назвал,
Истину возвестив.

Я подтвердить готов: этот философ прав,
Ибо строптив наш нрав и мы подобны скоту;
Мы жизни лишены и не утрачены,
На гибель обречены и спокойно сидим;
Заживо погребены и не усмирены;

От церкви отлучены, в грядущее не глядим;
То и дело грешим, а каяться не спешим;
Истлевая, смердим, а каяться не спешим;
Жизнью не дорожим, смерти не избежим;
Предостережены, грехом заморожены,
Мы порабощены, ибо совращены.
Иов блаженный рек: смерть — великий покой.
Горем гоним, я с ним согласиться бы мог.
Но тяготит меня невыносимый гнет:
К смерти меня влечет иго проступков моих.
Козни страшней во тьме, прячется враг во мрак.
Нынешний день как тень,
Вчерашний день — тайник, завтрашний день — тупик.
Подозреваю всех, а сам ненадежен я;
Ноги мои не идут, мысли мои разбрелись;
Страстям подвержен я, и невоздержан я;
Тело осквернено, так возжелеть грешно.
От роду я упрям,
Природа моя — разлад;
Дождь непрерывно льет, а мой оплот — скудель;
Нет моим нуждам числа, бедствиям счету нет;
Мысль мою манит вред, благо мое мне претит;
Жизнь пролетит вот-вот, а предмет забот моих —
прах;

Мои попеченья — бред, мои развлеченья — пустяк;
Тщета для меня — цель, суета для меня — хмель,
Пустота для меня — снедь, ветер — мой обильный
обед;

Образ мой — марево, подобье мое — чурбан,
Ибо такой завет апостолом Павлом дан:
Грех воскресив, закон справедлив,
А я, слепец,
Для жизни мертвец, для смерти жив.
Слово писания сбылось.
Все, что мне довелось обрести душой и умом,
Нечестивые полчища разграбили дотла;
Мудрость не дошла до меня,
Как в притчах возвещено;
Что грешно, то желанней всего для меня.
Моя душа нечиста: отвернулась она от Христа,
И, прельщенный тьмой, избегал я стези прямой;
Глупо было спешить, я глубже завяз;
Искал я всего и не нашел своего;
Я стремился ввысь, а попал в грязь;

Путь в небеса держал и бездны не избежал;
Весь век берег себя, а благом своим пренебрег;
Думал, что буду цел, а сам душой оскудел;
На левую ногу хромал, правой ногой не владел;
Лишнего пожелал, насущное проглядел,
Малым прельстился я, великий забыв удел;
Свой соблюдал обет и нарушил завет;
От шалостей отвыкал, к погибели привыкал;
Ошибки преодолев, пороки приобрел;
Сам постыдный итог моих губительных дел
Обвиняет меня, к страждущему жесток.

ГЛАВА LVI

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ КО ВСЕВЫШНЕМУ

1

В моем саду дерево, чьи корни в аду:
Горькие плоды сулят мне смерть;
Мои враги во мне, мой кров — убежище моих врагов;
Мой брат — мой супостат;
Мои сыновья предают меня.
Вот перечень заклятых недругов моих,
Названных по именам:

2

Растленное сердце мое, мои дурные уста,
Блудливые очи мои, пугливые уши мои,
Моя смертоносная длань, мерзкая похоть моя,
Моя ступня, не выносящая меня;
Я сам, которому сомнение сродни;
Изгибы моей стези, мой дух в зловонной грязи;
Каждый мой шаг, ведущий во мрак;
Спячка моих чувств, горячка мыслей моих;
Оковы воли моей, ковы скверны моей;
Мнимое счастье мое; душа моя, чуждая мне;
Мой расточенный клад, отданный мною в заклад;
Я подранок, я птица, подстреленная на лету;
Я на земле не жилец, я сорвавшийся в бездну беглец;
Я разбойник в цепях, я корсар, идущий ко дну;
Я, посланный на войну, боец, ненадежный в бою;

Я насильник в доспехах, я преступник с мечом в руке;
Я нерасторопный слуга, я псаломщик без псалтыря;
Я церковная крыса, снующая у алтаря;
Я священник — мошенник, я иерей — лиходей;
Я беззаконник — законник, я издоимец — писец;
Я безумный мудрец;
Я срамник, чья личина — собственный лик;
Я соглядатай, у которого глаз дурной;
Я страшилище, лишнее черт людских;
Я посмешище для всех и вся;
Я едок, чья снедь человеку претит;
Я виноградник, рассадник сорняков;
Я сад, который заглох, где разросся чертополох;
Я сухая лоза, я спорынья;
Я мед, которым лакомится мышь;
Я отверженец, я изгой;
Я зарвавшийся наглец, я высокомерный мертвец;
Я грешник, для которого церкви нет;
Я изгнанник, чей путь возврата не сулит;
Я тупой острослов, я напыщенный суеслов;
Я хищник хитрый, ненасытный, как бес;
Я распутник, чья страсть — гибельная напасть;
Я безбожник, я бесноватый глашатай греха;
Я убийца, поднявший руку на ближнего своего;
Я слепой оратай, засеявший плевелами свой надел;
Я убогая роскошь, я отвратная красота,
Я нечистая чистота,
Я немощная мощь, я низкая высота,
Я попранная правота;
Я суета, для которой заповедь — звук пустой;
Я доброволец в проклятом стане грехов;
Я своенравный наместник, я льстивый клевет;
Я злобный друг, я бесчестный казначей;
Я жадный сородич, я благодетель — скупец;
Я корыстный купец;
Я себялюбец, я противник для всех;
Я мучитель, я изверг, я лютый зверь;
Я заблудший глупец;
Я душа, в которой таится гниль;
Я гнусный скрытник, я гонимый блудник;
Я промотавшийся скопидом;
Я ростовщик — должник;
Я спившийся пономарь;

Я неvezучий торгаш, я неверный страж;
Я злоязычный посол;
Я привратник — развратник, я нищий гордец;
Я убогий богач;
Я попутчик — лазутчик, я подкупный судья;
Я приветливый клеветник;
Я гонец, которому лучше сгинуть в пути;
Я вестник — прелестник, учитель, прельститель душ;
Я бестолковый толковник, опальный государь;
Я падший кесарь, я подлый царь;
Я воитель — грабитель, я приятель — предатель,
я князь мразь;
Я самовластный властитель, я строптивый холоц;
Я соблазн для хулы,
Я скорбь для любви,
Я мишень для острот,
Я вина для суда.
Я воистину таков,
И к тому же я хуже подчас,
Я грешен; всем этим грешным «я» нет числа;
Глупость моя меня подвела,
Слабость моя меня извела;
Грех возлюбя, погубил я себя.
Какое из моих «я» всего ненавистней Тебе?
Какое из моих «я» губительнее для меня?
Какое из моих «я»
Достойно предстать пред Тобой?
Как я Тебе поклонюсь,
Когда во всех моих «я» — грех?
Долго ли будешь прощать меня, защищать,
Жизнь мне возвращать, мою гибель предотвращать?
Долго ли будешь меня просвещать Своей добротой,
Молчанье храня?
Долго ли будешь терпеть, хотя я заслуживаю бича,
Название которому — смерть?
Однако тьму моих грешных «я»,
Безысходную тьму моих зол,
Эту беспросветную тьму
Ты посети, целительный Свет!
Просвети, прости, защити меня,
Ибо ты всемогущ в бытии Своем
И прославлен всеми во всем
Аминь.

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ КО ВСЕВЫШНЕМУ

1

Всемогущий искусник, премудрый Создатель мой,
Господь мой и Бог!
Любовь Твоя плавит меня, но я по-прежнему плох,
По-прежнему я нечист;
Жажду слиться с Тобой, но невозможен сплав;
Слишком дурен мой нрав, и Твой напрасен труд,
Зодчий небесный мой, плавильщик-сребродел!
Явно пророк был прав:
Плавильщик плавил напрасно,
Ибо злые не отделились.
Как полоумный болтун заблуждается вслух,
Когда нечистый дух обуревают его,
Я дерзаю вещать, язык себе развязав,
Если бы для того,
Чтобы покаяться будущему суду!
Нет, к своему стыду я хуже грешу в бреду.
Так мне преподача горчайшая из наук:
Чтобы врасплох не застиг ужас великих мук
После смерти меня, при жизни я постиг
Соразмерность грехов и загробных скорбей.
В этой жизни гоним здешним ничтожным злом,
Я предвкушаю казнь, сужденную мне в аду.

2

Ползая в чреве моем, плодятся полчища червей,
Извиваются, впиваются исподтишка,
В кишках кишмя кишат;
Прорываются нарывы, в язвах яд;
Раны горят огнем ночью и днем;
Тело гниет от гнусных гнид;
Пот приносит плод: это виши-малыши.
Жалят в жилы, сосут, вызвав жгучий зуд.
Неисчислимые, неодолимые орды блох,
Словно демоны, неистовствующие в ночи,
Словно грабители, любители тьмы,
Тьма во тьме,
Словно стаи волков аравийских,
которые хуже вражьих полков,

Черные, проворные, подкрадываются тайком
И, тлетворные, держат наготове жала-хоботки;
Схожи со скорпионами, легионами злючки-колючки язвят,
Пьют кровь из-под кожи, до дрожи доводя,
Так что на ложе мечется человек.
Стоит, однако, руку поднять,
Чтобы их унять,
Страшится держать ответ
За причиненный вред:
Крохи-блохи, безволосые прыгуны,
Истязают и, как на крыльях, ускользают вмиг.
Эти палачи подвижнее саранчи.
Так нахалы-шакалы в ночи учиняют разор,
А разбойничьих нор не сыщет никто.
Блошиную рать нельзя покарать.
Не только подлый сброд, не только простой народ,
Знатнейшие из господ боятся ничтожных блох,
От которых порой бежит беззащитный царь
Бегом вверх по лестнице, свой покинув покой,
Или скрывается, изгнанный из дворца.
Иной герой, войной шедший на врага,
Чтобы выиграть бой, чтобы победить,
Страну за страной присваивавший по пути,
Любой ценой властвовавший везде,
Другим угрожал, а сам бежал от маленьких жал
И признавался: «Они могущественнее нас!
Мы до края земли дошли, спасаясь от блох».

3

Но зачем об этих дрянных существах,
Об этих смешных врагах говорить?
Потому что недаром этим карам подвержен я:
Блох посылает Бог,
Чтобы, страдая от этих злобных гонцов,
О муках загробных я вспоминал,
Предвкушая горькие плоды,
Которые сулит мне моя плоть.
Адским казням недуги предшествуют здесь
И войска кровососов, которых не избежать,
Которых не перехитрить и не переморить,
Ибо муки загробные им дано предварить.
Нет нам прибежища, убежища нет.
Остается нам уповать на промысел Твой;

Когда разум людской сдает, нам песдобровать.
Но Ты всемогущий, Ты милосерд
И во власти Твоей
Преобразить, просветить, исцелить, простить, воскресить.
Господи, слава Тебе!
Аминь.

ГЛАВА LXXX

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ К БОГОМАТЕРИ

1

Грехов не искупив, к небесам возопив,
Надежду свою в слезах потопив,
Господа прогневив, я, ни мертв ни жив,
В отчаянье молю Богоматерь, Тебя;
Ты, Царица Небесная, хранящая род людской,
Непорочная во плоти, Ты меня защити!
Чистая, как воздух, лучистая, как свет,
Утренняя звезда, Ты навсегда взошла;
Святостью превзошла святую обитель Ты;
Рай бессмертия, древо жизни Ты;
Огненный меч призван Тебя стеречь.
Богом Отцом укреплена, ограждена,
Духом Святым осенена, одарена,
Озарена, просвещена, посещена,
Сыном Твоим, Творцом Твоим возрождена.
Девственно чиста, Ты сама доброта;
Ты свята, безгрешная, и потому,
Наша заступница, Ты ходатайствуешь за нас.
Молитвы мои со слезами моими прими,
Чтобы до Бога дошли молитвы мои, как Твои,
Чтобы до Бога дошла моя прежняя хвала,
К Тебе обращенная, посвященная Тебе,
С Твоею молитвой, в которой рай
И достойный ладана сладостный лад,
Ты сочetaй мой грешный, мой безутешный стон.
Ты древо жизни, Твой плод благословен!
Мой горестный плен Ты помяни,
В смертной тени Ты меня просвети;
В моем пути, Пресвятая Мать,

Не оставляй меня, заблудшего храня,
Чтобы мне грех побороть, чтобы мне жизнь даровал
Твой Сын и Твой Господь.

2

Крылатой молитвой Твоей Ты мне помоги.
Пресвятая Мать всех тех, кто рожден;
Мне помоги земную покинуть юдоль,
Мне помоги обрести без мук
Обитель, ждущую нас;
В последний мой час помоги очиститься мне
От греховного бремени моего.
День скорби моей в торжество преврати,
Искупившая Евин грех;
Мою скорбь утоли, исцели, замоли,
Ибо верю я; внемлет Бог Тебе
В чистоте Твоей;
Благословенна Ты в женах.
Меня, погибающего, слезами Своими спаси;
Матерь Божья, колени Свои преклони
Перед Богом ради меня.
Горняя скиния, Ты меня, скорбного, осени;
Церковь на небеси, Ты меня, падшего, вознеси!
Сына Своего Собою прославь,
Благодать Его на меня призови,
Чтобы чудом Он, мой Господь,
Мне простил долги, отпустил грехи,
Ты, раба Господня, Ты, Божья Мать!
Славу Свою приумножь, явив доброту;
И спасенье мое в Тебе обрету,
Если меня Ты обратишь, Матерь Божия,
Если меня Ты простишь, Благословенная,
Если меня, заблудшего, Ты приютишь,
Непорочная;
Если меня, отверженного, Ты посетишь,
Благодатная;
Если меня, окаянного, к Богу Ты приобщишь,
Благословенная;
Если меня, печального, Ты защитишь,
Пречистая;

Если меня, опального, Ты наградишь,
Преславная;
Если меня, многострадального, Ты осенишь,
Целительница;
Если меня, истомленного, Ты укрепишь,
Хранительница;
Если меня, возмущенного, Ты смиришь,
Примирительница;
Если меня, соvrащенного, Ты просветишь,
Достохвальная;
Если меня, осужденного, Ты возродишь,
Сострадательная;
Если меня, удрученного, Ты одаришь,
Многомилостивая;
Если меня, отлученного, с Богом Ты примиришь,
Заступница;
Если меня, нечестивого, Ты убелишь,
Возвышенная;
Если меня, погребенного, Ты воскресишь,
Сияющая;
Если меня, рыдающего, Ты благословишь,
Утешительница;
Если меня, страждущего, Ты исцелишь,
Врачующая;
Если меня, гибнущего, Ты призришь,
Духа Святого полная;
Если меня, изгнанника, Ты возвратишь,
Святейшая!
Мне дарует жизнь, душу мне целит
Млеко девства Твоего каплею одной;
Мне даруют жизнь лишь Твои уста,
Так чиста Ты, Матерь Господа нашего Христа,
Сотворившего небеса и нас;
Озарившего нас Рождеством Своим;
Воплощенного, рожденного в Полноте Божества
Человеческим Твоим естеством;
Прославляемого со своим Отцом и Духом Святым;
Сочетавшего Божество и наше естество;
Он суть всего во всем;
Он Святая Ипостась Троицы Святой,
Вечный в державе своей, во славе Своей.
Аминь.

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ КО ВСЕВЫШНЕМУ

К молитвам святых Твоих, взывающих к небесам,
 Чтобы простилась мне там земная моя вина,
 Нечистая речь моя присоединена;
 Так затаена горечь в сладком вине;
 Так сочетается нежный цветок с шипом,
 А красота с горбом;
 С жемчугом — пл,
 С чистым золотом — прах,
 С дорогим серебром —
 Грубый камень в горах;
 С правдой — сомнение, низкий расчет с добром;
 Мягкий хлеб с песком,
 Похрустывающим на зубах.
 Ты, Всевышний, Ты, Всемогущий, Ты, Всеблагодой!
 Твоим Святым внемли ради меня,
 Мне внемли ради Святых Твоих;
 Твоим Святым внемли ради славы Твоей,
 Мне внемли ради моей души,
 Чье спасенье Тебя прославит, мой Спас,
 Благословенный, нетленный, несравненный Господь,
 Долготерпеливый, справедливый, предвечный Творец,
 Готовый ниспослать нам благодать,
 Исток и предел всех добрых дел.
 Ты не заточишь, Ты вознаградишь;
 Ты не уличишь, Ты благословишь;
 Ты не казнишь, Ты сохранишь;
 Ты не умертвишь, Ты воскресишь;
 Ты не мстишь, Ты простишь;
 Ты не сокрушишь, Ты укрепишь;
 Ты не сразишь, Ты защитишь;
 Ты не уязвишь, Ты исцелишь;
 Ты не огорчишь, Ты усладишь;
 Ты не омрачишь, Ты просветишь;
 Ты не сотрешь письмен, Ты писать предпочтешь;
 Ты не убьешь, Ты спасешь;
 Ты не толкнешь, Ты вознесешь;
 Ты не пытал, Ты напитал;
 Ты не устрашал, Ты утешал;
 Ты не растоптал, Ты воспитал;
 Ты не разобщал, Ты приобщал;

Ты не сводишь с нас глаз,
 Ты творишь лишь добро;
 Ты не приговоришь нас, пречистый Спас;
 Ты нас не пригвоздишь, Ты нас освободишь.
 Ты Спаситель! Кто Тебя оскорбит?
 Ты Даритель! Кто Тебя обличит?
 Ты Целитель! Кто Тебя уязвит?
 Ты Ревнитель! Кто Тебя обвинит?
 Ты Хранитель! Кто Тебя умертвит?
 Ты Учитель! Кто Тебя посрамит?
 Ты Примиритель! Кто Тебя победит?
 Ты Благотворитель! Кто Тебя обольстит?
 Ты Зяждитель! Кто Тебя омрачит?
 Ты Вседержитель! Кто Тебя очернит?
 Ты Промыслитель! Кто Тебя хулит?
 Слышнее хвала, когда посрамлена хула.
 Ты, Всемогущий, грехи мои отпусти!
 Ты, Милосердный, долги мои мне прости!
 Меня, преступника, Ты вознеси, Всеблагодой!
 Богоотступника Ты, Пресвятой, спаси!
 Я земная персть,
 Но преобразишь Ты меня своим перстом.
 Тебе, Господи, спасти меня легче всего;
 Для меня, грешного, нет ничего важней:
 Ты, сотворивший меня
 По образу и подобию Своему,
 Свой образ во мне яви,
 Грешную тьму рассеи,
 Оживи меня благодатью Твоей,
 Целительный, очистительный Свет!
 Не сокращай моих дней,
 Не приближай последнего дня,
 Не посылай меня в последний путь
 Без проводника:
 Слишком далека дорога, слишком страшна.
 Желчью не утоляй жажды моей,
 Твоей благодати не лишай меня,
 Не позволяй смерти напасть на меня в ночи,
 Как нападает враг;
 Не иссушай моих корней,
 Когда меня сушит жар;
 Не подвергай меня влиянию лунных чар;
 Не подавляй меня льдами грехов моих;
 Не сокрушай меня потоками бытия,

Чья струя смоев меня;
Не допускай погубели моей,
Не оставляй моего разума во тьме,
Которой окутана смерть;
Не покидай меня во сне, дабы проспуться мне;
Не дай мне задремать, когда я в западне;
Не обрекай меня кончине в постыдный час,
Когда грех со мною наедине;
Не отвергай моей души,
Которую Ты спас.

Григор Магистрос Пахлавуни

ПРИЗЫВ К БОЮ

(Послание к неизвестному)

В наш край, слыхали мы, чудовище пришло
И алчет крови.
То птица тьмы ночной — сова,
Пес хищный, сединою убеленный,
Носитель всех пороков, евнухов глава,
Позорный мастер дел ночных,
Прислужник Мономаха,
Подагрика слуга и приближенный
И разоритель, делающий зло,
Грабитель, славный низостью своею.

Ты встань, надень броню, иди на бой.
Кто некогда любил единоборство,
Шел биться безоружным,
Ныне слонов гигантских в бой повел;
Лесной медведь готов с тобой сразиться.
Лук натяни широкий,
Отцовский лук,
И заостри трехкрылую стрелу
И в бой иди.

И поспешай — то битва Айка * с Белом,
И торопись, Арамов славный внук,
Идут халдеи,
Они вот-вот тебя настигнут.
Да укрепит тебя господь,
Хвала Иисусу.

Ованес Саркаваг Имастасер

МУДРАЯ БЕСЕДА,
КОТОРУЮ ВЕЛ В ЧАС ПРОГУЛКИ
ФИЛОСОФ ОВАНЕС САРКАВАГ
С ПТИЦЕЙ, ИМЕНУЕМОЙ ПЕРЕСМЕШНИК

(Отрывки)

О птица, птица божия, скрываемая чащею,
Недремлющая, бдящая под веткою в тени,
То весело поющая, то жалобно молящая,
Хвалу во славу господу с моей соедини!

Ты здесь, лесолюбивая отшельница всесветная,
Живешь, не зная зависти, всех равно возлюбя.
Среди великих малая, среди малых неприметная,
Но могут и великие учиться у тебя.

Среди великих малая, среди малых невеликая,
Но лучше нас понявшая, что в мире все — тщета.
Беспечна, незапаслива, на ветку с ветки прыгая,
Живешь во славу господу — спасителя Христа!

Искусна в песнопении, ты сладко заливаешься.
К тебе не прикасаются ни суета, ни ложь.
Зовешь ли ты кого-нибудь, клянешься ль, отрекаешься,
Ликуешь или каешься, — ты день и ночь поешь.

* Айк — легендарный прародитель армян, вступивший в бой со злым Белом.

Ты, дух не осквернявшая и плотью не грешащая,
Вовеки не вкусившая запретного плода,
В заботах неусыпная, всегда к трудам спешащая,
И днем и в ночь безлунную — тебе светло всегда.

Пример святым отшельникам, укор живущим
в праздности,
Ты недоступна лени, к злословью не склонна.
Певунья многогласная в своей однообразности,
Ты величава в скромности, в величии скромна.

Одним — способность пения, другим же дар молчания
Дал бог по справедливости, дал в меру наших сил.
Хоть не была ты в горнице на благовествовании,
Разноязыким пением тебя он одарил.

Мудрец из неудачливых, не преуспевший в пении,
Прошу — меня, смиренного, в ученики возьми!
Как плату за учение, создам я сочинение,
Что навсегда останется, читаемо людьми.

ОТВЕТ ПТИЦЫ, ИМЕНУЕМОЙ ПЕРЕСМЕШНИК

Что было мне подарено, в грехе я не утратила.
Не сорвала я с дерева плодов добра и зла.
Я избежала страшного возмездья и проклятия,
Ни башен я не строила, ни бога не кляла.

Горды своею мудростью, грешили вы надменностью,
Один язык дробили вы на сотни языков.
Грешили вы гордынею, не знали вы смиренности
И с каждым шагом множили число своих грехов.

В своих чертогах каменных отмеченные скверною,
Природу невзлюбили вы, и ваша в том вина.
Я ж, птица, от рождения была природе верною, —
За верность откровеньями ее награждена.

Вы как единство созданы, но противоборением
Разобщены вы, смертные, на множество частей.

А мы, созданыя малые, велики единением,
Спасться нам помогающим от пагубных сетей.

ФИЛОСОФ ОПРАВДЫВАЕТ ОТВЕТЫ ПТИЦЫ, ИМЕНУЕМОЙ ПЕРЕСМЕШНИК, И ПРОЯВЛЯЕТ К НЕЙ СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ

В суровом осуждении права ты, птица, может быть.
Хотя он и загадочен, нам мир природы мил.
Но, грешных от рождения и прегрешенья множащих,
Нас от природы истинной создатель отдалил.

О птица, птица божия, твое мы слышим пение.
Перед твоею песнею ничтожна песнь моя.
Но звучным щебетанием, суровым осуждением
Мешаешь размышлениям о тайнах бытия.

Смущаешь ты укорами покоя мой, птица малая,
В минуту обретения душою высших благ.
Ты в строгом обличении все, чем грешил, бывало, я,
Склонна преувеличивать, как будто я — твой враг.

Я трачу дни короткие на обретенье мудрости,
Ищу пути, которые предначертал творец.
Зачем же дух мой алчущий ты обвиняешь в скудости?
Тобою оклеветанный, не враг я, по истец.

И как истцу пристало мне порочить обвиненного.
Скажи: коль, птица певчая, сродни ты соловью,
Что не поешь в пустыне ты, от мира отрешенная,
А средь людей построила ты келию свою?

Искусники великие: Орфей — певец из Фракии,
И Арион прославленный, и Амфион из Фив,
Хоть пели восхитительно, но признаю, однако, я,
Что птичье пенье сладостней в тиши лесов и нив.

У всех твоих сородичей есть мастерство врожденное,
Да и тебе такое же природою дано,

Но что ж ты лес покинула и, чем-то привлеченная,
Мое жилие приметила и здесь кружишь давно?
.....

**ФИЛОСОФУ, ОБВИНЯЯ, ОТВЕЧАЕТ ПТИЦА,
ИМЕНУЕМАЯ ПЕРЕСМЕШНИК**

Постигший мудрость многую, напрасно ты винишь меня,
От века мы — исконные владетели земли.
А вы, созданья высшие, но все ж владыки пришлые,
За грех из рая изгнанны, на землю вы пришли.

Земля сия бескрайная нам отдана в наследие,
Чтоб жили и плодились мы, не ждя иных наград.
А вы, желая многого, утратили последнее,
На небеса позарившись, вы заслужили ад!

Разбогатеть мечтали вы, да стали духом нищие,
Попрали слово божие, низвергнуты во прах.
Попали в преисподнюю, как ни стремились к высшему,
Идя за искушителем, погрязли вы в грехах.

Братоубийцы злобные, ходить вам неприкайным,
И не услышат ангелы ваш вопиющий глас.
Вы, люди, слуги божии, роптали на Хозяина,
И, слуги ваши кроткие, мы обличаем вас.

Наказанным изгнанием за вашу суть лукавую,
Вам с нами жить, с безгрешными, и ныне и всегда.
Отвергшим пищу чистую, вам пищу есть кровавую,
У нас обитель общая и общая беда.

Рассудком наделенные, стоящие над безднами,
Вы поминутно множимым грехом осквернены.
За ваши прегрешения мы, твари бессловесные,
Созданья неразумные, страдаем без вины!

За ваши прегрешения, невыполнение должного,
Созданья бессловесные, мы горестно живем.
Нет лекаря искусного, и крова нет надежного,
И нашу пищу скудную находим мы с трудом.

Познали мы лишения за ваши прегрешения.
Вы землю нашу заняли, за грех сюда попав.
Ничтожны ваши доводы и ложны обвинения,
Ответствуй же по совести — кто виноват, кто прав?

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ РЕЧЕЙ И ПРИЗНАНИЕ
ФИЛОСОФОМ СВОЕГО ПОРАЖЕНИЯ**

Ты поразила мудростью сужденья непреложного,
Искусно ты оспорила все вымыслы тщеты,
И, мудреца ничтожного, меня, поэта ложного,
Своею речью краткою разубедила ты.

Нерсес Шнорали

НЕБО

Небо я, будучи раз навсегда сотворенным,
Неизреченно раскинулось сводом бездонным.

Отделены, как заметил еще Моисей,
Верхние воды от нижних стихией моей.

Соединило навечно пространство небесное
Оба начала: телесное и бестелесное.

Ибо, подобно стихии телесной, я зримо,
Как естество бестелесное — неосятимо.

Я покрываю собою четыре стихии,
Те, из которых возникли все твари живые.

Кроме всего, воплощаю я нечто такое,
Что различают не глазом, а только душою.

Я — полукругло, от прочих предметов отлично,
Хоть и в движенье всегда, я всегда безгранично.

Сущему в мире — всему я конец и начало.
В пропастях я и на кручах — преград не встречало.

Я неподвижным кажусь — неподвижность обманна.
Вдаль я стремлюсь, лишь в движенье своем
постоянно.

Горы высокие, что вас страшат крутизною,
Скаты, глубокие пропасти — все подо мною.

Не прерывая движения ни на мгновенье,
Небо, я вечно в своем бытии и движенье.

СОЛНЦЕ ИСТИНЫ

Солнце истины пламень любви запалило,
Лед неверия, камень греха растопило.
И ростки показали на древе сознания,
Исторгая пьянящее благоуханье.

И на грешной земле зацвели, зашумели
Дерева, что в раю красовались доселе.
И доселе мерцавшие в небе светила
Провиденье на грешную землю спустило.

Призывает спаситель на пир свой небесный
Верных воинов рати своей бестелесной,
Но и смертные мученики и провидцы
К бестелесному сонму должны приобщиться.

Укрепили их дух, укротили сомненье
Муки господа, чудо его воскрешенья.
И явились на пир вереницы гостей
В одеяньях, окрашенных кровью своей.
Обессмертил великий господь естество
Смертных латников воинства своего.

НА РАСПЯТИЕ ГОСПОДНЕ

Тот жаждал на кресте, как человек простой,
Кто создал океан, наполненный водой.

Самаритянку тот «дай мне испить» просил,
Кто всю вселенную бессмертьем напоил.

И сотник римских войск, желчь с уксусом смешав,
Через губку напоил царя небесных слав.

Днем солнце было мглой затем облечено,
Что слово вечное землей оскорблено.

И громким голосом господь с креста к отцу
«Или! Или!» воззвал и предал дух творцу.

Завета Ветхого порвался завес — в миг,
Когда в мучениях даятель жизни ник.

Земля потрясена была до глубины;
Рассеклись камни скал, гроба потрясены;

Темница страшная, восколебался ад,
Тьму душ окованных он выпустил назад:

От глаза мощного того, кем жизнь дана,
Была свобода им в тот час возвращена.

Сей жизнедатель наш когда во ад сошел,
Он свет затеплил тем, кого в тюрьме обрел.

На небо верхнее из бездны их вознес
И с бестелесными — их водворил Христос;

Их свету причастил в чертоге без греха,
Во царстве свадебном святого жениха, —

Там, церкви-матери, где первенцы царят
И Авраамовых наследников где град,

Где праведных ряды пред господом отцом
Ликуют без конца о женихе святом.

С отцом и святым духом, в век веков, псалом
Распятому за нас мы славу воспоем.

ВСЕМ УСОПШИМ

Когда архангел возгремит трубой
И воззовет на Страшный суд всю плоть,
В тот страшный день всех помяни, господь,
Усопших со святыми упокой.

Когда с Востока, славой золотой,
Твой лик блеснет, чтоб сумрак побороть,
В тот страшный день всех помяни, господь,
Усопших со святыми упокой.

Ты книгу тайн развернешь пред собой,
И задрожит от ужаса вся плоть.
В тот страшный день всех помяни, господь,
Усопших со святыми упокой.

ПРИ ВОСХОДЕ СОЛНЦА

Свет, света творец, первый свет, чей дворец —
Небесный отец! Кто хвалим сонмом духов,
напреступнейший свет!
созданных от света!

Наши души, в свете зари, осияй твоим
мысленным светом.

Свет, испедавший от света, бог сын, кто один —
Солнце правды, чье имя, до солнц, сонмы духов
рожденье отца,
гимном хвалили,

Наши души, в свете зари, осияй твоим
мысленным светом.

Свет, идущий от света, бог дух, кто вслух
Благ источник, хвалят кого, с сонмом духов,
через пророков гласил,

Наши души, в свете зари, осияй твоим
отроки церкви,

Свет, кому и названия нет, един, трончен, не разделим.
Святая троица, хвалим кого, с сонмом духов
мысленным светом.

Наши души, в свете зари, осияй твоим
гласы земные,

мысленным светом.

ПЛАЧ ОБ ЭДЕССЕ

(Отрывки)

1

Нерсес оставил песню слез,
Армении каталикос*,
Где вещи сами говорят,
Размерно на Гомеров лад,
Придав стихам печальный склад,
Об том, как пал Эдессы град.

* Каталикос — глава армянской церкви.

То было писано в пятьсот
И девяносто третий год,
В день двадцать третий, в декабре,
В субботу, в час третий по заре.

2

Тогда пошли грозой войны
Агари на меня сыны.
Сначала зло умерщвлены
Ряды детей моей страны,
И грады вслед истреблены,
Как ряд зубцов одной стены,
Разрушены и сожжены,
В развалины обращены.
Но это все не в год один,
А в сорок с лишним лет войны.
Я пала с прежней вышины.
И были силы сломлены.
Злодеями со стороны
Владенья были пленены;
Мне все мученья без вины,
Все беды были суждены;
Хоть были дни мои больны,
Лекарства не были даны...
Пришла я к краю крутизны,
Где двери в ад растворены.

3

Тиран, судьбы свидетель злой,
Дракон сей, сходный со змеей,
Пополз изгибистой дугой,
Свирепый, ядом облитой,
Чтобы в пяту меня стрелой
Сразить, таимой за спиной.
Он, под личиной тишины,
Скрывал коварство за душой,
Как волк, живущий под горой
И в степь бегущий предо мной.
Но имя ты его усвой:
Занки — всех гнусностей герой.

162

Напал неожиданной он порой,
Нарочно выбрав день глухой,
Когда узнал он стороной,
Что не было бойцов со мной:
Со всех концов, как пеленой,
Вмиг окружил меня густой
Мохер*-арабскою ордой.
Не счесть, кто в стае был людской:
Элимцы, Кетцы, чередой,
Бессчетны, как песок морской!
Со сворой псов стоят стеной,
Ни выйти, ни пройти домой!
Что час, то начинают бой,
Меня терзают день-деньской;
Что день, стремится новый строй;
У всех — оружие под рукой,
На шуйце — щит, копьё — в десной,
Кольчуга, шлем над головой,
И дротики, и лук тугой, —
Летят и стрел пускают рой!
Они, поставив ряд махин,
Метали дождь камней, пращей,
Крушивших, бивших все с собой,
Что созерцала я с тоской.
Но сколь ни длили приступ свой,
Мы все же дали им отбой.

Замыслил тут иной разбой —
Наш враг, на хитрости лихой.
Как крот, прорыл он под землей
Под наши башни ход прямой
И утвердил там, скрытый мглой,
Подпоры, ровно под стеной,
Чтоб взрыв нас поразил бедой,
Что для неверных — не впервой!

4

Потом, представ перед толпой,
Он крикнул с гордой похвальбой:
«Народ! Не спорь с своей судьбой!
Чтоб сени минут гробовой,

* Мохер — египтяне-мамелюки.

6*

163

Ты сам ворота мне открой,
Тогда я сжалюсь над тобой!»
Но, вызов услышав такой,
Герои, храбрецы, — гурьбой
Сошлись, толкуя меж собой,
Давая клятвы с прямою:
Не отступать перед борьбой,
Стоять упорно под грозой,
Отвергнув договор худой, —
Не растворять стены градской;
Ведь лучше сгибнуть всей семьей
И быть прославлену молвой,
Чем клятве изменить честной
И жизнь купить такой ценой:
Так Манкавеев круг былой
Сражался и Вардан святой!

.....
Так одному твердил другой,
Подобно кабанам весной,
Точащим зубы в мгле лесной;
Так сына звал отец родной,
А сын готовил меч стальной.
Призыв на битву, словно вой,
Гудел в домах, над мостовой.
Вождем — забыт сан боевой,
И — рядом с ним бедняк простой;
Все стали равны пред бедой,
Все мыслью спаяны одной.
Священники, епископы
Примкнули все к присяге той:
Решили твердой стать стопой,
Непоколебимой бороздой,
И смерть презреть, что лишь покою
Дарует жизни остальной.
Гласят друг другу: «Смело стой!
Дрожать нам — лишь пред сатаной,
Любить того, кто вековой
Венок возносит над душой!
Брат! Мужество свое удвой
И бог заплатит лучшей мздой!»

Друг друга так они с мольбой
Поддерживали вперевой.
«Гляди: по тверди голубой

К нам помощь мчится под звездой!»
Шептали, сей крепясь мечтой.
Потом, за каждою тропой
Следя, и днем, и в тьме ночной
Все ждали помощи земной,
Но не было им — никакой!
Никто не двинул и рукой!
Из христиан страны иной,
Земля осталась к нам глухой:
Кто чтит крест — не шли войной!

.....
Был истощен запас съестной;
Подвоз отрезан — за чертой;
Мы голод лютей и слепой
Со всякой ведали нуждой.
И ныне рвется голос мой,
И сердце сдавлено тугой,
И грудь вздымается волной,
И мысль томится слепотой,
Чуть вспомню день тот роковой,
С его зловещею зарей,
Когда не вспыхнул свет дневной,
Но было все покрыто тьмой.
Содомский факел огневой
Взлетел до неба полосой;
Не дождь из тучи грозовой
Упал, но — каменный прибой.
И нашей крепости устою
Распался, словно пень гнилой,
От самой кручи основной,
Открылся вход — орде чужой.
Но взвод остался удалой,
На шаг не отступив ногой,
Друг друга убеждали все:
Быть твердыми перед враждой,
Держаться дружеской четой,
И над разрушенной плитой
Бороться с силою двойной,
Презрев врага клинок кривой!

Их вождь, вместилище грехов,
 Возвал к своим, дик и суров:
 Обрек мечу и грабежу
 И плену всех моих сынов.
 Арабы после этих слов
 И всяких варвары родов,
 Подобно своре диких псов,
 Накинулись со всех концов,
 Составя цепи из рядов,
 Одни вослед другим на зов,
 Под труб и барабанов рев,
 Подобный грому с облаков.
 Дрожал простор от голосов,
 Все потрясавших до основ,
 Сердца сжимались у трусов,
 Росла отвага храбрецов:
 Тот был на смерть лететь готов,
 Тот в страхе умереть готов.
 Но было мало удалцов,
 Чтоб защищать валы и ров.
 Они устали от трудов,
 Бессонных, тягостных часов,
 Прошедших пред лицом врагов,
 За месяц роковых боев.
 И вот какой-то из углов
 Предстал неверным без бойцов.

И враг, вскарабкавшись, проник
 Внутрь башни, близ домов жилых.
 Толпа, узрев в стенах своих
 Врагов (хоть мало было их),
 Подъемля безнадежный крик,
 Бежит вдоль улиц городских...
 Что видели в веках иных
 Прискорбней зрелищ таковых?
 Орда неверных, диких, злых,
 Свирепствует меж толп людских;
 Ударами мечей стальных
 Всех рубит — старых, молодых.
 Бойцы от валов земляных
 Бегут в смятенье напрямик

К развалинам ворот былых.
 Но стая тех зверей лесных
 Пронзает их клинками вмиг:
 Овец так волки луговых
 Преследуют в полях нагих,
 Из множества лова любых,
 Топя их в токах кровяных.
 Смерть грудей не коснулась чьих?
 Губили и детей грудных,
 И старцев, хилых и больных.
 Что им ребенка нежный лик?
 Что им священник-духовник?
 Что даже патриарх-старик?
 Все гибло от врагов лихих.
 Кровь капала с волос седых;
 Служители церковей родных,
 Что кровь лишь в таинствах святых
 Знавали, — кровью жил своих
 Святители кровей людей простых.
 Тиран, неукротим и дик,
 Убийства радости постиг:
 Так лев в лесах пускает рык
 Иль в труп медведь вонзает клык.
 Меж тех событий гробовых,
 Для коих нет и слов земных,
 Как выразит поэта стих
 Весь ужас бедствий роковых?

СТИХОТВОРЕНИЕ ПОЛЕЗНОЕ И ЧУДЕСНОЕ

Знания есть у меня, но они скудеют,
Есть почтенье к добру, но оно слабеет.

Есть душа у меня, но теряет силы,
Есть и разума свет, но горит уныло.

Есть и пламень любви, но, как лед, спокоен,
Есть и ветра напев, но спаленный зноем.

Жар молитвы в душе, но и холод рядом.
Я ростки не взрастил, их побил градом.

Скорбь, что мне суждена, я отвергнул, Боже,
Радость, что суждена, я отвергнул тоже.

Потерял я пять чувств, а когда — не помню.
Побужденья к добру от тебя дано мне.

Но ему я не внял, не услышал зова,
Я вслепую блуждал, как лишенный крова.

Я служил суете, будто быть ей вечно,
Завязал я глаза, чтоб грешить беспечно.

Впал в греховные сны, полюбил прельщенья...
Пробуждения час — грозный час отмщенья!

Ужас бездны пойму — кану в мрак тяжелый,
Свет надежды не мерк, но к нему не шел я.

Восхваляя я грехи, долгий счет их полнил...
Возвестивший добро, свой завет исполнил.

И меня Он учил верить светлым силам,
Ненавидеть грехи — и меня учил Он!

Коль простишь должнику — и твой долг скостили,
Нас простит Иисус, если мы простили.

Ованес Ерзнкаци Плуз

* * *

Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет

Верх падает, и вновь ему взнестись настанет череда,
Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба:
Приходит сей, уходит тот, а он работает всегда.

* * *

Язык для речи служит нам, речь праведных — что злата

Бог людям дал один язык, язык у змия — раздвоен.
И у кого два языка, один колюч, другой — червлен,
Становится сродни змее и всеми ненавидим он.

* * *

Подобен морю мир: сухим остаться, переплыв, — нельзя.
Как выплыл мой челнок в простор, того и не заметил я.
Вот я почти у берегов, но страшно мне подводных скал,
Чтоб вдребезги мою ладью один удар не разломал.
Но господу я помолюсь — да ветер попутный он пошлет,
Осветит мглу и утлый челн в благоую гавань приведет.

* * *

Я, все грехи свои собрав, оплакал зло прошедших лет.
Шел к небу караван, и я, сложив грехи, пошел вослед.

Но ангел мой, представ, сказал: «Куда идешь ты, дай
В раю для тех, кто предстает с подобным грузом, —
ответ!
места нет!»

* * *

О безрассудный человек, проснись, опомнись же скорей!
Ты душу вольную отверг и, низкий раб своих страстей,
Пируешь за столом греха, смешав часы ночей и дней,
Глотаешь все, что б ни нашел, жир набирая для червей.

ОВАНЕС И АША

Что такое со мной случилось,
Что за тьма надо мной сгустилась?
Был я сталью, сталь искрошилась.
Был скалой, скала обвалилась.

Грудь колыша, стан изгибаю,
Шла красавица молодая.
Повстречала меня — обернулась,
Увидала меня, встрепенулась.

Я с субботы на воскресенье
Шел из верхнего храма в селенье,
Нес кадило с пахучим ладаном,
Ты меня ослепила негаданно.

Шел, шептал я псалом Давидов,
Задрожал я, тебя увидев.
Чуть заметно ты двинула бровью,
Я — осекся на полуслове.

Я увидел тебя — отвернулся,
Но ты бросила яблоко спелое.
Я рванулся к нему, нагнулся,
Поднял яблоко красно-белое.

Я живу по Христову завету,
Мусульманин родитель твой.
Что же значит яблоко это,
Наземь брошенное тобой?

Ты сказала мне: «Семя гяура*,
Не смотри на меня так хмуро!
Ничего, что отец твой священник,
Мой отец — мулла и кади.
Все забудем мы во мгновенье,
Лишь прижмешь ты меня к груди».

Молит господа мать Ованеса —
Пусть изгонят из сына беса.
Жжет она восковые свечи,
Шепчет в церкви такие речи:

«Пойте, дьяконы: «Бог, помилуй!» —
Может, сын опомнится милый.
Возгласите, отцы, «Аллилуйю» —
Жизнь спасите его молодую!
Он не знает божьего страха,
Повторяет лишь имя аллаха,
В прегрешеньях своих не кается.
«Нет спасенья мне!» — убивается!

Отступись, мой сыночек, сдайся,
Повинись, помолись, покайся!
Проповедник во храме божьем
Грех клянет твой, простить не может!»

«Мать моя, я, твой сын и наследник,
Говорю, что неправ проповедник.
Если раз на Ашу он глянет —
Сам, как я, он безумным станет».

«Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Слышишь, мать твоя плачет, старуха.
Неужель твое сердце глухо?»

«Мать моя, я твой раб до могилы,
Ты вскормила меня, вырастила,
Но не жди, чтоб я отступился,
От любви мой ум помутился!»

«Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Для тебя, любимого сына,
Присмотрю я дочь армянина.
Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Для тебя невеста найдется,
Что над верой твоей не смеется!»

«Примиришься ты, о мать дорогая,
Не гневись ты, меня ругая.
Тонок стан у Аши невинной,
Звонок голос ее соловьиный».

...А Аша пред отцом стояла,
Слезы горькие утирала.
Бил ее и корил кади:
С армянином, мол, не ходи!

...Ованес нашел ее вскоре.
«Ты, Аша, облегчи мое горе!
Я, стеная, в горах блуждаю,
Как свеча восковая таю».

Говорит Аша:

«Все на свете
Я отдам, но чтоб быть с тобой.
Ты три раза вокруг мечети,
Взяв кольцо, обойди с муллой.
Примешь веру моих собратьев,
Станешь ханом в моих объятьях!»

«Нет, Аша, хоть в твоей я власти,
Нам не будет с тобою счастья.
Я, исполнив твое пожеланье,
Обреку и тебя на страданье!
Лучше ты от своих законов
Отступись, Аша, а потом
Восемь выучи наших канонов
И псалмы в писанье святом —
То, что, грешный, я сам позабыл
В час, когда тебя полюбил!»

* Гяур. — Так называют турки всех немусульман.

«Ростом малый, умом великий,
Будь моим, Ованес, владыкой.
Поведи меня, молодую,
В день пресветлый в церковь святую!
Я, твоей подчинившись вере,
Не разувшись, открою двери,
И священник во храме божьем
Пусть венец на меня возложит!»

Костандин Ерзнкаци

ВЕСНА

Веселье вокруг нас и веселье вдали,
Нам ветры веселую песнь принесли.
Великая благодать господня, — внемли! —
Сегодня исходит с небес до земли.

Лежала земля, и мрачна и темна,
Покрытая льдами, тверда, холодна,
Про травы, про зелень забыла она,
И снова сегодня она зелена!

Зима была темным вертепом тюрьмы,
Но снова вернулась весна на холмы
И всех нас выводит на волю из тьмы!
Вновь солнце на небе увидели мы!

Земля, словно мать, велика добротой,
Рождает все вещи, одну за другой,
И кормит и поит, питает собой...
Вот вновь она блещет своей красотой.

Дохнул ветерком запевающим Юг,
Из мира исчезли все горести вдруг,
Нет места, где мог бы гнездиться недуг,
И все переполнено счастьем вокруг.

Тихонько гремя над землей свысока,
Под сводом лазурным плывут облака —
И падает вдруг водяная река,
Луга затопив, широка, глубока.

Мир весело праздновать свадьбу готов:
Веселье во всем для плодовых дерев,
Цветами всех красок и разных родов
Раскрашены дали полей и лугов.

На море влюбленном — опененный вал,
И гад между волн, веселясь, заплясал;
Ключи, зазвевев, побежали из скал,
И быстрый поток по камням засверкал.

А реки, сбегая с возвышенных гор,
Гудят как могучий, торжественный хор;
Прорезав долины цветущий ковер,
Стремятся в морской, им любезный, простор.

Спускаются телки и козы к ручьям,
Играют и скачут по свежим цветам;
И звери, что крылись зимой по лесам,
Сбегаются, рады свободным полям.

Слетаются птицы, поют над гнездом:
Вот ласточка нежно щебечет псалом,
Вот — луга певец, улетевший тайком,
Приветствует день в далеке голубом.

Зверям и скотам так приятно играть,
И множиться в мире, и мир наполнять;
Сзывает птенцов легкокрылая мать,
Их учит на крыльях некрепких летать.

И также цветы образуют гряды
В больших цветниках и в плодовом саду;
Другие вошли покачаться в пруду,
И облик их бледный похож на звезду.

Но вот наконец прилетел соловей,
Чтоб петь возрождение в песне своей;

Он строит шатер из зеленых ветвей,
Чтоб алая роза зажглась поскорей!

ПЕСНЯ ЧИСТОЙ ВЕСНЫ

Опять сверкает солнце в небе,
Горят цветы в садах земных,
И всюду слышен птичий щебет,
Песнь соловьев и птиц иных.

Опять цветы вдали на взгорьях
Пестреют, как всегда весной,
И рыбы устремились к морю
В раскованной воде речной.

Природа суть свою раскрыла,
Не утаив от нас щедрот,
И, опьяненный розой милой,
Влюбленный соловей поет:

«Ты свет мой ясный в мире сером,
На свете белом ты одна.
Юпитер мой, моя Венера,
Ты солнце в небе и луна.

Не отвратишь ты увяданья,
Как я осенний свой отлет,
Но мысль о нашем расставанье
Теснит в груди моей дыханье
И мне покоя не дает.

Ты рдеешь ярче всех рубинов,
Ты благороднее, чем лал,
Ты — сказочнее Чинмачина,
Я свой рассудок потерял!»

...Друзья, скорей друзей зовите,
Пусть все откликнутся на зов.
В сады весенние идите,
Шатры постройте из цветов.

Сойдитесь поскорее, други,
Ликуя, что пришла весна.
Друг другу протяните руки,
Налейте сладкого вина.

Нарцисс — цветок пестроцветущий,
Лилея, гиацинт, рейхан
Красуются в зеленой пуще,
И воздух их дыханьем пьян.

И маки алые пылают,
И ликованью нет конца,
И птицы звонко восхваляют
Благословенного творца.

ПЕСНЯ ЧИСТОЙ ЛЮБВИ

Будь благословен твой лик сияющий,
Жизнь мою от счастья отдаляющий.
Ты — весенний ветер, я — миндаль.
Дует ветер твой не для меня ль?

Из того, к чему я здесь привык,
С чем сравню твой несравненный лик?
Ты — звезда, что светит моему
Сердцу, погруженному во тьму!

Ты идешь — прислужники вокруг.
Мне бы тоже стать одним из слуг.
Я готов служить, лишь призови,
Знак подай мне, пленнику любви.

Если б только чудо совершилось,
Если б я твою увидел милость,
Я бы распластался, жалкий раб,
Чтоб меня ты попить могла б.

Говорят, любовь к тебе — темница,
Где немало юношей томится,
Где находят все же добрый знак
Люди, погруженные во мрак.

Тот, кого не сжег твой взор небесный,
Для тебя что камень бессловесный.
Кто тобой пленен — тот человек.
Страшен плен, но кто его избег?

Ты — цветок, чьи лепестки горят,
Я вдали вдыхаю аромат.
Но шипы между тобой и мной:
Не сорвать мне розы неземной.

Я прошу, парица, об одном —
О свободе быть твоим рабом.
Говорю: возьми к себе в рабы.
Для меня счастливей нет судьбы.

Костандин — я раб смиренный твой.
Взгляд ловлю я несравненный твой.
Что же по примеру всех владык
От раба ты отверщаешь лик?

Я — ТВОЙ ПЛЕННИК, СЖАЛСЯ НАДО МНОЙ

(Отрывки)

Ты — мой свет, ты словно солнце светишь,
Лучшее, что суще под луной,
Не беги, едва меня заметишь,
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Если ж ты меня не замечаешь,
О душа души моей больной,
Свет моих очей ты отнимаешь,
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Всех ты словом одарить готова,
А меня твое сжигает слово,
Ты не отвергай меня сурово,
Я — твой пленник, сжался надо мной!

Я покоя навсегда лишился,
От любви мой разум помутился.
Хочешь ли, чтоб с жизнью я простился?
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Нет звезды на нашем небе лучшей,
Почему ж ты прячешься за тучей,
От меня скрываешь свет свой жгучий?
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Роза в пору своего цветенья,
Ты — моя любовь, мое мученье.
Скрыть не могут люди восхищенья,
Если видят лик твой неземной!

Как два лука, брови вдруг натянешь,
Стрелы выпустишь, мне сердце ранишь.
И не то что исцелишь — не глянешь
И пройдешь спокойно, стороной.
.....

Нет мне от любви моей спасенья,
Ты — мое лекарство и леченье.
Приоткрой лицо хоть на мгновенье,
Встань во всей красе передо мной.

Ночью я не сплю, лежу и плачу,
Днем бреду куда-то наудачу.
Без тебя я ничего не значу,
Ты моя душа, мой свет дневной.
.....

Если ты лишишь меня надежды,
В клочья разорву свой одежды.
Если я навек закрою вежды —
Будешь ты одна тому виной.

Я — пловец, плыву в открытом море,
Не доплыть, иссякнут силы вскоре.
Услыхать мой стон из бездны горя
И спасти дано тебе одной.

Но спасти, помочь ты мне не хочешь,
Ты проходишь, опускаешь очи.
Ты со мной черства, стыдлива очень.
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Ты мой свет, ты ярче солнца светишь.
Почему ж меня ты не приветишь,
Прочь идешь, едва меня заметишь.
Я — твой пленник, сжался надо мной.

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Такой прекрасной, несравненной
Никто не видел под луной.
Твой образ дивный, незабвенный
Повсюду следует за мной.

Тебя ищу я наудачу,
Я муку прячу, но не спрячу,
Кровавыми слезами плачу
И днем и в тишине ночной.

Твои шаги, твое дыханье
Порой приносят мне страданья.
От твоего благоуханья
Я стал безумный и хмельной.

Ты красотой меня пленила,
Как полуночное светило.
Ты путь мой светом озарила,
То свет — я знаю — неземной!

Любовь моя — как наважденье,
Мое проклятье и спасенье.
Ты — храм мой светлый, и моленья
Я возношу тебе одной!

На шее жемчуга и лалы *,
Шелка твоей одежды алы,
Как с пламенным вином фиалы,
Как розы в цветнике весной.

Что б ни надела — ты прекрасна,
Весь мир ты озаряешь властно.

* Лал — рубин.

Подобную тебе напрасно
Искать в любой стране иной.

Я чахну от любви и боли,
И я молю тебя, как молит
О благодатной влаге поле,
Которое сжигает зной!

Тебя вокруг нищу я взглядом
И если знаю: ты не рядом —
Мир кажется мне сущим адом,
И ты одна тому виной!

Но если я тебя замечу,
Я сердце болью изувечу,
Я саз* возьму, пойду навстречу, —
Я стать хочу твоим слугой.

Под этим небом необъятным
Подъемлю чашу с ароматным
Вином хмельным и благодатным,
Подобным лишь тебе одной!

ИНЫЕ ЗЛОСЛОВЯТ ОБО МНЕ

Иные злословят обо мне из зависти: мол, каким образом я могу говорить такие слова, когда я не учился у мастера; но одно дело учиться, другое дело — дар духа. Я расскажу вам об одном удивительном видении, которое приснилось мне, когда я пятнадцатилетним юношей находился в монастыре и когда я увидел человека в солнечном одеянии, источающего свет.

Иные зависти полны и злого мне хотят
За то, что я пишу стихи, а в них — родник услад.
Твердят: «Как это он речам дает столь нежный лад,
Что между нас ему никто не равен, не собрат?»

* Саз — струнный (щипковый) музыкальный инструмент.

У них рассудок омрачен и слеп духовный взгляд,
Они не ведают, отколь мой дар во мне зачат.
Я только глиняный сосуд, а в нем бесценный клад
От бога вещею душой, как манна, восприят.

Кто посягнет на этот клад как дерзкий супостат,
Тот против бога восстает, пред богом виноват;
А кто захочет мне внимать и вникнуть будет рад, —
Тому поведаю про то, как дух мой стал богат.

В монастыре, в пятнадцать лет, еще годами млад,
Я был однажды в ночь, во сне, виденьем чудным взят:
Пресветлый юноша сидел, как царь, среди палат;
Как солнце, был прекрасен он, и свет — его наряд.

Пред дивной славою его я страхом был объят,
Не мог спросить: «Господь, кто ты?» — уста не говорят.
Я пал пред ним, едва успев к нему возвысить взгляд,
И, лежа ниц, спросил его, до трех спросил я крат.

Я молвил: «Грешен я, ты, царь, прости меня, ты свят».
Я молвил: «Болен духом я, — уста твои целят».
Я молвил: «Беден я, язык безмолвием заклят,
Дай мне от дара твоего, насыть духовный глад».

Он сердцем милостивым внял все три мольбы подряд,
Сошел с престола, подошел, ступил одной из пят,
Попрал меня, прошел по мне и повернул назад.
Я встал, ликуя, награжден сладчайшей из наград.

Я молвил: «Я узрел тебя, я был у райских врат,
И если грешника лучи святые осенят —
Я позабуду эту жизнь, где суета и смрад,
За то, что принял ты меня, последнее из чад».

И голос прозвучал в ответ, как сладостный раскат:
«Иди». И вздрогнул я, и сон раздрался, словно плат.
Я встал и, препоясав стан, творил молитв обряд,
Проя, чтобы святого сна мне был сужден возврат.

И много дней, молясь в слезах, я ждал, что буду внят,
Что снова светлые лучи мне очи озарят;
И ночью я не мог уснуть, и днем не знал отрад;
Никто не ведал, что за сны безумного томят.

Но то, что значил этот сон, мне было невдогад,
Его не понял я, затем что был летами млад;
И только позже, став мудрей и знаньями богат,
Постиг я таинства его и что они гласят.

И вдруг я начал говорить, я стал витиеват;
И самого меня дивил речей искусный склад;
Меня надежда и любовь влекли в их дивный сад,
И я в обмен на душу их свою вручил в заклад.

Как манна с горной высоты, слова во мне лежат,
Затем что видел я его сидящим средь палат;
И с той поры, как этот дар моей душой прият,
Мой дух и плоть моя во всем закон его творят.

Мой дух ликует, перед ним отныне нет преград,
Я пью без губ того вина сладчайший аромат;
Я этой страстью опьянен, мечты к нему летят,
И мне не надобно людей, не страшен злобный брат.

Я в этом мире — как глупец, мечты — мой сладкий яд,
Иной толкует — «он мудрец», иной — «он бесноват».
Иные злятся на меня, и зубы их скрипят,
А есть такие — и пускай, — что точат свой булат.

БОРЬБА ПЛОТИ И ДУХА

Душа подсказала: «Сверши,
что Костандин повелел!»
Плоть молвила: «Слову души
внемлю я, но есть и предел,
Не стоит меня срамить
открыто — за столько дел.
На слабую хочешь взвалить
бремя и свой надел!»

Охотно душа моя
в мудрости входит придел.
Но телом, что здесь рождено,
сластолюбив, оголтел,
Я между ними двумя, —
словно, свеча, обгорел,

Ветром колеблем, нетверд
и от волненья бел.

Четыре врага собрались, —
отчаявшись, я оробел.
Огонь меня тянет ввысь,
но держит земля... Словно мел,
Я сух и тяжел... От воды
мой пламень чуть-чуть ослабел,
Но ветер нагрянул, и вновь
силу огонь возымел.

Тщетно, двух чайный раб,
я их сопрячь восхотел.
Между огнем и душой
нужен мне водораздел...
Либо по морю шагать
(стал ли я свят, пустотел?),
Либо руками сдерживать
пламень, что прочь пролетел!

Я, этот совет и укор
к себе обратив, присмирел,
Примеры себе я привел,
деянья людей оглядел.
Мне ли, как брату, с тобой
спорить! Я — плевал, пробел.
Если б прошли по лицу,
я бы покорно стерпел.

Множество жалоб и слез,
чей урожай уж созрел,
Я бы тому лишь принес,
кто тепло на меня смотрел...

Изранен я и гоним,
столько страдал и скорбел,
Раны — привыкло ли к ним
сердце иль я очерствел?
Но — за стеной земляной
вражеский что мне обстрел!
Землю войной на себя
сам напустил я и — цел.

Вот, без доспехов, нагой,
встал я, спокоен и смел,
Хоть бы вонзилась в цель
одна из тысячи стрел...

Те восклицают: «Глупец,
от желчи он одурел!»
Другие: «Пустить бы кровь
растлителью душ и тел!»
Отвечу: верить всему,
что ты, Костандин, здесь напел
И так же тужить нельзя —
у каждого свой удел.

СЛОВО НА ЧАС ПЕЧАЛИ, НАПИСАННОЕ О БРАТЬЯХ, ОБИДЕВШИХ МЕНЯ

О доколь, сердцем скорбя, тяжело вздыхать наедине
И всегда, день ото дня, грусть и печаль ведать одне!
Незнаком душе покой, и не придет радость ко мне,
Чтоб хоть миг вкусил я мир и отдохнуть мог в тишине.

Как волна, бурно несусь, отдыха нет темной волне,
Не доплыть до берегов, и нет пути к тихой стране.
Нет друзей, любимой нет, опоры нет внутри и вне.
Кто поймет, сколько скорбей в каждом моем прожитом
дне!

Для меня близкого нет, средь чужих и в моей родне,
Кто бы мог меня обнять и пожалеть мог обо мне.
Тот, кто был дорог душе, прочь отошел, стал в стороне.
Как винить мысли чужих, если нам боль несут оне?

Где найду мудрый совет, совет любви, ценный вдвойне, —
Почему весь мир со мной в злобной вражде, как
на войне?

Тот, кому, дух мой раскрыв, я все дарю, что в нем на дне,
Тот всегда, как лицемер, ласков со мной только извне.

О доколь, сердце мое, будешь пылать в знойном огне
И терпеть лживую жизнь у ней в плену, как в западне!

Пробудись, забудь мечты; эти мечты снятся во сне,
Соверши волю души, полно хмелеть в пьяном вине.

Костандин, внемли совет, с правдой его чти наравне:
От сует земных душу замкни в твердой броне.
Эта жизнь многих влекла, многие с ней слились вполне;
Все они, словно свинец канув на дно, спят в глубине.

СЛОВО — ОДНО ПО ЗАМЫСЛУ, ИНОЕ ПО ВНЕШНЕМУ ВИДУ, — КОТОРОЕ ИНОСКАЗАТЕЛЬНО ВЫГЛЯДИТ ТАК:

Я стать весенним ветром рад —
С любовью обдуваю сад.
Зимы студеной лед и холод,
Меня почуяв, прочь летят.

Молить я должен, чтоб забил
Из камня ключ — он сердцу мил,
Я в слово дивное свой пыл
Вложу, хватило б только сил.

Я повелю — и нет зимы,
Цветами запестрят холмы,
Весна — для всех; узрели мы:
Нет ни темницы, ни тюрьмы.

О, весть благая, сладкий глас!
К нам роза новая сейчас
Идет, откинув свой атлас,
Врата любви открыв для нас.

И соловей, лишаясь чувств,
Поет — напиток страсти густ...
Он кровью слез осыпал куст
И потому — сахарует.

Высок престол царицы роз,
А сердце далеко унес
Поток султанских смутных грез,
И что ей горечь наших слез!

Жить невозможно с розой врозь,
Стать соловью рабом пришлось,

Поет, чтобы, пронзив насквозь,
Благоуханье донеслось.

О, голос нежный, тишь нарушь!
Я — ветер, твой шакарфуруш*.
О, сколько удрученных душ
Ты радуешь и будишь глушь!

Сегодня отнята тобой
Вся наша мудрость — ум слепой.
Любим ты розою, так пой,
Счастливым, взысканным судьбой.

Поешь над розой, и в крови,
В слезах, в слезах — глаза твои,
О, соловей, и нам яви —
Немым — глаза твоей любви!

Окраска каждого пера
Сейчас прекрасна и нестра.
Затмила розы их сестра!..
И спят шипы, но боль остра.

Дай нынче сладкого вина,
Я — кравчий счастья, жизнь полна,
Ведь начинается весна —
Любви и песен времена.

Пою любовью допьяна.
Чтоб дружно жили мы — до дна!
Прекрасна роза и красна,
Так приказала нам она.

Сегодня душу ты излей,
Не станет завтра веселей.
Кто будет мил душе твоей,
Коль роза сгинет, соловей?!

О роза, гордость цветника,
Как ты прекрасна и ярка!
Глядишь ты властно, свысока,
А я влюблен, в душе — тоска.

Душой ты светел, соловей,
В чьем сердце — знойный огневей,
Язык твой жгуч, меча острей,
И чуден жар твоих речей.

Благодари же, Костандин,
Творца, доживши до седин,
Ведь розы видел ты кармин,
Услышал соловья долины!

* Шакарфуруш — продавец сахара.

Фрик

СЕРДЦЕ МОЕ, ОТЧЕГО ТЫ ЗАБИЛОСЬ?

Сердце мое, отчего ты забилося?
Быстрая мысль, ты куда устремилась?
Что ты, слеза, по щеке покатилась?
Память, а ты почему замутилась?

Много грешил, суесловил я много,
Я отдалился от господа бога.
Ныне меня посетила тревога,
Ангел святой поманил меня строго.

Все, что святыней считал я когда-то,
Нищему духом, давно уж не свято.
Сделал замки и воздвиг я палаты,
Скрыл в сундуки я каменья и злато.

Грешник с посыпанной пеплом главою,
Что ты дрожишь над несметной казною?
И богачи, поглощенные тьмою,
Много ли взяли из мира с собою?..

ЦВЕТОК ЛЮБВИ

Цветок любви чудесный этот
Растет не в дальней стороне,
Он зацветает внешним цветом
Внутри людей, а не вовне.

Он любящим приносит благо,
Он указывает им пути.
Исполниль львиною отвагой
И тот цветок в себе взрасти!

Ты силам темным на потребу
Не пребывай в греховном сне.
Но, устремляя очи к небу,
Покайся, Фрик, в своей вине.

Страшись страстей, что правят нами,
Помысли о грядущем дне
И плачь кровавыми слезами,
Чтоб в вечном не гореть огне.

К БОГАТЫМ

Вином грешите, ложью
В кругу распутных жен.
Вам слаще слова божья
Греховных песен звон.

Но близится расплата:
Суд страшный, трубный глас,
Прислужники разврата,
Что ожидает вас!

На нищих вы кричите
И гоните их вон,
Вы бедняка браните
За то, что беден он.

Но бог поднимет руку
И спросит в судный час:
«Чтоб облегчить мне муку,
Кто пострадал из вас?»

Как Лазарь, я в бессилье
Лежал у ваших врат,
Но вы пройти спешили
И отводили взгляд».

Дарили вы презренье
Всем тем, кто обделен,
Но в огненной геенне
Конец ваш предreshен.

На муку вас осудят
За пурпур, за виссон.
Последний нищий будет
Скорей, чем вы, спасен!

В роскошестве излишнем
Забыли вы закон:
Кто яму роет ближним,
В ней будет погребен.

Пред Матерью Пречистой
Покайтесь до конца,
Своей молитвой истой
Смягчите гнев творца.

Заступница поможет
И сына в судный час
Умилостивить может,
Чтоб вас простил и спас.

Молите всеблагого,
Чтоб отпустил вину.
Мое услышьте слово —
Нельзя вверяться сну!

Покайтесь же в моленье
И смойте поскорей
Слезами искупленья
Грехи души своей.

Чтоб сыновьями ада
Вам, богачам, не быть,
Раскаяться вам надо
И господу молить.

Чтоб пищею дракона
По смерти вам не стать,
Господнего закона
Примите благодать.

Из вас постигнет каждый,
Что в мире все тщета,
Переступив однажды
Последние врата.

Зачем же о богатых
Ты так печешься, Фрик?
Ведь нищий сам, ты златом
Не наполнишь свой тайник.

Нет у тебя ни крова,
Ни тех, кого любил.
Богатства никакого
Ты здесь не накопил.

Ты прожил век — и ныне,
Как прежде, бос и гол.
Ты этот мир покинешь
Таким же, как пришел.

И все ж, когда голодным
Руки ты не простишь,
Ты дровом был бесплодным,
Пригодным лишь в костер.

Что черно здесь, что бело,
Постичь лишь ныне смог,
Когда расстаться с телом
Душе приходит срок.

Отвергни, Фрик, беспечность
Земного бытия,
Обречь старайся вечность —
Там родина твоя.

При жизни совершайте
Лишь добрые дела.
Вовек не пожелайте
Себе подобным зла.

Наградой двойкой
Добро нам воздаст.
В извечном мире — благо.
Здесь — славу и почет.

Духовный слух добавьте
К земному, чтобы внять
Великой божьей правде,
Чтоб господа познать.

Сей мир — не достоянье.
Я сам себя пытал:
«Достойные деянья
Ты часто ль совершал?»

Здесь помощи просите
Лишь у небесных сил,
Чтоб сжалился спаситель
И нам грехи простил.

И ныне покаяньем
Свой просветлите взор
И добрые деянья
Творите с этих пор.

Вас одарить мне нечем,
Но каждый, кто умеет,
Моей да внемлет речи
И будет просветлен.

А люди, у которых
Пустая голова,
Пусть почитают вздором
Разумные слова.

КОЛЕСО СУДЬБЫ

Гей ты, судьба! Нам изменив, ты нас свергаешь с высоты,
Ты останавливаешь вмиг коловращенье суеты.
От века зыблющийся мир на склоне скользком держишь ты,

Подставив меру зла, твердишь: «Сыпь все заботы и мечты!»

Ах, колесо! Злодея ты лелеешь в доме золотом,
А честный должен подбирать объедки за чужим столом.
Ты в рыцари выводил тех, кому б сидеть в хлеву свином,

Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом.

Скажи: «Ты не права, судьба!» — и смех услышишь без
конца.
За что ученых гонишь ты, а любишь 'злого иль глупца?
Из них ты делаешь вельмож, их ты доводишь до венца
И плешь по горам и полям бродить за хлебом мудреца.

Теперь еще труднее нам, когда татарин сел на трон,
Всех обделил он, и воров поставил господами он.
Но ты ни с кем ведь не родня: вновь повернется
ось времен,

Ударил ты, и нет царя, исчезнет он, как утром сон.

Как верить, колесо, тебе, ведь ты не любишь никого!
Нет правды у тебя, нет клятв, нет совести, нет ничего!
Сегодня возведешь на трон, а завтра сокрушишь его,
Повергнешь в пепел и в прах, лишишь — честей, короны
и всего.

Лишь, исподобия взглянув, судьба хребет свой
повернет —

Что тут бумага, что перо иль даже всадников сто сот!
Все терпят: от пинков судьбы и царь спины не сбережет.
Не удержишь — стрелами тебя, и полетишь на дно высот!

Судья неправедный! Зачем ты правый презираешь суд?
Ты с правым во вражде всегда, а твой любимец — вор
иль плут.
Ты землю, море, небо — все заворождаешь в пять минут.

Невежда пред тобой велик, а мудрый головой поник,
И что кругом ты неправ, какой не вымолвит язык!
Но, слышу, мне судьба в ответ: «Не лай, как пес, пустой

С тех пор как я — судьба, никто еще не лгал, как этот
старик,
Фрик!»

«Моя судьба, меня ты бьешь, ты — мой неправедный
судья,
Но вспомни, что от бога все и власть — его, а не моя!»
Судья еще: «Величит Бог как бедняка, так и царя,
Хоть я — судьба, но вот тебе дать ничего не вправе я!»

Бог повелит — ты будешь царь, я посажу тебя в чертог,
Бог не велит — и будешь ты скитаться нищим вдоль ^{дороги}.
«Судьба, я замолкаю: все — прекрасно, что ^{Бог,} дозволил
Но, нашим по грехам, порой — армянский к нам
Создатель строг».

ЖАЛОБЫ

Бог истинный, Бог милосердный,
К тебе взываю, раб твой верный,
С тобой вступить дерзаю в спор
Я, твой слуга нелицемерный.

На сей земле, что многолюдна,
Твое любое дело чудно.
Но многие из дел твоих,
Немудрому, постичь мне трудно.

О Господи, Твои творенья —
Адам и Ева в райской сени
Вкушали мир, и был язык
Един до их грехопадения.

Создатель, окажи мне милость:
Дай мне постичь, как получилось,
Что от единственной четы
Дванадцать племен родилось?

Теперь пестра юдоль земная,
И что ни местность — речь иная,
И все людские племена
Враждуют, устали не зная.

Свой сохранил язык библейский
Израильтянин иудейский,
Сберег сириец свой язык,
Свое наречье — курд халдейский.

Всем племенам язык подарен,
Но грека не поймет татарин,
Грек — славянина, гунна — перс,
Латинянина — внук Агари.

Татарина — далмат испанский,
Китайца — житель ханаанский,
Франк армянина не поймет,
Алана — тюрок самаркандский.

И, как наречья, вера тоже
У множества племен не схожа.
Иные племена не чтут
Креста святого, мать божью.

К святым словам их сердце глухо.
У них нет истинного слуха.
У них нет веры ни в отца,
Ни в сына, ни в святого духа.

Так почему ж на белом свете
Могучи нечестивцы эти?
Они святыне церкви жгут,
Чтоб возводить свои мечети.

Те нехристи в великой силе,
Как христиан осиротили
И превратили жен во вдов
И столько бедствий натворили.

Вершится все по божьей воле,
Но, боже, нам терпеть доколе?
Доколе будешь им прощать,
Не замечая нашей боли?

Ужель нашел ты оправданье
Тем, кто приносит нам страданья?
Доколе можем мы терпеть?
Мы — люди, а не изваянья.

Зачем, подобно травам сорным,
Людей, нас вырывают с корнем?
Зачем ломают, как тростник,
И жгут в неистовстве упорном?

Иль ввергли в гнев тебя армяне,
Как некогда израильтяне?
За это ль свой великий гнев
Нам обращаешь в наказанье?

К добру и праведности склонным,
Ты видишь сам, как нелегко нам.
Иль все погрязли мы в грехе,
Живя не по твоим законам?

Коль так, хоть я не всех мудрее,
Скажу: не будь ты к нам добрее
И многогрешный мой народ
С лица земли сотри скорее!

Нам жить иль погибнуть не иначе,
Чем так, как это ты назначишь.
По приговору твоему
И веселимся мы и плачем!

Не по твоей ли мудрой воле
Один живет сто лет и боле,
Другой является на свет
И вянет, как травинка в поле.

Скорбит отец, судьбой гонимый,
Был сын один — погиб любимый.
А у соседа десять душ —
И здоровы все, и невредимы.

Тот жив, хоть умереть мечтает,
Другому б жить — он умирает.
Старуха дряхлая живет,
Отроковица угасает.

Жизнь одному кошель раздула,
Другому лишь суму швырнула,
У одного — табун коней,
А у другого нет и мула.

Одним судьба дарит палаты,
Другим — на рукава заплаты.
Одним жалеет медяка,
Другим дарует горы злата.

Иным судьба дает поблажки,
Пути других бывают тяжки.
Один из нас одет в атлас,
Другой — в заплатанной рубашке.

Один в страданиях безутешен,
Плетется безоружный, пеший.
Другой гарцует на коне,
Оружьем дорогим обвешан.

И этот всадник с силой бычьей
Свой обнажает меч привычный.
Жену бедняги и детей
Берет как честную добычу.

Не ты ли разделил, владыка,
Весь мир на малых и великих,
Чтобы один в довольстве жил,
Другой чтоб вечно горе мыкал?

Кто в мире счастлив, кто беснечен?
Кто здесь удачею отмечен?
Хоть десять лет я проищу —
Счастливых я не многих встречу.

Кто ж те счастливы: царь на троне,
Или священник на амвоне,
Придворный льстец, богат кунец,
Писец, творящий беззаконье?

Беда и счастье — все незряче,
Нас больно бьют, и горько плачет
Тот, у кого богатства нет,
Нет красноречья, нет удачи.

Несчастен муж, судьбой гонимый,
Не нужный никому, не чтимый,
Идет, терзаемый бедой,
И все-таки неколебимый.

Иной священник льстец бывалый, —
В день праздничный ему, пожалуй,
При целовании креста
Перепадает куш немалый.

Удел завидный у счастливого,
В почетный угол он садится,
И «Аллилуйя» не проймет
Нажравшегося нечестивца.

Богат неправедный священник,
А брат его и соплеменник
Пред ним сгорает, как свеча,
И унижается, как пленник.

Недобр священник к неимущим,
Им грех и малый не отпущен.
Он страждущего бедняка
Считает наказаньем сущим.

Того лишь встретит он с почтеньем,
Кто в силе, кто богат именем,
Пусть даже богачи — глупцы,
Он внемлет их пустым реченьям.

Создатель в этой жизни брэнной
Нас верой одарил священной,
Но блага все отмерил нам
Он мерою неравноценной.

Не всяк удачею отмечен,
Один угрюм, другой беспечен.
Не все красивы и умны
И обладают красноречьем.

Одним легко даются знанья,
Другим способность созиданья,
Чтоб строить над рекой мосты,
И храмы, и другие зданья.

Иной хоть и творенье божье,
Но язвы у него на коже.
Иной, со скрюченной рукой,
И мула сам взнуздать не может.

Тот человек, как дьявол, злобен,
А этот ангелу подобен.
Он много добрых дел творит,
Приятен всем и всем угоден.

Прости меня, Отец небесный,
Прости мой ропот, грех словесный, —
Чему на свете должно быть,
Лишь одному тебе известно.

Всему есть предопределение.
Мир — это Божие творенье.
И все, что суще в мире сем,
Шлет Господу благословенье.

Хачатур Кечареци

БРЕННОЕ ТЕЛО КОРИЛА ДУША

Бренное тело корила душа,
Телу, скорбя, говорила душа:
«Грешное, все ты соблазны познало
Этого мира, где святости мало.
Ты и меня погубило грехами,
Ввергнуло в неугасимое пламя.
Ты и в аду, не избегнув огня,
Будешь терзаться и мучать меня».
Тело ответило: «Полно, душа,
Я — во служенье, а ты — госпожа.
Ложно, неправо меня не суди,
Раны кровавые не береди.
Конь я, и ты оседлала меня,
Гонишь куда ни попало коня.
Все по твоей совершается воле,
В мире — я горсточка праха, не боле».

ГОСПОДЬ СЛОВАМ МОИМ СВИДЕТЕЛЬ

Господь словам моим свидетель:
Все в мире суета и ложь.
Лишь скорбь найдешь на этом свете,
А в гроб лишь саван унесешь.

В твоих усилиях мало толку,
Цена твоим стараньям — грош,

И это все ты незадолго
Перед концом своим поймешь.

Всегда ликующий беспечно
Юнец на дерево похож,
Но расцветание не вечно,
Но листья пожелтеют сплошь.

Тебе зимою станет хуже,
Нагой, ты задрожешь от стужи.
Весна позор твой обнаружит,
Великий стыд перенесешь!

Я — тоже пленник заблужденья,
И мне много обвиненья
Не предъявляйте в осужденье:
Мне в сердце не вонзайте нож.

Мой взор померк, и нет спасенья,
Нет мне, больному, излеченья.
Я слышу смерти приближенье,
Она меня ввергает в дрожь.

Я, СМЕРТНЫЙ, СОТВОРЕН ИЗ ПРАХА

Я, смертный, сотворен из праха,
Из четырех стихий земных,
Во тьме я шел, дрожал от страха,
Слеза текла из глаз моих.

Кого-то пламенем сжигал я,
И сам терпел, сгорал дотла,
И зло кому-то причинял я,
Страдая от людского зла.

Мой дух был пламенем неложным,
Но канул я в глухую тьму,
Я знал почет, но стал ничтожным
По безрассудству моему.

Был родником с водой сладчайшей —
Грехом я сам себя мутил.
Блистал я, был звездой ярчайшей —
Свой свет я погасить спешил.

О Хачатур, дремать позорно,
Твой час последний предрешен.
Жизнь — это снег на склоне горном,
Грядет весна — растает он.

Твой сон тебя страшит, кончаясь,
Влечет он в бездну, а не ввысь.
Заплачь, вздохни, промолви: «Каюсь!»
От сна греховного очнись.

ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ ПОДОБНА МОРЮ

Жизнь на земле была как море,
Мне выплыть было не дано.
Подобно морю, было горе,
Тянувшее меня на дно.

Любовь была темна, как бездна,
Меня влекла во мрак безвестный,
И дней моих цветков чудесный
Раскрылся и увял давно.

И смерть настанет, не обманет:
Мой взор навеки затуманит,
Лицо мое землистым станет,
И станет все темным-темно.

Влекомые тщетой земною,
Пройдут живые стороною,
Все, кто при жизни был со мною,
Меня забудут все равно.

ПЛАЧ И МОЛЬБА

Я молю тебя, Творца:
Знак подай, хоть чуть заметный,
В пастве всей твоей несметной
Я — заблудшая овца!

Укажи сегодня мне:
Истинная где дорога,
Чтобы не остаться вне
Божья светлого чертога!

В слове сказано твоим,
Что удел людей безгрешных —
Жить и вознестись потом
К сонму ангелов небесных.

Господи, подай же знак,
Дай благое разуменье,
Как мне жить, молиться как,
Чтобы заслужить спасенье!

Сердце мне свое смягчить
Ныне помоги, о боже.
Дай способность слезы лить,
Что с твоей росой схожи!

Наставитель, поспеши,
Огради меня от горя,
Исцели от вечной хвори —
Немощи моей души.

Чтоб, как лист среди ветвей,
Мог весною расцветать я,
Озаряемый твоей
Неземною благодатью.

Но, покуда я живу,
Ветр моих же прегрешений
Вечного венка листву
Сдул с меня, как ветр осенний.

Если бросят в море сеть,
В сеть рыбешка попадетя.
На песке бедняжка бьется
Перед тем, как умереть.

Был я счастлив в глубине
Божьей мудрости без края,
Но по собственной вине
В сеть попав, я умираю.

Господи, мои рассей
Тьмы грехов весь список длинный.
Может, я — цена твоей
Крови чистой и невинной.

Над горами облака
Вдаль плывут, но гром ударит,
Град падет издалека,
Всех земных пугая тварей.

Грех мой — тоже черный свод,
Нет ему конца и края,
Он в себе грозу несет,
И меня и всех пугая.

Чтобы мудрость обрести,
Я спешил на торг в печали,
Но всего меня в пути
Злые люди обобрали.

За добро платил я злом
И, прозрев прозреньем поздним,
Что сказать смогу потом,
В день наш Судный, в час мой грозный?

Я пока еще живой,
Но не вечно все и ломко,
Как же мне пройти по той
Роковой тропинке тонкой?

О создатель, мир земной —
Глиняный кувшин непрочный
Встал меж мною и тобой,
Сыном девы непорочной!

Я — Кечареци, давно
Копошусь в грязи соблазна.
Силюсь не пойти на дно,
В скверне общей не погрязнуть.

Боже, пусть твоя рука
Мне укажет путь спасенья
В мире, там, где велика
Сила зла и искушенья.

Ты меня на путь наставь
В жизни этой, в жизни брэнной,
И от огненной геенны
В мире том меня избавь!

* * *

В дремоте и дни и ночи
Не пребывай, человек,
Тот час далек, да не очень,
Когда ты почишь навек!

Наш мир — это сон беспечный,
И думаешь ты в забытьи,
Что дни твои бесконечны
И вечны богатства твои.

Ты спишь, и над нищим ложем
Витает сладостный сон,
Будто знатный вельможа,
Почетом ты окружен.

Но встанет заря, а с нею
И знатность твоя и казна
Растает лишь чуть позднее,
Чем ты воспрянешь от сна.

Как все, мы — у края гроба,
Придут за душой твоей,
И миг останется, чтобы
Проститься с семьей своей.

В оставшееся мгновенье
Не будет тебе дано
Средство найти для спасенья,
Да вряд ли и есть оно.

Пред тем, как уйти без возврата,
Попросишь ты, чтоб подошла
Женщина, что когда-то
Детей твоих родила.

Ты скажешь ей, безутешной:
«Разлука нам суждена.
Я — половина грешной
Плоти твоей, жена.

Ты видишь, я век свой прожил,
А те, что родились от нас,

Пусть знают, что вскоре тоже
Пробьет их последний час.

Пусть и они в ослепленье
Не совершают зла,
Чтобы потом в геенне
Расплата их не ждала.

Ведь прежде, чем сын Адама
Хоть раз успеваешь моргнуть,
Смерть, и зла и упряма,
Находит к нему свой путь!»

Наапет Кучақ

АЙРЕНЫ

* * *

Ты хвалишься, луна небес,
что озарен весь мир тобой,
Но вот луна земная — здесь,
в моих объятьях и со мной!
Не веришь? Я могу поднять покров
над дивной красотой,
Но страшно: влюбишься и ты
и целый мир накажешь тьмой!

* * *

О ночь, продлись! Останься, мгла!
Стань годом, если можешь ты!
Ведь милая ко мне пришла!
Стань веком, если можешь ты!
Помедли, утра грозный час!
Ведь игры двух тревожишь ты!
Где радость? В скорбь ты клонишь нас!
Ты сладость гонишь темноты!

* * *

Как красиво расцветали
все кусты в бахче моей!

Но цветы похитил кто-то,
льются слезы из очей.
Я мечусь, как перепелка,
потерявшая детей.
Сеть свою скорей раскинь,
чтоб запутался я в ней.

* * *

Ты сказала: «Я твоя!»
Неужели это — ложь?
Ты закаялась любить!
Иль иного ты найдешь?
Мне такое будет горе,
что к иному ты прильнешь
И к следам моих лобзаний
ты уста его прижмешь!

* * *

«Высоко ты ходишь, —
милой передай привет, луна!»
«Передам привет я милой,
но не знаю, где она».
«Видишь дерево в саду,
где высокая стена?
Пьет из чаши голубой
там под деревом она
И армянской речью славит
сладость ласки и вина».

* * *

— На кровле ты легла уснуть,
твоя созвездьям светит грудь,
Позволь же мне к тебе прильнуть
иль укажи домой мне путь!
— Тебе нельзя со мной уснуть,
нельзя и дома отдохнуть,
Но так дрожи и жди, пока —
захочет утра свет блеснуть!

* * *

Ты в мире — перстень золотой,
а я — алмаз на нем;
Ты — зелень, нежащая пруд,
а я — росинка днем;
Ты — яблоко, что берегут,
я — лист в венце твоём;
И я, когда тебя сорвут,
иссохну под лучом.

* * *

В ту долгу ночь лишь раз, лишь два
я пряжку повернуть могла,
Мне вспомнился желанный яр,
я встала, пряжку убрала,
И, сладким ковш налив вином,
я к двери яра подошла:
«Желанный яр! Открой мне дверь!
Стою в снегу, дай мне тепла!»

* * *

Идя близ церкви, видел я
у гроба ряд зажженных свеч:
То юношу во гроб любовь
заставила до срока лечь.
Шептали свечи, воск струя,
и грустную я слышал речь:
«Он от любви страдал,
а нам — должно то пламя сердце жечь!»

* * *

Как я люблю твой милый лик:
ему луна поет с небес!
Твоих я жажду нежных уст:
перед ними горек дикий мед!
Твои глаза в дуге бровей
бездонны, как пучина вод!
И чаша с розовой водой —
твой алый, твой прекрасный рот!

* * *

Когда умру я от любви,
срежь косу, волосы сними,
Как факел в руку их возьми,
меня ищи не меж людьми.
Придя к могиле, все пойми,
плиту слезами окайми
И, мне шепча: «Любовь прими!»,
холодный камень обойми!

* * *

Скажи, мой милый месяц, мне:
куда ты ночью правишь путь?
Сквозь окна многих милых дев
ты видишь лепных отдохнуть;
Они полураздеты все:
твой луч им падает на грудь
И заставляет, отражен,
он звезды в свете потонуть!

* * *

Спорят с морем под Месрой *
эти очи глубиной,
Эти кудри разметались
ветром зыблемой волной.
Возросла ты, точна ива,
ты — как яблок наливной.
Ты напоишь ароматом
белой розы мир земной.

* * *

Когда ты была моей,
на деревьях листва была!
К другим ты теперь ушла,—
снег лежит, где листва была!
Вернись, образумься, друг;
будь снова здесь, как была,—
Я солнцем встану сам:
будет свет, где тень была!

* Месра, или Мысыр — Египет.

* * *

Взяли милой моей портрет,
по стране вдаль понесли,
Всех людей расспросили,— нет,
равного не нашли,
И шесть тысяч пятьсот живописцев
со всей земли
Даже тени подобного
изобразить не могли!

* * *

С той поры, как рожден на свет,
мне спасенья в молитвах нет.
И пускай священник зовет —
сворочу, не пойду вослед.
А красавица поглядит —
славословлю и шлю привет.
У колен ее — мой алтарь,
я грудям ее дал обет.

* * *

Ты журчишь между скал, ручей.
Из какой ты страны, из чьей?
Мне в ущелье не видно струй,
только все голосок звончей.
Видно, ты любовью богат,—
все спешишь к любимой, ручей.
На чужбине, видно, любовь,—
мчишься к ней и не спишь ночей.

* * *

Я молод, ты молода:
нам любовь — для счастья и мук.
Твой стан — словно лук.
Но нет, уступает в гибкости лук.
Соски твои — виноград,
твоя грудь подобна заре:
Чем больше ее открыть,
тем светлее станет вокруг.

* * *

Глаза твои — океан,
брови сумрачней облаков.
Взяла ты румянец щек
у розовых лепестков.
Куда б ни явилась ты,
там свеч не надобно жечь.
От блеска твоих грудей
встают мертвецы из гробов.

* * *

Откуда ты пришла в мой дом,
я был с тобою незнаком!
Огонь был в рукаве твоём,
теперь я сам горю огнем.
Ты золото любви тайком расплавил
в огне своём
И в ухо сердца моего
продела золотым кольцом.

* * *

Взгляни на тяжелый камень,
одумайся, ради бога:
Как этот камень ни крепок —
уступит воде дорогу.
Воде жернова покорны,
хоть весу в жернове много,
А сердце — комочек малый,
его ли осудим строго!

* * *

Я избит из-за тебя так,
что обнажились кости,
Шелком рану врач зашил,
след искать — и думать бросьте.
Изломайте хоть всего —
дотащусь я к милой в гости,
Приложусь щекой к щеке —
и не станет в сердце злости.

* * *

Скучал я смертельной скукой,
томила меня тоска
И вдруг тебя, дорогая,
увидел издалека,
Обрадовался, как путник,
журчанию родника,
Припасть бы к нему губами,
ведь жажда так велика.

* * *

Милая, если позволишь
платье твоё расстегнуть —
Я с твоего разрешенья
в сад превращу твою грудь,
Благословлять его стану,
в этом уверена будь.
Сам сатана не посмеет
смертью прервать этот путь.

* * *

Мне говорили «золотой»,
когда я рос в семье родной,
Но потерял я цвет лица
от встреч с красавицей одной.
Любовь и камень раздробит,
проверено все это мной,
Отгородитесь от нее
стеной железной иль стальной.

* * *

Белогрудой красоте
платье синее идет,
Пуговицы расстегнет —
юношу с ума сведет.
Пусть красильщик ни один
синей краски не найдет,
Чтоб ей в синем не ходить,
не сводить с ума народ.

* * *

— Что возьмешь за поцелуй,
молви, дивное создание?
Усмехнулась:
— А твое велико ли состоянье?
Если хочешь заплатить,
не получишь ты лобзанья,
Если любишь горячо —
утолю твое желанье.

* * *

Шла она с другим,
болтая по привычке к многословью,
Жалуюсь ему на что-то,
поволя сердито бровью.
— Бог с ней, — сердце подсказало, —
отойди не прекослова,
Ведь любовь по принуждению
не считается любовью.

* * *

Я вздыхал, ища напрасно
сладостной любви утех,
Вздых мой к облакам поднялся,
и пошел при этом снег,
На голову мне свалился,
но откуда летом снег?
Лишь меня он осыпает
или падает на всех?

* * *

Ручною птицей на земле
я подбирать зерно не мог,
Под облаками я летал,
чтоб не настиг меня злой рок,
Но всюду — западня любви,
и я себя не уберег:
Не только ноги, как другим, —
опутал крылья мне силек.

* * *

Я решил уйти подальше,
чтоб с любовью разлучиться,
Но в пути любовь успела
в жаркий пламень превратиться.
Если кто огня желает —
я могу им поделиться,
Множество сердец несчастных
опалит одна зарница.

* * *

В мире две великих силы:
смерть и скорбь любви земной.
Влюбишься, потом уносит
ангел смерти в мир иной,
Ну, а мертвые не плачут,
скрытые сырой землей.
Кто же этот несчастливец?
Он ни мертвый, ни живой.

* * *

Люди пришли и сказали:
— Стал твой любимый монахом. —
В недоуменье безмолвном
я размышляю со страхом:
Как он смирится с горохом —
сладкое ел на пирах он,
Как власяницу наденет —
к тонким привык он рубахам?!

* * *

Вино твоего румянца
мне пить бы опять, опять,
Библейский рай — твое тело,
ах, яблоко бы сорвать!
Уснуть на груди прекрасной
не высшая ль благодать?
За это ангелу смерти
не жалко мне долг отдать.

* * *

Днем красавицу вели,
чтоб держать ее в неволе.
Слезы лили сотни глаз,
а с моими даже боле.
Чтобы вырвать поцелуй,
побежать за нею, что ли?
Силою возьму один,
а другой — по доброй воле.

* * *

Милая, в этих лохмотьях
кажешься ты неприглядной.
Шитое золотом платье
с шалью надень ты нарядной.
Плавню пройдишь предо мною
в этой одежде парадной —
Будешь тогда ты красива,
краше лозы виноградной.

* * *

Пришел по делу, вышла ты,
и я забыл о деле,
И шагу не могу ступить,
и руки онемели.
Ну что ты делаешь с людьми,
чтоб двинуться не смели?
Любил не раз я, —
в первый раз не достигаю цели.

* * *

Гляну вниз иль гляну вверх я —
краше не найду,
Затмеваешь ты подругу,
как луна звезду.
Поздравляют с Новым годом
только раз в году,
А меня сто раз поздравьте —
к милой я иду.

* * *

Ты пальмовое дерево
с негнущимся стволом,
Твоим павлином сделаюсь,
построю тут же дом,
Нарву цветов, целебных трав в горах,
в лесу густом,
Других домов не надо нам,
мы станем жить в моем.

* * *

Я вышел ночью за вином,
держа кувшин в руке,
Навстречу милая идет:
— Что толку в кабачке?
Пойдем ко мне,
горю свечой, истаяла в тоске,
Слезами обливаюсь я,
их — что воды в реке.

* * *

Я увидел на веревке
выстиранное белье,
Средь белья висит рубашка —
сердце замерло мое.
Рукава расшиты шелком,
на груди еще шитье...
Ах, купить ценою жизни
мне б владелицу ее!

* * *

Если б та, чей стан свободно
перехвачен пояском,
Бедною была, а я бы
не был жалким бедняком —
Тысячу монет бы отдал,
распростившись с кошельком!
За три родинки на щечках
приплатил бы я тайком —
Стоит каждая алмаза и объятия притом.

* * *

Я очень по тебе скучаю,
и стоишь ты того.
Зависит жизнь моя от часа
прихода твоего.
Порой бывает долговечным
земное существо,
Но долгий век без милой сердцу
не стоит ничего.

* * *

Благословен ушедший с милой
за дальний перевал.
Мост перешли они,
и тотчас тот мост разрушил шквал,
Засынало следы их снегом,
буран забушевал...
Он взял ее лико в ладони и —
днем — поцеловал.

* * *

Вот гранат, разрежь,
ты видишь, сколько зернышек внутри,—
За зерно по поцелую,
лишнего мне не дари.
— Я тебя считала умным,
уходи и не дури.
Это слыханное ль дело —
целоваться до зари?!

* * *

— Из чего ты создана?
Из рубина, изумруда?
Мылась розовой водой
из какого ты сосуда?
— Если это обо мне,
я и вправду белогруда,
Пуговицы расстегну —
погляди-ка, что за чудо!

* * *

Выбери четверостишье,
что на ум тебе придет,
Говори про наше время,
про людей, про жизни ход.
Только не хули без смысла
бездомников-сирот,
Полагая, что скитальцы
необидчивый народ.

* * *

Обращаюсь я к творцу:
сохрани ушедших вдаль!
На чужбине милый мой —
велика моя печаль,
Пусть вернется, без него
никому меня не жаль.
С плотью плоть соедини,
сердце к сердцу ты причаль!

* * *

Худо стать бедняком,
распроститься с богатством своим,
Разлучиться с семьей
и скитаться по странам чужим,
Встретив ту, что любил,
отвернуться со вздохом глухим.
Да о чем говорить!
Если дерево стало сухим —
Опадает листва, не отыщется тени под ним.

* * *

Самым худшим из проклятий
проклинала сына мать:
— Уходи в края чужие,
чтоб навек скитальцем стать,
С твердым камнем в изголовье
на песке ты будешь спать,
Встанешь рано и припомнишь
отчей кровли благодать.

* * *

Обидевший скитальца
пусть станет сам таким,
Пускай поймет, что значит
под небом жить чужим.
Хотя дождем там будешь
осыпан золотым —
Все будет вспоминаться
родных селений дым.

* * *

Яблоко портилось целый год
за пазухой, на груди,
Я оставался в своем селе,
не думал, что впереди.
Девушка с верхней улицы вдруг сказала:
— Ко мне приди,
Будешь всю ночь в объятьях моих,
а в край чужой не ходи.

* * *

Жалок тот, кто, имея
немало родных и семью,
Сам от них оторвался
и жизнь омрачает свою.
Все по праздникам вместе,
как будто в цветущем раю,
Он же сломанной веткой
иссохнет в пустынном краю.

* * *

Цари, князья, врата закона,
властители земли,
Вы, злых начальников поставив,
скрываетесь вдали.
Пришли к вам те, кого на горе,
на смерть вы обрекли.
Подумайте, они не к богу —
к вам с жалобой пришли!

* * *

Спросили мудреца:
— Скажи, ты знаешь или нет,
Зачем при теле душу дал творец,
создавший свет?
— Возможно, чтоб людей поднять
превыше зол и бед,
Иль душу в тело он вложил,
как в перстень самоцвет.

* * *

Я странствовал. Как в зеркале
увидел мир. И что ж?
Вернувшись, понял: по сердцу
в нем друга не найдешь.
С кем хлеб и соль разделишь ты,
с кем чашу разопьешь?
Так люди оклеветаны,
что правдой стала ложь.

* * *

У человека раз в руках
был камень драгоценный,
Пока он думал, как с ним быть,
пропал алмаз отменный.
Заплакал горько человек,
сражен судьбы изменой,
Но не имеет плач цены нигде
во всей вселенной.

* * *

Цари, султаны, все,
кому пришлось высоко сесть, —
Стоят рабы, стоят войска,
вам отдавая честь.
Законы грозные у вас,
повсюду ложь и лесть.
Чините свой неправый суд —
над вами высший есть!

* * *

Апельсинами, инжиром
радуют деревья в срок.
Без плодов красива ива,
но какой же в этом прок?
Часто любят молчаливо,
но какой же в этом прок?
Умереть любя не диво,
но какой же в этом прок?

* * *

От долгих раздумий
растут и печаль и забота,
И сахар не сладок,
и жжется вода отчего-то,
И таешь свечою,
страшась до холодного пота,
Жизнь так беспокойна, трудна,
что и жить неохота.

* * *

Приносит зло и белое
и красное вино.
С тех пор как стал я пьянствовать —
вокруг темным-темно.
Но видел и цепьющих я,
им счастья не дано:
Хоть по ночам работают —
нет денег все равно.

* * *

Невинным агнцем был рожден
я матерью моею
И вынут из купели был
жемчужины светлее.
Я вырос, грешником я стал,
погряз в грехах по шею.
Как это сделал сатана, —
понять не имею.

* * *

Запомни сказанное мной,
внимательно прослушай,
Совет мой в серьги преврати
и вдень скорее в уши:
С тем, кто болтает о тебе,
всегда держись посуше,
Стрелу метнувши, прячут лук
завистливые души.

* * *

Душа моя ушла из тела,
и горько плакал я:
— Душа, куда ты улетела?
В тебе вся жизнь моя.
— Я думала, что ты умнее,
безумна речь твоя,
Когда разрушен дом,
хозяин уходит из жилья.

* * *

Вот что мне в голову пришло,
спасибо мысли за приход:
Какое дело до невежд тому,
кого признал народ!
Похож невежда на огонь —
где упадет, там и сожжет,
А умный — чистая вода,
где ни пройдет — все зацветет.

* * *

Клеветы человеческой
пуще всего берегись.
Научи меня, господи,
как от нее мне спастись.
Лев бежит от злоречия,
прячется хищная рысь,
И орел поднимается
в неомраченную высь.

* * *

Бог, что создал людей для счастья,
не бросай меня в пламя страсти!
Ну, а бросишь, то все ж пожалей —
защити от другой напасти,
Огради от суда людей,
а не можешь — скорей убей,
Ибо, чем от позора пасть мне,
лучше пасть от руки твоей!

* * *

Не нужна ты мне, не нужна,
мне с тобой ни покоя, ни сна,
Обожгла ты меня стрелой
и осталась сама холодна.
Скажут мне: ты стала водою, —
пить не буду, губ не омою,
Словно та вода солона.
Если скажут: ты стала лозою, —
Не коснусь твоего вина.

* * *

Пред тобою я, мой желанный,
скатерть белую расстелю,
Куропатку с кожей румяной
соком сливовым оболью,
И напиток хмельной и пряный
из кувшина в две чаши налью.
Я надену наряд тонкотканый,
чтобы ты, как за дымкой туманной,
Видел белую грудь мою.

* * *

Как нам быть — все про нас говорят.
Разве грех, если мы полюбили,
Что ж наш рай превращают в ад?
Где появимся я ли, ты ли,
Вслед глядят, расточают яд.
В чем грешны мы, что преступили?
Полюбили мы, не убили,
что же люди от нас хотят?

* * *

Я по белому свету ходил
и мечтал, что раньше иль позже
Буду я красавице мил,
той, которой никто не пленил.
Зря потратил я столько сил,
ты лежала на чьем-то ложе,
Кто-то бросил тебя; и что же,
полюбив, я тебя подхватил!

* * *

Я ошибся, сроднился с грехом,
подрядился к любви пастухом.
Думал, будут радость и счастье
озарять меня ночью и днем.
Кровь и слезы глаза мне застыят,
сердце вечным горит огнем,
Счастья нет ни в любви, ни в страсти,
и, наверное, нет ни в чем.

* * *

Ты смеешься, ты все не со мною.
Но тебя я верну — погоди,
Окружу глухою стеною
и запру, словно сердце в груди!
И тогда снисхожденья не жди.
Я сожгу все мосты под луною,
Все мосты, что уже за спиною,
все мосты, что еще впереди!

* * *

Как завидую я лампадам:
то погаснут они, то горят.
Подожженный пламенным взглядом,
я горю много дней подряд.
Нет огню моему преграды,
погасить — он погаснет навряд.
Может быть, и стараться не надо,
пусть горит, жизнь мне хуже ада.
Догорю я — и кончится ад.

* * *

Белогрудая, в кофте белой,
по груди твоей нежной, незрелой
Я рукою легко скользнул,
я губами к губам прильнул.
И тогда вся земля опустела,
в небе замерли звезды несмело
И пронесся чуть слышный гул.
Поднял руки я: «Боже, сделай,
Чтобы я на груди этой белой
вечным сном блаженно уснул!»

* * *

Милый мой,
мне принесший зло,
Свет мой ясный,
быстрей — в седло.
Скройся прочь,
чтоб мое проклятье
Поразить тебя
не могло!

* * *

Ах, любовь,
с тобой пропадешь.
Ты мне в сердце вошла,
как нож.
Нож наткнулся на что-то,
согнулся,
И не вынешь,
не разогнешь.

* * *

Все опять началось сначала.
Подошла ты, слово сказала,
И пронзила меня стрела.
Разве мук моих было мало?
Или каменна ты, как скала?
«Я не каменна,— ты отвечала,—
Погляди, я какую стала.
Страсть твоя и меня сожгла».

* * *

Ты сказала, что любишь меня,
ты не знала, что губишь меня.
Ты пронзила мне грудь стрелой,
кровь сочится из раны моей.
Сжальтесь, юноши, надо мною,
если есть, отыщите скорей,
Позовите ко мне лекарей,
иль глаза я навеки закрою.
И тогда скажут люди с тоскою:
«Он погиб от любви своей!»

* * *

В эту ночь я блюла закон;
я спала на холодном ложе,
И луна, озарив небосклон,
одиноко дремала тоже.
И приснился мне сладкий сон:
тот явился, кто всех дороже,
Я проснулась, исчез и он.
Сны мгновенны, на явь похожи.

* * *

Я, как всякая птица, дика.
Я твоя, коль удержит рука.
А упустишь — в небе растаю
иль смешаюсь с чужою стаей,
Не узнаешь издалека.
В клетку вновь ты меня не заманишь,
Станешь ладить силок — не обманешь,
не боюсь твоего силка.

* * *

О горячка моя непреклонная,
день мой горький и ночь бессонная,
Где глаза, где щеки твои?
Сколько можно пытаться влюбленного?
Сколько можно сжигать сожженного?
От меня ты себя не таи,
Иль сама для меня, обреченного,
белый саван скорее скрой!

* * *

Что ты белые щеки румянишь,
что ты жжешь меня, что ты манишь?
Что вонзаешь мне в сердце нож?
То нечаянно в душу заглянешь,
То намеренно взгляд отведешь,
то сидишь ты, то вдруг привстанешь,
То вдруг пуговицу расстегнешь,
белой кожей блеснешь и ранишь.
Знаю, ты все равно обманешь —
навсегда от меня уйдешь.

* * *

Ловчий сокол я с красным кольцом,
ты — залетная голубица.
Я заметил твой след с трудом,
я ловлю — ты не хочешь ловиться.
Человеческим языком
говоришь ты: «Что зря трудиться?
Не охоться за мною днем,
будет ночь, я — ночная птица!»

* * *

— Что, бедняжка, ты так бледна?
Чем ты, бедная, удручена?
Разве друг твой погиб на чужбине
и осталась ты в мире одна?
— Нет, причина другая ныне
не дает мне покоя и сна.
Душу я потеряла в гордыне,
а такая кому я нужна?

* * *

Горы серые, серые скалы,
я любимого потеряла!
Эй, луга, где трава и цветы,
он на ваше ль не лег покрывало?
Эй, тропинки, дороги, мосты,
не прошел ли он здесь, как бывало?
Он ушел, я спала, не слыхала —
были сны мои слишком чисты!

* * *

Мы пылали с тобой огнем,
мы сгорали с тобой живьем.
Все прошло, ты узнать захотела,
что со мною стало потом?
Все случилось, как ты хотела,
что могло, все давно сгорело,
На костях моих нету тела,
есть лишь пепел в сердце моем.

* * *

Я в любви — как ребенок малый,
силой отнятый от груди.
Погляди, что со мною стало,
погоди уходить, пощади!
Ничего у меня не осталось,
только тьма теперь впереди.
Сделай мне хоть малую малость:
дай воды, мой огонь остуди!

* * *

Эх, глаза, мне бы выжечь вас
без пощады железом каленым,
Лучше тьма — мне не нужно глаз,
что на милого смотрят влюбленно.
Мне б язык отрезать тотчас,
чтобы слов не болтал затаенных.
Мне бы сердце пронзить сто раз,
Чтоб не билось оно исступленно,
Обреченно, как бьется сейчас.

* * *

Говорят, что любовь на земле
нам и горе приносит и радость,
В ней соседствуют, как в миндале,
горечь сладкая, горькая сладость.
В горький час я тебя полюбил,
мне любовь эта горькая в тягость.
Пожалей, больше нет моих сил,
дай познать мне сладость и радость.

* * *

Словно лавка в краю прекрасном
грудь твоя: там — и шелк и атлас,
Мне бы этим товаром красным,
став купцом, завладеть бы сейчас,
Чтоб лежать на шелке атласном,
не смыкать до рассвета глаз.

* * *

Сердцу жаловались глаза:
«В миг, когда ты трепещешь от счастья,
Нас горячая жжет слеза
и туманное облако застит!»
Отвечало сердце глазам:
Не лукавьте, в вашей я власти.
Ничего, что не нравится вам,
не внушает любви мне и страсти!»

* * *

Непослушным глазам своим,
как родитель, сказал непреклонно:
«Тленен мир, красота его — дым,
не смотрите на мир испуленно!»
«Горе нам с мудрецом таким,—
мне глаза отвечали смущенно,—
Лучше вовсе пусть будет слепым
Человек, что не смотрит влюбленно
Вслед красавицам молодым!»

* * *

О миндаль, над твоей головой
ветер дул и дожди проливались.
Ветви редкой покрыты листвою,
цвет опал, только ядра остались.
Помню я — в день рождения твой
ты рыдала, а все улыбались,
Так живи, чтобы в час роковой
ты б смеялась, а все убивались.

* * *

Говорят у нас горожане,
что замужних любить — не расчет.
Суесловить весь город станет,
стыд-позор на тебя падет.
А жена, что мужа обманет,
на свиданье украдкой придет
И тебя любить перестанет,
лишь замену тебе найдет.

* * *

Ради бога, что создал нас,
не играй своими бровями.
Пожалей и лучами глаз
не пронзай меня, как мечами.
Ради солнца, что светит над нами,
не ввергай мое сердце в пламя.
Сирота я и так, что ни час,
обливаюсь от боли слезами.

* * *

О царица, пусть будет воспета
мать, что в муках тебя родила,
Ни луна, ни другая планета
не светлей твоего чела.
Ты — звезда, что лишь в пору рассвета
блещет где-то во тьме облаков,
Темноту отделяя от света
там — у греческих берегов.

* * *

Где была ты, откуда пришла?
Если ты не посланница зла,
Отпусти меня, сделай милость!
Ты сожгла мое сердце дотла,
Ты в душе моей поселилась
и дороги назад не нашла,
В голове моей заблудилась
и моими слезами стекла.

* * *

Звезды, с неба сойдите прочь,
все равно мне — что день, что ночь!
Если есть от любви леченье,
пусть мне лекарь придет помочь.
Пусть поможет мне боль превозмочь,
облегчит, если может, мученье.

* * *

Нет пути ни назад, ни вперед —
я стою у твоих ворот,
От меня отказалась братья.
Пусть огонь, что не в силах унять я,
И тебя найдет и сожжет.
Ты открой мне свои объятия,
Или горе меня убьет,
И падет на тебя проклятье,
Божья кара тебя найдет.

* * *

Ты — ловушка моя, западня,
как хитро завлекла ты меня.
Ты лампы глаза засветила,
промелькнула, серьгами звеня.
Из жемчужин занавес сшила,
им от мира себя заслоня,
Ты пленила меня, покорила
и лишила светлого дня.

* * *

Я тебе надоел, ну что же!
Как прикажешь, тебе видней,
Твой покой моего дороже,
но любовь — что нам делать с ней?
Я уйду, и тебе, быть может,
станет легче на несколько дней,
Но потом тебя страх встревожит,
и тогда ты станешь умней.
Ты поймешь: на девичьем ложе
без меня еще холодней.

* * *

Было слышно: вода рокошет,
ветерок играет травой.
Но приятней всех звуков прочих
был мне голос моей дорогой.
Только тот, кто любит не очень,
может спать в час блаженный такой,
Сберегая для будущей ночи
поцелуй обдуманый свой.

* * *

Твердь небесная, твердь земная
просветлели от края до края.
Ты встречала рассвета знак,
из объятий моих ускользя.
Я молил, чтоб вернулся мрак,
говорил: «Погоди, дорогая».
Ты сказала: «Рассвет — наш враг!» —
и ушла, рукою махая.

* * *

Черноброва ты, тонкостанна,
лоб высокий, лицо румяно.
Белизну ты внутри несешь,
грудь твоя словно два шамама, —
Что ж припасть мне к ней не даешь?
Ведь и ты уйдешь в край туманный,
В край, куда красоты не возьмешь.
Почему ж при жизни так странно
Ты со мною себя ведешь!

* * *

В мире этом, где боль гнездится,
мне бы лучше совсем не родиться.
Но родился я и полюбил
ту, которой совсем не мил.
С жизнью я готов распроститься,
я кричу: «Больше нету сил!» —
Лишь смеется моя царица.
Боже, что на земле творится!
Гибну я, хоть еще не жил.

* * *

Боже, что от меня хотят?
Что чернят с головы до пят?
Я люблю тебя, дорогого,
что ж кольнуть меня все поровят?
Если так, — буду я другого,
всех я буду любить подряд.
И тогда пусть снова и снова
говорят, говорят, говорят!

* * *

Кто солгал нам, что под луной
нет нигде куропатки ручной?
Я одну увидел украдкой
и грущу о ней об одной.
Брови тонки, уста ее сладки,
а в глазах ее свет и зной.
Даже мертвого в жар лихорадки
может бросить, чтоб тот без оглядки
Шел за ней по дороге земной.

* * *

Мне б рубашкою стать льняною,
чтобы тело твое обтянуть,
Стать бы пуговкой золотою,
чтобы к шее твоей прильнуть.
Мне бы влагою стать хмельною
иль гранатовою водою,
Чтоб пролиться хоть каплей одною
на твою белоснежную грудь.

* * *

Ты — красива, ты — молода,
и твои поцелуи сладки,
Ты — как море, а море всегда
исцеляет от лихорадки.
Вот нырнуть, поплыть без оглядки
и вернуться скорей сюда,
В тень ресниц твоих, чтоб украдкой
задремать иль уснуть навсегда.

* * *

Ты вкусила запретный плод,
в рай закрыта тебе дорога.
Сын вороны, он впился в твой рот,
а на сокола смотришь ты строго.
И покоя мне не дает
день и ночь за тебя тревога.
Как ошибочен твой расчет,
как жеманство твое убого!

* * *

Мне пред тем, как совсем рассвело,
у тебя задремать случилось.
Шум на кровлю к нам донесло,
там строило под кровлей бранилось:
«Наша скромница осрамилась!» —
тут же с глаз моих сон смело.
Неужели и в дереве зло,
как в людских сердцах, затаилось?
Это дерево в роще росло, —
где злословию научилось?

* * *

Брови черные, грудь бела,
как безжалостна ты и зла!
Если я умру, пусть считают,
будто мать меня не родила.
Землю юноши покидают,
Чью дорогу ты перешла.
Иль не женщина ты земная,
а, как божья кара злая,
Ты на землю карать пришла?

* * *

Между каменных скал на весу
дом твой где-то построен в лесу.
Я проникнуть туда не сумею
и твою не увижу красу.
Я крылами орла завладею,
я себя до небес вознесу.

Окна, двери — все разнесу.
Ты, любимая, будешь моею,
Или я головы не снесу.

* * *

— Ты не яблоко ли багряное,
не пора ли тебя сорвать?
Но Евфрат — река окаянная
между мной и тобой опять.
— Милый мой, речь твою туманную
не могу я никак понять.
Я Евфрат перешла, как пьяная,
я мосты сожгла деревянные,
Больше нечего мне терять!

* * *

Пожалейте меня, ради бога,
как мне быть с этой страстью земной.
Я люблю, а моя недотрога
целоваться не хочет со мной.
Хоть решил я держать себя строго,
встречусь с милой — горю, как шальной.
Пусть щедрей она будет немного,
жизнь не ждет, все пройдет под луной...

* * *

Лишь глазами ты поведешь —
и меня залучишь ты в сети.
Ты кивнешь мне, и бросишь в дрожь,
и пройдешь, как проходит ветер.
Как мне жить, на кого я похож?
Ты за участь мою в ответе.
Если ты ко мне не придешь,
что мне делать на этом свете?

* * *

Стан твой тонок, ты высока,
как тростиночка ты гибка,
Говорят, что вода живая
наподобие родника

Из груди твоей бьет, исцеляя
всех, кто выпьет хоть полглотка.
Счастлив тот, кто пьет, припадая
к бугорку твоего соска!

* * *

Ты — жемчужина, ты — светла,
сколько горя ты мне принесла!
Что с тобою — не знаю — будет:
мать родная тебя продала.
Пусть в армянском краю осудят
ту, что в муках тебя родила.
В землях греков пусть знают люди,
как ничтожна она и зла.

* * *

На земле, где мы все живем,
только ангела смерти дом
Пусть провалится, испепелится,
пусть хозяин погибнет в нем.
Стоит с кем-нибудь мне слюбиться,
ангел смерти, как злая птица,
Над любимым парит челом.
Я предвижу: скоро случится —
Надо мной он будет кружиться
и накроет своим крылом.

* * *

Дорогая, однажды тайком
темной ночью проник я в твой дом.
Целовал тебя — ты улыбалась,
ты спала слишком крепким сном
Или спящей только казалась —
для меня это тайной осталось;
Но я часто думал потом,
что ты спящею притворялась
И боялась признаться в том.

* * *

Я люблю, я сделал чернила,
сделал краску из серебра
И на руку твой образ милый
я нанес острием пера.
По ночам я к портрету милой
прижимаюсь, как к жару костра.
Только это дает мне силы
дотерпеть и дожить до утра.

* * *

Зреет яблоня на пригорке,
греет солнце ее сквозь туман,
Чтоб полить, принесу в ведерке
я воды из реки Иордан.
Буду холить, следить буду зорко,
чтоб мои не пропали труды,
Чтоб случилось однажды на зорьке
мне сорвать дорогие плоды.

* * *

Ты и яблоко, и цветок,
ждал, терпел я, покуда мог,
Но приходит конец терпенью,
нету силы, я сердце сжег.
Твой обман — для меня мученье,
знай: обман — это грех и порок.
И за все твои прегрешенья
от тебя отвернется бог.

* * *

Это яблоко красно-бело,
но рукой его не сорвешь,
Налилось оно и созрело,
но колючки вонзаются в тело,
Даже близко не подойдешь.
Стану воином, выйду я смело,
Обрублю все колючки сплошь.
Зрелый плод пригублю умело,
А потом что с меня возьмешь?

* * *

Горько мне, я горю в огне,
если солнцу сказать обо мне,
Может солнце навек закатиться.
Обо мне расскажите луне —
Если даже с ней что-то случится,
хоть померкнет луна в вышине —
Через месяц она обновится.

* * *

Там старушка живет у нас,
каждый шорох слышит слепая,
Ей еще бы ослепнуть раз
иль оглохнуть, чтобы глухая
Не учуяла бы сейчас,
как мой милый крадется, не зная,
Что старушка живет у нас.

* * *

Чахну, чахну который день я.
Нет в судьбе моей просветленья.
Ты хоть яблок мне принеси,
перед ложем склонись на колени,
О болезни моей расспроси.
Ты — болезнь моя и мученье,
Ты — и лекарь мой и лечение,
излечи меня, воскреси!

* * *

Пусть завидуют все кругом:
нынче милый придет в мой дом.
Он придет и в сердце моем
разожжет иль погасит пламя.
Я друзей позову потом,
чтоб они пировали с нами.
Море сделаю я вином,
чаши винные — кораблями.

* * *

Ты ль не вырезана из лоз
виноградника белого?
Не из самых ли лучших роз
твое личико сделано?
Не боюсь я ничьих угроз,
я с тобою смелее смелого.
Будь турчанкой, и то б вознес
я тебя выше мира целого.

* * *

На любимую бросьте взгляд —
как к лицу наряд ей зеленый!
На всех пуговицах подряд
отблеск звездных лучей зеленый.
Обнялись и вошли мы в сад,
там петляет ручей зеленый.
Там большие деревья стоят,
цвет листвы и ветвей — зеленый.

* * *

Как исправить мне глупость свою?
Полюбил дочь змеи — змею.
Жизнь свою я змее доверил,
яд змеиный теперь я пью.
Я стою у запертой двери,
мать-змея жалит душу мою.
Чем обиду мою измерить?
Жалок тот, кто любит змею.

* * *

Скуп отец твой, жених жесток,
силой взял тебя в свой чертог.
Реки слез соседи пролили,
я — и реку слез, и приток.
Я догнал бы тебя, если мог,
силой обнял тебя разок,
А потом бы мы губы слили
по согласию, видит бог.

* * *

Спой мне песню, о спутник мой,
скрась мне горе в дороге длинной,
Спой про месяц мне молодой,
спой о ратных делах старинных.
Но о милой моей не пой,
хоть ни в чем она не повинна.
Странник я на земле чужой,
а у странников сердце пустынно.

* * *

Боль и радость в сердце моем,
я люблю тебя, дорогую.
Нет нам счастья, давай уйдем
поскорее в страну другую.
Будем жить мы с тобой вдвоем,
позабудем тревогу слепую.
Все оставим: и отчий дом,
и врагов, и молву людскую.

* * *

Уходя, я прошу: «Бога ради,
не забудь заветчанье мое,
Вспоминай со слезою во взгляде,
как любил я тебя горячо.
Я с тобою прощаюсь и, глядя
в даль дороги, прошу я еще:
Дай с собою мне краешек пряди,
что упала тебе на плечо».

* * *

Не уедешь ты, это — ложь,
это просто судачат люди.
Лучше в сердце вонзи мне нож,
и никто тебя не осудит.
Если в край ты чужой уйдешь,
все равно ты меня убьешь.
И тогда чей взгляд тебя будет
в грех вводить и бросать тебя в дрожь?
Где такие белые груди
ты на свете еще найдешь?

* * *
Чье легло на меня проклятье?
Должен край родной покидать я.
Выйди, путь мой благослови.
Только год прошу тебя ждать я.
Год молись и меня зови!
Возвращусь я — кинься в объятья,
Не вернусь я — черное платье
сшей себе в знак погибшей любви!

* * *
Что я, глупая, совершила,
проводила, кого любила,
На дорогу сама повела
и ущельям его поручила.
И казалось, черная сила
от меня его оторвала.
Сколько раз я судьбу молила,
чтоб его оградила от зла.
Что я, глупая, сотворила?
Сколько слез я потом пролила!

* * *
Стал ручьем я по воле божьей,
Я по землям чужим бегу.
Я ищу на тебя похожих
и найти никак не могу.
Коль найду — полюблю, быть может,
не найду на своем веку —
Выйду я из тесного ложа,
кровью красною истеку.

* * *
— Мы недавно видели сами,
твой любимый в Алеппо живет.
Он глаза свои сделал весами,
сделал брови свои рычагами,
Белый сахар он продает.
И красавиц, до сахара падких,
Он к лотку своему зовет,
Он за сладость берет то, что сладко,
Поцелуи за сахар берет.

* * *
В плен меня увезли, мой брат,
возвратили, а я не рад.
Здесь в темницу меня поместили,
милой отдали под пригляд.
На железный замок закрыли,
ключ зарыли, как тайный клад.
Кузнецов на земле ослепили,
ни вперед мне пути, ни назад.

* * *
Не могу я с тобой расстаться,
на пути твоём встану стеной.
Скажешь: «Я не могу остаться», —
и уйдешь, распростишься со мной.
О мой милый, года промчатся,
будет в мире и холод и зной,
Будет сердце твое сжиматься,
по земле терзаться родной.

* * *
Я выше тучи грозовой,
и не опасна мне стрела.
Не страшен даже молот мне,
перед людьми я — как скала.
Поди возьми ливанский кедр,
когда тебе я так мила,
И, словно лук, согни его,
чтоб я тебя любить могла.

* * *
Из дому выйди поскорей
и всю вселенную согрей!
Как будто молнии в ночи
от солнечной груди твоей.
Тобою бредит иерей.
Бежит он прочь от алтарей.
Я сам забыл родимый дом,
тоскуя у твоих дверей.

* * *

Как только родилась любовь,
она вошла в меня, и вот
Во всей вселенной разлилась,
всех побеждая в свой черед.
В душе моей любовь с тех пор
воздвигла вечный свой оплот.
Любовь хотела слез моих,
не слезы — кровь из глаз течет.

* * *

Всем сердцем, всей моей душой
услышал я во сне:
Ночная птица про любовь
запела в тишине.
И сердце дрогнуло в груди.
Казалось, при луне
Моя любимая поет,
узнав, как больно мне.

* * *

Как сладок этот поцелуй,
дарованный моим устам!
Он слаще всех земных плодов.
Весь мир я за него отдам.
Адам сорвал запретный плод.
Из рая изгнан был Адам.
Мой рай — в объятиях твоих,
и не бывать мне больше там.

* * *

Краснеет облако вдали
от солнечных лучей,
И мне ли, грешной, не краснеть,
вкусив любви твоей!
Прельщать не нужно мне других.
Ты — свет моих очей.
Чем горячей моя любовь,
тем слезы горячей.

* * *

Я ночью был не трезв, не пьян,
шагал я ночью наугад
И встретил милую мою.
У милой грудь как будто сад.
Я только руку протянул.
Плоды потрогать был я рад.
Не верьте ей, друзья мои,
я в грабеже не виноват!

* * *

Пришла ты поздно за водой.
Я помню: ночь была темна,
Когда в родник с груди твоей
скатилась полная луна.
Как я завидую теперь
тому, в кого ты влюблена,
Кто губы целовал твои
в твоих объятиях допоздна!

* * *

Трепещет сердце от любви,
как одинокий лист в саду.
Как ливень, слезы по щекам.
Попал, безумец, я в беду.
Меня покинула душа.
Из-за тебя я как в аду.
С тобою мы — едина плоть.
Куда я без тебя пойду?

* * *

«Подобна храму грудь твоя,
лампады в нем — твои соски.
Их зажигать бы мне весь век!
Тогда не знал бы я тоски».
«Юнцы, подобные тебе,
от прилежанья далеки.
Мой храм оставишь в темноте
своим обетам вопреки».

* * *

Я, словно ладан, побледнел,
и пожелтел я, как шафран.
Любовь моя и смерть моя!
Сразил меня твой стройный стан.
Мое лекарство — ты одна,
мой эликсир и мой дурман.
Тебя в убийстве обвинят,
когда умру от этих ран.

* * *

Я думал, ты грустишь по мне,
я навестил тебя, и вот
Сдается мне, что здесь меня
никто не помнит и не ждет.
Ну что ж, не хмурься, не сердись!
Не нужно день считать за год.
Пришел я и опять уйду,
когда не в пору мой приход.

* * *

Дурнушку вздумал я просить:
«Поцеловала бы меня!»
И подняла дурнушка крик:
«Позорят среди бела дня!»
Кричит красавица в окно:
«К чему пустая болтовня!
Люби красивых, молодец!
Дурнушек бойся, как огня!»

* * *

Мне месяц ясный говорит:
«Не правда ли, похож
Я на гариба твоего?»
«Нет, месяц, это ложь!
Он, чернобровый мой гариб,
собою так хорош!
От золотых его усов
очей не оторвешь».

* * *

Я персиковый саженец.
Не для моих корней
Земля возделанных долин —
Утесы мне родней.
Щербетом поят здесь внизу.
Расти мне все трудней.
Испить бы снеговой воды
среди родных камней!

* * *

Уйду куда глаза глядят.
В скитаньях я неутомим.
Не Палестина цель моя,
не Византия и не Рим.
Услышишь, где я, так не верь!
Всегда в дороге пилигрим,
Любые цепи разорвав,
найду я путь к дверям твоим.

* * *

Испепеляют, жгут, палят...
Спасенья нет от этих глаз!
Они разрушить бы могли
до основания Шираз.
Сияет солнце не для тех,
кто в них заглядывал хоть раз.
Дамаск, Алеппо, целый мир
томится по тебе сейчас!

* * *

Тебя всевышний создал бог.
Благословен творец!
Твоим родителям — хвала!
Ты — солнце для сердец.
Всем духовенством осужден
духовный твой отец.
Он запретил тебе любить.
И мне пришел конец.

* * *

Я вышел рано поутру,
и мне в лицо ударил свет —
Луна и солнце заодно.
«Люблю тебя!» — я крикнул вслед.
И, закусив себе губу,
она промолвила в ответ:
«Люби не вслух, а про себя,
чтобы не сплетничал сосед!»

* * *

Отпустишь ли ты мне грехи,
заступник мой, Давид-пророк?
Мой величайший грех — любовь.
Не будь ко мне ты слишком строг!
Когда любимая моя
на твой вступила бы порог,
Днем пел бы ты свои псалмы,
а ночью сам бы с нею лег.

* * *

Художник обмер, написав
одну-единственную бровь.
Взглянул прохожий и поник:
остановилась в жилах кровь.
Так что же делать мне тогда?
Ведь сотворил мою любовь
Не живописец, а господь.
Влюбленного ты не злословь!

* * *

Эти волосы, брови и взгляд!
Умереть я за них был бы рад.
Пусть тебя лихорадит всю ночь,
если ты не придешь ко мне в сад.
А придешь — и щекою к щеке
я прильну, чтоб печали помочь,
Чтоб дыханье твое ощутить
у себя на душе в эту ночь.

* * *

Я — очи, а ты — мой свет,
что без света очи узрят?
Я — рыба, а ты — ручей,
как же рыбе жить без ручья?
Но рыба в любом ручье
будет жить, была бы вода,
А если вдруг нас с тобой
разлучат — умру без тебя.

* * *

Взошла со звездой луна,
чтоб на небе ночью сиять.
Красавицу обнял я,
в щечки стал ее целовать.
И молвил тогда Творец:
«Бойся милую потерять,
Под этой луной таких
двух красавиц мне не создать».

* * *

По улице шел я раз,
вижу — дверь распахнута в дом,
Решил заглянуть — смотрю:
моя милая за столом,
Стоит на столе, пенясь,
перед любимой чаша с вином,
— О, выпей ее до дна,
Я тогда признаюсь во всем.

Неизвестный поэт
XIV-нач. XV в.

ПЕСНЯ О ТЕР-СТЕПАНОСЕ, ЕПИСКОПЕ СЮНИКСКОМ*

Благословен Творец, и дух святой свободный,
И бог-отец, и сын его единородный.

О Степаносе я спою вам песню ныне,
О славных днях его и горестной кончине.

Адама сотворил Творец несотворенный
И прочь изгнал за грех, Адамом совершенный.

Адама искушал злой дух своею ложью.
«Съешь плод,— он предлагал,— и станешь богом тоже!»

Но кто поколебал сомненьем и наветом
Того, кем Степанос рожден на свете этом?

Посланец сатаны коварным пустословьем
Внушил отцу, что сын его возжаждал крови.

Отец сказал с тоской: «Я верю, да не очень,
Что сын мой дорогой отцовской крови хочет!»

Не верю я словам, не жажду я отмщенья,
Я почитаю сан: мой сын — первосвященник!»

* Сюник — область в древней и средневековой Армении.

Посланец Сатаны сказал: «Я кровь удвою,
Не повелишь убить, падет твой сын с тобою!»

Отец ответил: «Нет, кровь не должна пролиться.
Ты будешь сам ответ держать пред Тайновидцем».

Кровь пролита была, но нет от Бога тайн,
Кровь к небу возвала, как та, что пролил Каин:

Был светел Степанос, и лик его негневный
Подобен был луне четырнадцатидневной,

И глубина очей сходна была с морями,
Свет глаз — с огнем свечей, горящими во храме.

Извилистая бровь была на свод похожа
Над главным алтарем в пресветлом храме божьем.

Его багровый рот, благое рекший слово,
Похож был на сосуд для таинства святого.

Отцвел он, как цветок; что было красно-бело,
Увяло все не в срок и, сникнув, пожелтело.

Он украшеньем был сюникского чертога,
Он правил и судил согласно слову Бога.

Сказали: «Мать, твой сын сегодня возвратится,
Ты кровь и пот со лба сотри ему десницей!»

Мать сына в тишине ждала, и, злополучный,
Он въехал на коне, не верховом, а вьючном.

Сказали: «Вот твой сын!» — и дали ей, несчастной,
Его главу в подол, от крови сына красный.

И обнимала мать сыночка, как бывало,
Свой рот к губам его кровавым прижимала.

«О Боже, был мне сын и пастырь, и наследник,
Он у меня один: и первый, и последний,

Поник он, как цветок, что было красно-бело,
Увяло все не в срок и, сникнув, пожелтело.
О солнце в небесах, зачем ты всходишь ныне,
Когда, от слез черна, терзаюсь я о сыне».
И, горько плача, мать молила и молилась,
Чтоб наказал господь край, где беда случилась!
И пламя вдруг вдали зажглось в Ехегнадзоре,
Всем людям той земли неся беду и горе!

Памятные записи

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ XIV ВЕКА, ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ ПЕРЕПИСЧИКУ БИБЛИИ МХИТАРУ АНЕЦИ

С надеждой буду я молиться —
Пусть, господи, мой век продлится,
Пока сей труд не завершит
Его последняя страница.

Аваг * дозволил украшенья —
Хораны **, буквицы, тисненья —
Мне на листах расположить
По собственному разуменью.

Чтоб на поверхность переплета
Легла узором позолота,
Чтоб жизнь ничтожную мою
Увековечила работа.

Когда-то я не знал печали,
Меня грехи одолевали.
Был молод, мысли о душе
Мой грешный ум не занимали.

Теперь, когда дряхлеет тело
И даже зренье помутнело, —

* Аваг — заказчик рукописи.

** Хоран — миниатюрное украшение в начале рукописных евангелий.

Я взялся за великий труд
И, помолившись, начал дело.

Сей труд нелегкий, но прекрасный
Не терпит суеты напрасной,
И требует терпенья он
Вдали от суетности празднои.

За труд сей взялся непомерный
Я, скудомудрый, неусердный,
Повинный в мерзости мирской,
Запятнанный земною скверной.

Но мне, познавшему сомненье,
Святое было озаренье:
Бездетный старец, понял я —
Лишь в сем труде мое продленье.

Святая братия достанет
Мой труд, когда меня не станет,
Укором или же хвалой,
Несчастливого, меня помянет.

Я умоляю: ради бога,
Суди, читающий, не строго,
Хоть, может быть, в труде моем
Помарок и ошибок много.

Свой долг я исполнял с любовью.
И ты не подвергай злословью
Труд безымянного писца,
Писавшего своею кровью.

Читающий пусть не смеется
Ошибке, что в строках найдется,
Пусть он заглянет в душу мне
И в сердце, что уже не бьется.

Я дряхл, дрожит моя десница.
Смерть в келию мою стучится.
И мучает меня печаль,
Что этот труд не завершится.

О боже, прояви заботу,
Продли мой век, ускорь работу,
Преодолеть мне помоги
Недуг мой и мою дремоту.

Я чувствую: уходит сила.
Жара мне тело разморила,
И вьются мухи надо мной,
И сохнут в пузырьке чернила.

Мой труд я совершал любовно.
Лишь немощь старика виновна
В том, что дрожит моя рука,
В том, что строка лежит неровно.

Я чуда жду и озаренья.
Вернется ль мне бывшее зренье
Хотя б на миг, чтоб увидеть
Моей работы завершенье.

Я слаб, мне все дается трудно.
Но все ж надеюсь я подспудно,
Что приведу я к берегам
Свое ветшающее судно.

Моли, о дева пресвятая,
Моя заступница благая,
Чтобы исполнил Иисус
То, что прошу я, умирая.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ XIV ВЕКА, ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ ПЕРЕПИСЧИКУ ОВАНУ

Кровью горячею сердце облілось,
Перед глазами все вдруг помутилось.
Сына любимого смерть унесла,
Кара господня над нами свершилась!

Видимо, были мои прегрешенья
Слишком велики, и вот — искупленье.
Сын мой любимый — в холодной земле,
Той, по которой хожу я в смятенъе.

Сын мой — мое утешенье земное,
Очи застлало твои пеленою,
Голос поныне мне слышится твой,
Будто живой ты стоишь предо мною!

Сын мой любимый ночами мне снится.
Мне он свою простирает десницу.
Господи боже, прости мне мой грех,—
С волей твоей не могу примириться.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ XV ВЕКА

Пусть возопит истошный глас
О том, как попирают нас,
Как безграничны наши беды,
Как нас господь обрек страдать,
Как в руки чужеземцев предал,
Пустил на нас чужую рать;
Как храмы наши оскверняют,
Как духовенство унижают,
Как зажимают нам уста,
Как милосердного Христа
Вновь нечестивцы распинают.

Но, попираемы врагами
И злобно втоптаные в грязь,
Не престаем грешить мы сами,
Господня гнева не страшась.
Мы грешники, и не за то ли,
Прельстившихся стезею зла,
Всеправедная божья воля
Нас на погибель обрекла?

И, христиане, горсткой праха
Мы стали, мы идем во мглу
По злобой воле падишаха
Хасана-Бека Ак-Кюнлу.
Явились сборщики налога,
Не почитающие бога,
Пришли, чтоб с каждой взять души
Сколь можно серебра иль злата,
А с тех из нас, что небогаты,
Содрать хоть медные гроши.

Святыни наши осквернили,
Нас знаком синим заклеямили,
Хараджем обложили всех,
И подчинили нас жестоко
Законам своего пророка
И наши ввергли души в грех!

Всего мы лишены сегодня:
В церквах армянских городов
Умолкнул звон колоколов —
Предвестие суда господня.

Господь нас, грешных, покарал,
Насильников в наш край наслал,
Несчастных, ввергнув нас в беду,
От своего отринув лона
В злосчастном нынешнем году,
Что под созвездьем Скорпиона.

Мучитель наш, султан Хасан,
Горазд в деяньях беззаконных,
Собрал, повел на Гуржистан*
Сто тысяч пеших войск и конных.

Тепхис** в руины превратил,
Разрушил все, что было свято,
Изгнал правителя Баграта
И кровь обильную пролил.

И пали каменные стены.
Всех бед людских не описать.
И никому не сосчитать
Замученных и убиенных.

* Гуржистан — Грузия.
** Тепхис — Тифлис (ныне Тбилиси).

Арақел Сюнеци

«АДАМОВА КНИГА»

(Из главы II)

Об убранстве прародителей и рая

Как описать мне прелесть рая?
Не может быть прекрасней края.
Как солнце и луна сверкая,
Цветок там каждый расцветал.

Лицо Адамово лучилось,
В нем отражалась божья милость,
Оно сверкало и светилось,
И райский свет на нем играл.

Оно сияньем озарялось;
В нем солнце так преображалось,
Что солнцем и лицо казалось.
Бессмертья свет на нем блистал.

Адам, сияньем осененный,
Был неземным ростком зеленым.
Он был цветком поворожденным,
Он свет бессмертья источал.

Своим блаженством восхищенный,
Душой и мыслью просветленный,

Как на свету алмаз граненый,
Сияньем божьим он сиял.

Под сенью райского предела
Сливался свет души и тела,
Душа сияньем пламенела,
И свет сей тело озарял.

Над ним господь был вездесущий,
Под ним шумели рая кущи,
Глядел Адам на мир цветущий
И божью милость восславлял.

Благоуханную обитель
Оглядывал наш прародитель.
Он, опьяненный райский житель,
Благие запахи вдыхал.

Он любовался этим краем,
Он пел, он упивался раем.
Что сам он был неувядаем,
Наш прародитель понимал.

Он к божьей славе приобщался,
Любви сияньем упивался,
Восторг его из сердца рвался
И благодарностью звучал.

Сияли чудным озареньем
Творец и тот, кто был твореньем.
Над каждой тварью и растеньем
Дух целомудрия витал.

Цветы, казалось, пламенели;
И сонмы ангельские пели,
Они пьянили и пьянели,
Сливаясь в радостный хорал.

И может, божеская милость
В том благодатно проявилась,
Что самому Адаму мнилось:
И он сиянье излучал.

Сомнением поздним не тревожим,
Адам на бога был похожим,
И, будучи подобьем божьим,
В себе он бога ощущал.

**ПЛАЧ О НЕИЗБЕЖНОЙ КОНЧИНЕ, О ПУТИ ДУШИ
И БОРЬБЕ ЕЕ СО ЗЛЫМИ ДУХАМИ**

Из главы V

Не избежать и мне сего удела:
Душа моя отринется от тела
И пустится в тот страшный, без предела
Далекий путь неведомо куда.

Обступят душу сонмы бесов разных,
Ужасных сутью, ликом безобразных,
Еще страшней сомнений тех опасных,
Что бесы мне внушали иногда.

Душа моя окажется в их власти,
Сулящей ей лишь беды и напасти,
И душу раздерут мою на части,
Чтоб ей пропасть, исчезнуть без следа.

Те бесы с адской злобою во взгляде
Начнут огонь вздувать и крючья ладить,
Кружиться станут спереди и сзади,
Повсюду — слева, справа — вот беда!

В том мире тесном, мире помрачневшем
Придется худо душам отлетевшим,
Стыдом отягощенным, многогрешным,
Не ждавшим в жизни Страшного суда.

И, проявив бесовское старанье,
Припомнят бесы все мои деянья
И станут мне готовить наказанье,
Для коего и брошен я сюда.

Но перед тем, как дьявол завладеет
Моей душой, как телом Моисея,
Быть может, скажет ангел, мрак рассея:
«Господь его прощает навсегда!»

МОЛИТВА

Горы в цветах — волшебный цвет,
Как фимиам, цветов привет;
Так ярко льешь ты славы свет,
Белей тебя и снега нет.

* * *

Дух мирры ты, ты дух цветов,
Ты слаще всех земных плодов.
Ты розы куст, что без шипов,
Любви побег, что цвезть готов.

* * *

О яр, узрев твою красу,
Как лилия, я расцвету,
Зажгусь огнем я весь в свету,
Паду без чувств я в пустоту.

* * *

Заря любви и благодать,
Позволь в уста поцеловать.
Где будешь ты благоухать,
Хочу тебя сопровождать.

* * *

Любовью полн, меня лобзай,
Хотя б одно лобзанье дай,
Чтобы душе открылся рай,
Вино груди твоей вливай.

* * *

Меня белит, как горы снег,
С тех пор как я — причастник нег,
Душа моя, ликуй вовек.
Роса бежит с открытых век.

* * *

Не знают сна мои глаза,
Как грянула любви гроза,
Я землю ем, как хлеб, грызя,
Водю служит мне слеза.

* * *

О, только в сад я твой вошел,
Как древо там твое нашел,
Вкусив плоды, я в нем обрел,
Усладу дум средь дальних дол.

* * *

Пошли, о нард, пошли шафран,
В нем аромат священный дан,
Чтоб я был светом осияв
И вечно б был ты духом пьян.

* * *

Рыскающий зверь, в полях брожу
И все цветка не нахожу.
Пускай твой лик я услежу,
Чтоб душу усмирить свою.

* * *

Томлюсь я ночь, и сна мне нет,
Спокойствия пропал и след.
Владеет мной безумный бред,
Я страстью полн к тебе, о свет.

* * *

Уединен и замкнут сад,
Где ты цветешь среди оград,
О дивный лик, я сотни крат
Твоим лобзаньям был бы рад.

* * *

Хоть обхожу я белый свет,
Котлом киплю в течение лет.
Тобою полн, небесный свет,
И все любви исхода нет.

* * *

Что пламенем, я весь сожжен,
Тоской к тебе изнеможен.
Пускай потоп опять решен,—
Огня залить не в силах он.

* * *

Шумя огнем, велит мне страсть
Лобзаний тех изведать власть.
О, дай к груди твоей припасть,
Где молока и меда сладость.

* * *

Щедрот твоих мы все хотим,
Раскрыв сердца, мы все стоим,—
Когда ж себя мы предадим
Лобзаньям живым твоим?

* * *

Я жертвой стал любви меча,
Расплавился я, как свеча,
Я изнемог, цветку крича:
«Возьми любовь, что горяча!»

* * *

Эдемскую взрывая тишь,
Зову: «Меня ль любви лишишь?
Ты к славе слав еще взлетишь,
Коль страсть мою ты утолишь».

Ованес Тлкуранци

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

В сиянии сидела ты
Подобной солнцу красоты;
Похожа на прекрасный сад,
Где роз и лилий аромат
Цветы лучистые струят.

Твой взор — как гладь морских валов,
А брови — сумрак облаков;
Меж тонких губ ряды зубов
Блестят, как нити жемчугов.

Монахи, встретившись с тобой,
О книге позабыв святой,
Дрожат всем телом в летний зной,
Зима ж им кажется весной.

С тобой вступить могу ль я в спор?
Любовью твердь ты плавишь гор,
Ты крепостей крушишь затвор,
Ты скалы мчишь в морской простор.

Безумец бедный, Ованес!
Ты пел златой ковчег чудес,
Чтоб, по суду благих небес,
Червь тело грыз, а душу — бес!

ЛИК ТВОЙ — СОЛНЦЕ

Лик твой — солнце, и не мудроно,
Что тобою все озарено.
Любишь иль не любишь — все равно
От любви мне гибнуть суждено.

Только что стояла здесь скала,
Ты прошла — взглянула и сожгла.
Гибнем, но не замечаем зла
Мы, чьи души сожжены дотла.

Дочери иной, тебе под стать,
Не могла родить другая мать,
Взор твой излучает благодать,
Божья на лице твоём печать.

Лоб твой ослепляет белизной,
Губы — словно алый мак весной,
С чем сравнить мне лик твой неземной?
Ты подобна лишь себе одной!

Я стораю; больше нету сил;
Я за то страдаю, что грешил.
Чудо из чудес господь свершил:
Он тебя из праха сотворил.

Плачу я — безумный Ованес,
Я стораю, мой покой исчез.
Ты — огонь мой, ты — мое страданье,
Кара, посланная мне с небес!

ВСТРЕТИЛ Я КРАСАВИЦУ НЕЖДАННО

Встретил я красавицу нежданно.
Глянув на пылавшие уста,
Замер я и рухнул бездыханно,
Понял: без нее земля пуста.

Я такое увидел впервые.
Очи — словно волны голубые,
Волосы — как нити золотые,
Брови — ночи зимней чернота.

Светел мир ее лишь благодатью,
Я пленен ее лицом и статью.
Душу за нее готов отдать я,
Столь она прекрасна и чиста.

И, когда мы встретились глазами,
Как свечу, меня спалило пламя.
Обезумев, я на месте замер,
Ибо понял: я ей — не чета.

Ованес, не стоило влюбляться:
Наши дни не долго в мире длятся,
Чаще вспоминай, чтоб исцеляться,
Что не вечна в мире красота.

НЕ УБЕЙ МЕНЯ, ЛЮБОВЬ

Ты пышный цветник, ты, как роза, горда.
Глаза — морей опьяненных вода.
Грудь — сад плодовой. Скрыться куда?
Ты грозный судья, и жду я суда.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Сильнее креста твоя благодать,
Я сил не найду с тобой совладать.
Земля ты иль пламя? Рядом сядь.
Я болен — и вот здоров я опять.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

И стыд позабыт. Священник, монах,
И вам не спастись — настигнет впотьмах,
Нарушит ваш сон любовь. Где же страх?
Смеется, злословит народ — все прах.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

О, ты молоко, и миндаль, и мед.
Пускай острый шип глаза разорвет
Тому, кто тебя не чтит. О разлет
Бровей! Кипарис, пронзающий свод.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Как бабочка, опален я огнем.
Ты солнечный лик, пылающий днем.
Когда остаюсь с тобой вдвоем,
Дрожу, и смятенье в сердце моем.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Я светлый твой лоб сравню со звездой.
Шамам — твоя грудь, адем золотой.
О яблоки щек, коль сахар со мной,
То и на Мысыр махну я рукой.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

За твой поцелуй отдам Хоросан,
Абаш и Дели, Емен, Индостан.
Цена твоих кос — Китай и Яздан,
Стамбул и Хата — все обилие стран.
О Тлжуранци, все сказал ты пока,
Ведь ум твой легче крыла мотылька.

ПЕСНЯ ОВАНЕСА О ЛЮБВИ

Я гибну! Сжался надо мной! Любовь сказала: умирай!
Возьми же заступ золотой и мне могилу ископай.
Пусть на костре сожгут меня: душа, стена, взлетит огнем.
Кто не знавал сего огня? И сушь и зелень гибнет в нем.
Мой бедный прах вином омыв, пускай певец над ним
споет,

Как в саван, в листья положив, в саду весеннем погребет.
Жестокая! Глаза твои учить могли бы палачей,
Ты всех влечешь в тюрьму любви, и бойня — камни
перед ней!

О! сердце ты мое сожгла, чтоб углем брови подвести.
О! кровь мою ты пролила, чтоб алый сок для ног найти.
Кидайте яблоки в меня! — я нежным ранен языком,
Я пленник твой! Мой дух, пьяня, ты поишь сладостным
вином.

Мне нынче ночью снился сон, что на куски я разнесен:
Зверье сосало кровь мою, мой труп достался воронью.
Льва надо мной зияла пасть; и все струилась кровь моя...
Твоя искала крови страсть, — являйся, жажды не тая.
Землей, что топчет удалец, клянусь: во мне душа — одна!

Меня сожгла ты! наконец, пей кровь мою взамен вина!
С моей главы на сердце вдруг упали клубы черных туч,
Желчь разлилась, туман вокруг, а слез поток — кровав
и жгут.

Мы ели за одним столом, из кубка пили одного,
Садилась вместе, шли вдвоем, ах! что осталось от того!
Свои слова и свой обет ты помнишь? Им свидетель — бог!
Теперь меж нами связи нет, все зложелатель перевозит.
За зло пусть бог заплатит злом, чтоб враг мог зло свое

И добрым пусть воздаст добром, чтоб вновь двоим с
испить,
Да мне укажет бог пути! Деревья зацветут в лесах,
тобой нам быть.

И древу сердца вновь цвести, и вновь пернатым петь
в ветвях!
Безумный Ованес! терпи, работай, полно унывать!
Надеждой твердой дух крепи: она придет — вновь
целовать!

* * *

Земля подобна раю стала
По мановению творца,
Чьей благодати нет конца,
Чьей благодати нет начала.

Коснулась божья рука
Листа, и ветви, и цветка,
В горах замерзшая река
Оттаяла и зажурчала.

Идут коровы со двора,
Пастись в лугах пришла пора.
Резвится, пляшет детвора,
Как ей по возрасту пристало.

Юнцы влюбленные стоят,
Вослед красавицам глядят,
Но те не ловят жаркий взгляд,
Не смотрят на кого попало.

Вернулись птицы в свой приют
И хлопотливо гнезда вьют.
И, завершая тяжкий труд,
Они поют свои хоралы.

Вновь прилетели в отчий край
И соловей и попугай,
И, превращая землю в рай,
Их пенопенье зазвучало.

Простор лугов и склоны гор
Покрыл затейливый узор —
Раскинулся цветов ковер,
И вся земля возликовала.

Расцвел нарцисс, как добрый знак,
Короной возгордился мак,
И орхидея белый стяг
Ввысь подняла и засияла.

Вот тубероза среди лилей
Стоит, других цветов мудрей,
Поскольку мудростью своей
Больных проказой исцеляла.

Расцвел весь мир, как вешний сад,
И всяк живущий в мире рад,
Все господа благодарят:
Его глагол — всему начало.

Не счесть его благих щедрот,
И зреет всякий сладкий плод,
Обилье вишен ветку гнет,
Склонясь, она к земле пришла.

Кизила ягоды горят,
Каштаны зрелые висят,
И соком налился гранат,
И зреют груши небывало.

И, словно поздняя трава,
Желтеет на ветвях айва,
Отяжелели деревья,
И много персиков опало.

Но сходит все в краях земных.
И вот в садах полупустых
Нет абрикосов золотых,
И фиников, и яблок мало.

Куда ни глянь — пустеет сад,
Но созревает виноград,
Чья сладость слаще всех услад
В раю Адама искушала.

Поднесший виноград к устам,
Из рая изгнан был Адам, —
Но сладость винограда нам
Блаженство рая даровала.

И вот уже сады пусты.
Где нынче листья, где цветы?
Былой не видно красоты,
Листва пожухла и опала.

Страдают птицы без вины,
Что в дальний край лететь должны.
Не всем дожждаться им весны,
Чтоб снова все начать сначала.

А осень оставляет нам
Сады — как опустелый храм;
Они подобны старикам:
Что отцвело, того не стало.

ПЕСНЬ О ХРАБРОМ ЛИПАРИТЕ

Прославим бога, вечен он
И в бесконечности сокрыт.
По воле бога стал силен
Слуга господень Липарит.
Мы чтим героев и святых:
Саркис, Торос, Мушег, Вардан...
Был Липарит храбрее их,
Сильней, чем Тырдат, царь армян.
Героя конь неукротим,
Копье качается в руке.
Враги трепещут перед ним,
Иноплеменники — в тоске.
Конца нет войнам. Каждый год
Их десять, двадцать. Гибнут вновь
И вновь войска. Не меньше вод
Реки Джиган пролилась кровь.

Зло накопилось, как вино
В мехах. Подходит к Сису рать.
Манчак, чье сердце злом полно,
Задумал Сис великий брать.
С Манчаком тысяч шестьдесят
В кольчугах выехали в ряд.
Их копы гибкие блесят,
Их сабли и щиты горят.
Вот тысяч шестьдесят врагов
Подняли исступленный вой.
Военных труб грохочет зов,
Фанфары призывают в бой.
Скотов неверных рать стоит,
Но вид воинственный их лжив:
Им страшен храбрый Липарит,
Они дрожат, как ветви ив.
Святой король сказал тогда:
«Ради тебя явилась к нам,
О Липарит, врагов орда
И вон остановилась там.
Разила их твоя рука,
Ты конницу их брал в полон,
Пленил ты сына Манчака,
Ты нам принес султана трон».
И Липарит сказал: «Готов
Я на себя принять беду;
Не будем тратить лишних слов,
Пусть я на смерть сейчас пойду».
Коня седлает Липарит,
Кольчугой тело сжал свое,
Над головою поднял щит,
В руке — упругое копьё.
Склонился он у алтаря
И положил земной поклон.
Почтив небесного царя,
Земных князей восславил он.
Благословение небес
На сына шлет (вокруг отряд
Заплакал): «Сын мой, Ованес,
Прощай. И ты, Василий, брат.
Ты, госпожа моя, Манан,
Ты, солнцу равная лицом.
Я должен умереть от ран;
Вглядись в меня перед концом».

И к королю, могуч и прост,
Он обращается потом:
«Храни, король, надежно мост,
Чтоб мог пройти я тем мостом».
Призвал Христа, рванулся львом
И конницу врагов рассек.
Бегут. Страх овладел врагом.
То мчится барс, не человек.
Там горы трупов, ужас, боль,
Кипит кровавая река.
Но позавидовал король
И вспять вернул свои войска.
Враги воспрянули, и взят
Был ими мост, и нет пути.
Вот скачет Липарит назад,
Но мост ему не перейти.
И копыа бьют его в упор,
Враги теснят со всех сторон;
Он вправо, влево бросил взор, —
Помощников не видит он.
Враги справляют торжество,
Им крови хочется святой.
Вот тело брошено его,
Но взяли голову с собой.
И страх над городом навис.
Напрасно горожан отряд
Сопротивлялся. Занят Сис,
Враги вошли, дома горят.
Церковных не щадили стен.
Разрушен город и сожжен.
Служителей церковных в плен
Угнали, увели их жен.
А тело павшего от ран
Струило свет. Конец таков:
Сам Липарит и сам Ован
Погибли от руки врагов.
И повторяют в наши дни
Священник, простолудин, князь:
«Господь, героя помяни», —
За стол с молитвою садясь.
Тлкуранци я, Ованес,
Сложил вам жалобную речь,
Чтоб этот подвиг не исчез,
Чтоб память о бойце сберечь.

КОЛЬ НЕ БЫЛО Б МУЖЕЙ...

Коль не было б мужей, что грешных нас
Предостеречь хотят святым писаньем, —
Смерть и без них была бы всякий раз
Остереженьем и напоминаьем.

Дотянется до всех ее рука,
До полководца и до властелина,
До богатея и до бедняка;
Ты схимник или царь — ей все едино.

Я видел покорителей земли,
Но ведал я: их слава быстротечна;
И в час назначенный они ушли,
Взяв лишь одну сажень земли навечно.

И тот, кто тело холил много лет,
Тот, кто себя умасчивал до лоска,
Ушел навечно, и его скелет
Лежит в могиле на подгнивших досках.

Я видел многих богачей, скупых,
В чьи сундуки текли златые реки,
Но даже им всего два золотых
В дорогу дали, положив на веки.

Твердил владыка: «Есмь я Соломон!»
Была блестящей жизнь его и длинной,
Но эта жизнь окончилась, и он
Стал под землею пищей муравьиной.

Не одного я видел удальца, —
Теперь они давно лежат в могилах,
И даже муравья согнать с лица,
Ходившие на львов, они не в силах.

Красивы, юны были женихи,
Стройны невесты были и невинны.
Краса поблекла их, и пауки
В гробах забытых свили паутины.

Единый в мире властвует закон:
Все, что на свет родится, — умирает.
И если ты рассудком наделен,
Тебе об этом помнить не мешает.

К СМЕРТИ

Лишь о тебе помыслию, смерть, в душе тоска.
Всего ты горче, пред тобой — желчь не горька!
Ты горче горького! лишь ты — к себе близка!
Пусть горче ад: в него влечет — твоя рука!

Ты мстишь Адамовым сынам, ведешь их в ад;
Ты — наказание за грехи, за райский сад.
Давида с Моисеем ты берешь подряд;
Взят Авраам, и Исаак под землю взят;
Тобой низвергнут Константин и Тиридат*.
Тебя и тысячи врагов не утрашат.

Шесть панцирей надень, их все — твой дрот пробьет;
В тюрьму всех бросишь и скалой завалишь вход.
Ты — тот орел безмернокрыл, чей мощен лет,
И волочит концами крыл он весь народ.
Блажен, кого в добре найдет его черед,
Но схваченных во зле — в огонь твой взмах метнет!

О, Тлкуранский Ованес! ты учишь всех,
И семь десятков лет ты сам ласкаешь грех!

* Тиридат — армянский царь (298—330).

Мкртич Нагаш

СУЕТА МИРА

Обратья, в мире все дела — сон и обман!
Где господа, князья, цари, султан и хан?
Строй крепость, город иль дворец, иль бранный стан —
Все ж будет под землей приют — навеки дан.

Разумен будь, Нагаш, презри грехов дурман,
Не верь, что сбережешь добро: оно — туман,
Стрелами полный, смерть для всех — несет колчан,
Всем будет под землей приют — навеки дан.

Мир — вероломен, он добра — нам не сулит,
Веселье длится день, потом — вновь скорбь и стыд.
Не верь же миру, он всегда — обман таит,
Он обещает, но дает — лишь желчь обид.

Тех, обещая им покой, — всю жизнь томит;
Тех, обещав богатство им, — нуждой язвит,
И счастье предлагает всем, — ах, лишь на вид!
Уводит в море нас, где бездн — злой зев раскрыт.

Проходят дни: вдруг смертный день — наводит страх.
И света солнца ты лишен — несчастен, наг.
Ах, отроки! ваш будет лик — истлевший прах,
Пройдете вы, как летний сон, — в ночных мечтах.

Знай, раб! что и твоя любовь — лишь тень во днях,
Не возлюбляй же ты мирских — минутных благ.
Не собирай земных богатств — с огнем в очах:
Одет и сыт? Доволен будь! — иное — прах!

Трудись и доброе твори, — бедняк Нагаш!
Свои заветы чти: другим — пример ты дашь!
Поток греха тебя, иловца, — унес куда ж?
И, благ ища, стал — не добра, но зла ты — страж!

О ЖАДНОСТИ

От века и до наших дней любому злу в судьбе земной
Тупая жадность — лишь она — была единственной виной.

«У жадного и бога нет, — апостол говорит святой. —
Того он бога признает, под чьей находится пятой».

Он — хищный волк. Его закон: людскую кровь пускать
рекой.

Он пьет, но кровью никогда не насыщается людской.
Хоть и богат и властен он, но по природе он такой:
Всех обездолить норовит, все захватить своей рукой.

Всё, всё — и войны, и тоска, и зависть, и ночной разбой,
Прodelки шайки воровской — все из-за жадности
людской.

Клятвопреступники, лжецы, кричащие наперебой,
От веры отошли святой — все из-за жадности людской.

Один болтается в петле, другой сидит в тюрьме сырой,
А те пропали с головой — все из-за жадности людской.

Цари садятся на коней, цари воюют меж собой,
Гоня покорных на убой, — все из-за жадности людской.

Чтоб увести народы в плен, проходят вихрем над страной,
Равняют города с землей, — все из-за жадности людской.

Один поднялся на отца, братоубийцей стал другой,
У них святое под ногой — все из-за жадности людской.

В католикосы лезет всяк, кто в беззаконии — герой,
Пролез в епископы иной — все из-за жадности людской.

С епископом развратник пьет — и властью наделен
мирской
За мзду монетой золотой — все из-за жадности людской.
Архимандритов новых рой во всем плетется за толпой,
В прилавок превратив налож, — все из-за жадности
людской.

И переи — за дубье! Тот — с окровавленной щекой,
А тот — с припухнувшей губой — все из-за жадности
людской.

Нагаш, ты — пленник суеты, следи всечасно за собой;
Немало всяческих грехов и ты имеешь, как любой.

СТРАННИК

«Я умоляю: слово «странник»
Ты всякий раз не повторяй.
В чужом краю скорбит изгнанник,
Хоть этот край кому-то — рай.
Несчастный странник — словно птица,
Которой к стае не прибиться,
Пока она не возвратится
В свой отчий, в свой любимый край».

«Не убивайся, бедный странник,
Минуют тяжкие года:
Не навсегда твое изгнанье,
Не навсегда твоя беда.
Молись, господь тебе поможет,
На родину вернет, быть может,
Чтоб ты забыл по воле божьей
Чужие эти города».

«Я всех молю о сострадании,
Шепчу: «О боже, пощади!»

Чернее самого изгнанья
Лишь сердце у меня в груди.

И от былых воспоминаний
Лишь множатся мои страданья,
И стеснено мое дыханье,
И нет просвета впереди!»

«Не причитай, не плачь, изгнанник,
Не победишь слезами зло.
На свете ни одно страданье
От причитаний не прошло.
От громогласного стенанья
Не исполняются желанья,
И никого еще рыданье
В родимый край не привело!»

«Изгнаннику повсюду горе,
С бедой смирился он давно.
Он никогда ни с кем не спорит,
Ему надежды не дано.
В толпе чужих он горе прячет,
Для них он ничего не значит.
Кровавыми слезами плачет,
Все перед ним черным-черно!»

«Увы, родимого предела
Для смертных нету под луной,
Мы странники на свете белом,
Не на земле наш дом родной.
Но так живи в своем изгнанье,
Чтобы за все твои деянья
Ты новых не обрел страданий
В отчизне нашей неземной».

ПЛАЧ ОБ УМЕРШИХ

Счел господь нас достойными кары,
Тяжки божьей десницы удары,
Смерть забыла — кто юный, кто старый,
Полыхают повсюду пожары.

Ах, как жаль, что пришло это горе, —
Разлученным не свидеться вскоре.
Гибнут юноши, тонут, как в море,
Стынут слезы у женщин во взоре.

Ангел смерти мечом своим длинным
Сносит головы жертвам невинным,
А они, как цветы по долинам...
Стонет мать над загубленным сыном.

Кто опишет несчастья эти?
Худших зол не бывало на свете,
На порогах родительских дети
За ничто погибают в расцвете.

Войте, жалуйтесь: днесь и вовеки
Надо зло умертвить в человеке,
Плачут горы, деревья и реки,
Мудрецы на земле — что калеки.

Пали воины — цвет молодежи,
Те, кого обожали до дрожи,
Те, чьи брови на арки похожи,
Огнеглазые в куртках из кожи.

И диаконы, что ежечасно
Пели богу хвалу сладкогласно,
Смерть вкусили. Роптанье напрасно,
Лишь в могиле лежать безопасно.

Страшный суд совершается ныне,
Но заступника нет и в помине...
Черный ангел уносится в дыме
С новобрачными, а не седыми.

Некий юноша, шедший на муку,
Плакал, с жизнью предвидя разлуку,
Был бы рад он хоть слову, хоть звуку,
Но никто не подал ему руку.

И сказал он: «Тоска меня гложет,
Смерть состарить до срока не может,

Я — зеленая ветка, быть может,
Кто-нибудь уцелеть мне поможет.

Мне не в пору могила-темница,
Сто забот в моем сердце теснится,
Сто желаний запретных толпится,
Лучше б дома мне в щелку забиться!»

И к отцу он воззвал: «Ради бога,
Помоги мне прожить хоть немного,
Мне неведома жизни дорога,
Злая смерть сторожит у порога!»

Горько молвил отец: «Вот беда-то, —
Ни скотины на выкуп, ни злата;
Мог себя запродать я когда-то,
Но за старца дадут небогато».

И, подобно другим обреченным,
Сын свалился на землю со стоном:
Вспомнил детство, свечу пред амвоном,
Вспомнил солнце, что было зеленым...

И глаза его скорбь угасила,
И исчезла из рук его сила,
И лицо, словно маска, застыло,
Неизбежною стала могила.

Тут и молвил он: «Отче и братья,
Лишь молитвы могу с собой взять я,
Умоляйте же все без изъятья,
Чтоб господь растворил мне объятья».

А потом, отдышавшись немного,
Стал просить он служителей бога;
«Помолитесь и вы, чтоб дорога
Довела до господня порога!»

Я, епископ Нагаш, раб единой,
Видел сам все страданья Мердина,
Слышал сам его жителей стоны,
Шел сквозь город, в печаль погруженный.

По большому армянскому счету,
Год стоит у нас девятисотый.
Приказал я молиться причету,
Позабыл про иные заботы.

Пожалей наших мертвых, Мария,
Шлю мольбы от зари до зари я,
Рай открой им, спаси их от змия,
Лишь молиться мы можем, Мария!

Арақел Багишеци

ПЕСНЯ О РОЗЕ И СОЛОВЬЕ

Песнь изумительную вы услышите сейчас,
И телу и душе она готовит радость в нас.
Я буду славить соловья, чей так приятен глас,
И розу, чей цветной убор так сладостен для глаз.

Так молвит розе соловей: «Влечешь меня лишь ты!
Знай: я тебя люблю: ты — храм любви и красоты!
Должна в тебя сойти любовь святая с высоты;
Твоей любовью расцветут по всей земле цветы».

Так молвит роза соловью: «О дивный соловей!
Как счастлива, в душе моей, я от твоих речей;
Но ты летаешь высоко, я — вечно средь полей:
Я слить могу ль свою любовь с любовью твоей».

Так молвит розе соловей: «Внемли, что я пою:
Чтоб сердце поняло твое, до дна, любовь мою,
Я, красоту твою ценя, с небес росу пролью,
С моей любовью ты сольешь тогда любовь свою».

Так молвит роза соловью и это говорит:
«Боюсь, что молния с небес ко мне с росой слетит,
Что яркость лепестков моих то пламя опалит
И станет на смех всем цветам мой искаженный вид».

Так молвит розе соловей: «Внемли моим словам,
И венчерпный ключ любви тогда тебе я дам:
Чтоб чистым и зеленым быть всегда твоим листам,
И ток поющих вод пошлю всем на земле цветам».

Так молвит роза соловью, ее ответ таков:
«Меня не разуверил смысл твоих отважных слов:
Боюсь, что ключ твой потечет водой без берегов,
Что он зальет и унесет красу моих листов».

Так молвит роза соловью и это говорит:
«Мне страшно, я боюсь, что гром из тучи загремит,
Что лепестки мои, гремя, всех красок он лишит,
И станет на смех всем цветам мой искаженный вид».

Так молвит розе соловей: «Я солнцем стать могу,
Своей заревой, свой нежный свет я для тебя зажгу,
Я красок тысячу твоих любовно сберегу,
И честью всех других цветов ты станешь на лугу».

Так молвит роза соловью: «Так хрупок мой наряд!
Рассветные часы меня пугают и палят;
Боюсь я солнечных лучей: они меня пронзят,
И упадут все лепестки на луг, за рядом ряд».

Так молвит розе соловей, и так поет певец:
«Достойна ты! ты всем цветам — прекраснейший венец;
Что я любовью опьянен, признаюсь наконец!
Тебя зеленой навсегда да сохранит творец!»

Так молвит роза соловью в ответ на песнь певца:
«Твой нежен голос, веселишь ты всех людей сердца,
И песнь на тысячу ладов ты строишь без конца,
Ты — честь и ты — краса всех птиц по милости творца!»

Так молвит розе соловей: «Ты всех лекарство зол,
Кто болен, исцеленье тот в любви к тебе обрел.
Кто страждет и еще к тебе за благом не пришел, —
Томим раскаянем, что он спасенья не нашел».

Так молвит роза соловью: «О дивный соловей!
Откуда песнь твоя, что всех певучей и сильней?
Я в умиленье от твоих властительных речей.
Наверно, равного тебе нет во вселенной всей».

Так молвит розе соловей: «Есть царь, что надо мной,
Дарует всем цветам дары он щедрою рукой,
И если жаждешь ты узреть его перед собой —
Прославлена в века веков ты будешь всей землей!»

Так молвит роза соловью: «Я завистью полна!
Служить ему — тебе судьба бесценная дана!
Да, если осыпал тебя он милостью сполна,
Понятно мне, я почему томилась здесь одна!»

Так молвит розе соловей, и вот его ответ:
«Когда всем сердцем примешь ты мой радостный обет,
Тебя, и телом и душой, прославит целый свет,
И, как рабы, все будут чтить твой непорочный цвет».

Так молвит роза соловью: «Спешу мне все открыть!
Я вся желанием горю — твои слова испить!
Что есть на сердце, ничего не должен ты таить,
Когда любовью меня ты хочешь покорить!»

Так молвит розе соловей: «Несу благую весть:
Рабою быть царя — твоя достойнейшая честь!
Начнут тебя превозносить все птицы, сколько есть,
И песен про тебя спою я столько, что не счесть!»

Так молвит роза соловью: «Тебя благодарю:
Служить желаю всей душой подобному царю,
Но пред величием его я радостью горю.
Чем я пленю его и что ему я подарю?»

Так молвит розе соловей: «Тебе я бодрость дам.
Узнай, что снизойти к тебе сей царь желает сам.
Ты, в радости безмерной, верь божественным мечтам,
Затем, что будешь ты его — нерукотворный храм!»
.....

Тот соловей, краса всех птиц, — архангел Гавриил,
И богоматерь — роза та, святее всех святых,

И царь тот — Иисус Христос, владыка вышних сил.
В бессмертной розе воплотясь, он к людям нисходил.

Все это, полн земных грехов, писал я, Аракел,
Так соловья и розу я, как только мог, воспел;
А Гавриила в соловье изобразить хотел,
Марию — в розе, и Христа — в царе, как я умел.

И всех молю я ныне, кто мои стихи прочтет,
И всех, кто на веселый лад иль нежный их споет:
Да богу имя он мое в молитве назовет,
И за молитву ту господь к нему да низойдет.

ГОРЕ НЕЩАСТНОМУ МНЕ

Я по кладбищу бродил нынешним утром унылым
И увидал средь могил свежую чью-то могилу.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

В этой могиле лежал юноша, мне неизвестный.
«Прочь уходи, — я сказал, — юным в могиле не место».
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

И отвечал мне мертвец — юноша некогда славный:
«Был я, как ты, о глупец, ветреным в жизни недавней».
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Пил я, бывало, и ел, думал о вечности мало,
Да невзначай заболел; все, чем владел я, — пропало.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Даже средь белого дня, слабый, не видел я света;
Хоть вопрошали меня, не было сил для ответа.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Я навсегда опустил руки, что сильными были.
Сладкоречивым я был, замер язык мой в бессилье.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Видя, что я занемог, плакали сестры и братья.
Им, умирая, не мог внятного слова сказать я.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Близкие люди пришли, чем-то помочь мне хотели,
Но удержать не смогли дух мой в слабеющем теле.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Стали мне саван кроить и торопить погребенье,
Чтоб я не начал смердеть, делали мне омовенья.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Перстень и в ухе серьга были при жизни — их сняли,
Как после битвы врага, братья меня обобрали.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Взяли меня, понесли к этой унылой ограде,
Близкие следом пошли, плача о скорбной утрате.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Короток был, как всегда, грустный обряд погребенья.
Так и попал я сюда, мерзким червям на съеденье.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Брат мой, он жив, этот свет, бrenно блаженство земное,
Сколько б ни прожил ты лет, ляжешь ты рядом со мною.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Путь освети свой добром, благом, свершенным сегодня,
Чтоб, оскверненный грехом, ты не горел в преисподней.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Кайся до смертного дня — он, хоть не ждешь, а настанет.
Брат мой, тебя, как меня, пусть сатана не обманет.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Поторопись, вознеси матери божьей моления.
Господа ты упроси, чтоб даровал он прощенье.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Жалкий глупец Керовбе, праздных речей опасайся,
Смерть предстоит и тебе, кайся при жизни, спасайся.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Добрых ты дел не творил, ты суесловил, бывало.
Славу мирскую любил, ту, что в геенну толкала.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Григорис
Ахтамарци

ПЕСНЬ СКОРБНАЯ О ТОМ, КТО ВЫСТРОИЛ ДОМ
И РАЗБИЛ САД

Чуть свет — душе, чей сон был свят,
Архангел, гневен и крылат,
Гласил: «Уйди, оставь свой сад!»
Свой сад, расцветший час назад.

Со дна ущелий, с горных гряд
Принес я щебень для оград.
Прекрасен сад, цветник прохлад,
А мне твердят: «Оставь свой сад!»

Но как смогу свой бросить сад —
Зубцы ограды мне грозят.

Я прорубил скалистый скат,
Провел в долину водопад,
Но воды жар не утолят —
Мне говорят: «Оставь свой сад!»

Я поливал, растил гранат,
Плоды багровые горят,
Но не вкусить мне их услад —
Мне говорят: «Оставь свой сад!»

В давильных бродит виноград,
Кувшины винные бурлят,
Вина испить я был бы рад,
А мне твердят: «Оставь свой сад!»
Свой сад, расцветший час назад.

Хоромы новые стоят,
Украшен золотом, богат
Просторный зал моих палат,
А мне твердят: «Оставь свой сад!»

И соловьи в нем голосят
Ночь напролет и все подряд,
И росы осыпают сад
И в утренней тиши звенят.

Рой белых роз и алых ряд,
Я не вдохнул их аромат!
Ковер цветочный полосат,
Желт, зелен, красен, розоват...

И вот цветами полон сад,
Я не вдохнул их аромат,
А мне твердят:
«Оставь свой сад!»

Пришел хранитель райских врат,
Язык окован, мозг разъят,
И слезы жгучие кипят...
И Гавриил, огнем объят,
Проговорил: «Оставь свой сад!»

Пустеет тело, гложет сад,
Немыслим стал души возврат,
Из сада вынесен в закат,
Я молча оставляю сад.

И поспекает в нем гранат,
И гроздья крупные висят,
Не гложет червь, не точит яд...
Шумит листва, цветы пестрят,
А мне твердят: «Оставь свой сад!»

ПЕСНЯ

Весна пришла! весна пришла! сады — в убранстве роз.
И горлинка и соловей поют, поют до слез,
Горя любовью к цветку, что краше всех возрос,
Чей в зелени румяный лик влечет бессчетность грез!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

О, солнце! о, луна! звезда, встающая с зарей!
Венера, льющая огонь лучистый и живой!
О, ослепительный алмаз! о, жемчуг дорогой!
Пурпуровый цветок в саду! фиалка в мгле лесной!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

Ты — светлый вяз! лилея ты, чей стебель благоухан!
На пыльной людной площади зеленый ты фонтан!
Что град Катай! что весь Китай! что славный Хорасан!
Они — ничто перед тобой, и я любовью пьян!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

Дух бальзамический струят персты, белей, чем снег.
Ты — сладкий сахар! ты — миндаль! ты — ладана ковчег!
Ты — свежий, сладостный цветник, сад, полный вешних
Ты — красный яблоч, а к нему зеленый льнет побег!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

Ты — багрянеющий топаз! сверкающий рубин!
Ты — беспорочный изумруд! цветной аквамарин!
Ты — перл, обточенный волной на дне морских глубин,
Отважным добытый пловцом из сумрачных пучин!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

Ты — нууфар! * ты — базилик, цветущий долгий срок!
Ты — мирта! нежный бальзамин! ты — лилии цветок!
Ты — гамаспюр, в садах весны пустивший свой росток!
Ты — лавр, из коего плетут в земном раю венки!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

Ты — дерево, где без плодов зеленой ветки нет!
Ты — пальма в почках без конца, ты — пальмы первоцвет!
Ты — лес, что острым запахом цветов и трав согрет!
Ты — роза и фиалка, ты — над морем алый свет!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

Ты из миндальных деревьев роскошный, пышный сад!
Ты — запах амбры! мускус — ты! ты — дивный аромат!
Ты — апельсиновых цветов душистее стократ!
Ты — кипарис, и ты — платан! ты — кедр, шатер услад!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

О, гамаспюр ты, что, цветя, не вянешь никогда!
О, эликсир ты, что целишь все скорби без следа!
Прекрасная! будь, как миндаль, зеленой навсегда,
Чтоб видели красу твою мы долгие года!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

Да льются милости творца вокруг тебя дождем!
Да осеняет он тебя всегда святым крестом!

* Нууфар — кувшинна.

Да направляет он тебя везде прямым путем!
Да будешь ты охранена от всяких зол отцом!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

О, чудный образ! ты вовек — прекрасна и чиста!
Как ангелы, сияешь ты небесным облита!
Твой рот — божественный алтарь и фимиам — уста.
А зубы — нити жемчугов, и вся ты — Красота!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

ПЕСНЬ О РОЗЕ И СОЛОВЬЕ

Когда исчезла роза, в сад явился соловей,
Узрев ее шатер пустым, затосковал по ней,
Всех спрашивал, не находя возлюбленной своей,
В ночи взывал, за часом час плачевней и грустней.

«О сад, с тобой я говорю! Дай мне, о сад, ответ!
Ты розы не берег моей, любимой розы нет,
Главы, царицы всех цветов, увы, пропал и след,
Чей был бессмертен аромат, чей был прекрасен цвет!

Так рухнет пусть твоя стена и распадешься ты;
Засохнут пусть твоих дерев и ветки и листья,
Пусть топчет всякая нога просторы пустоты,
Исчезнут злаки, и трава, и корни, и кусты.

«Обильноводный, не теки, — я говорю ручью, —
Страхните, деревья, листву зеленую свою!»,
Я, без смущенья, говорю, отчетливо пою:
Достойнейшую унесли любимицу мою.

Ах, розу унесли мою, и ныне я уныл,
Отняли свет очей моих, и мрак меня стеснил,
Я плачу и при свете дня и при лучах светил,
Моей привычкой стала грусть, в душе нет прежних сил.

То надо мною учинил садовник, может быть:
Он розу от меня унес, чтоб боль мне причинить.
Ее мне больше не видать! рабу, мне как же быть?
На грусть веселый свой напев я должен изменить.

Боясь, быть может, ветер встал, суровый, страшный, злой,
И листья розы оттого увяли под грозой.
Иль дуновением ее палящий солнца зной
Обжег и розу омертвил с непрочной красотой.

Иль, мне завидуя, цветы свершили это все,
Похитив, тайно унесли все счастье мое.
Иль сильный град на розу пал, из туч, как лезвие,
Сразив жестоко, от куста отрезал он ее».

Одно в ответ цветы гласят на много голосов:
«Где роза спрятана, об том — нет вести у цветов.
Утеха мы тебе, певец — на тысячу ладов,
И каждый все тебе из нас пересказать готов».

На крыльях в воздух соловей взлетел на этот раз,
Подумал: «Расспрошу у птиц я обо всем сейчас.
Что знают, пусть об том скорей мне сообщат рассказ,
А то, как море, хлынет ток слез у меня из глаз».

«Вы знаете ль, свершилось что? О птицы, к вам вопрос.
Из сада розу унесли, чистейшую из роз!
Не знаете ль, куда ушла иль кто ее унес?
Вы, может, видели ее иль весть вам кто принес?»

А те в ответ: «Создатель бог то ведает лишь сам,
Лишь он один читает все, что скрыто по сердцам.
Иди, лети, ищи ее ты по другим местам,
Но розы не видали мы, господь свидетель нам».

И огорчился соловей, сказал: «Куда пойду!
Ведь до рассвета я всю ночь терзаюсь, как в бреду.
Мне страшно, что без розы вдруг я смерть свою найду,
Тоскуя, с розой разлучен, в могилу я сойду.

Хотя б, без розы, дали мне весь мировой простор,
Все будет жалким для меня, презренный, лишний вздор!
Пусть песнопевцы мне поют и с музыкою хор,
Мне будет сладкий их напев — как тягостный укор.

Куда же унесли тебя или скрыли где тебя?
Твою высокую любовь как позабуду я?
Страдает сердце у меня, как и душа моя,
И увядают все цветы сегодня, грусть тая.

Я весь дрожу, вся жизнь моя — как будто сны о них,
И самый солнца свет, как мрак, мне кажется в тени.
В мучениях и в горести провел я эти дни,
И жизни той, что прожил я, в счет не войдут они.

Моя разлука тяжела, терпимая едва.
Не обо мне ли издавна сказал пророк слова:
Не хуже ль я, чем пеликан, в стране, где жизнь мертва,
И на развалинах не я ль уселся, как сова!»

Пришел садовник и его утешил средь забот,
Сказал: «Не плачь, о соловей, ведь роза вновь придет.
Смотри — фиалка уж пришла, предтеча розы — вот,
Я с доброй вестью прихожу, несу поклон вперед».

И соловей благодарил и был безмерно рад:
«Дай бог, чтоб ты блаженно жил и дней бессчетных ряд,
Пусть твои цветы цветут, распустится твой сад,
Пусть обновятся в нем фонтан и камни из оград!»

Все веточки и все ростки пусть зеленеют в нем,
Росой покроются с небес, заплещут как огнем,
Размерно зыблются пускай под нежным ветерком,
На радость людям аромат пусть разливают днем!»

Взяв, розе по двору снесли посланье от певца,
Там розу-астру перед ней избрали, как чтеца.
Встав на ноги, она, держа посланье у лица,
Прочла от соловья письмо всем громко до конца:

«Душой любимая! тебе я низкий шлю поклон!
Блаженная! здорова ль ты, лишь этим я смущен.
На господу надеюсь я, кто всем обогащен,
Что беспорочной и живой тебя содеял он.

Простерши руки, целый день я возношу мольбы,
Молюсь, чтоб длились для тебя дни радостной судьбы.
Ты — всем земным цветам глава, они — твои рабы,
Над ними всеми ты царишь и правишь без борьбы.

Но цвету несравненна ты, и запах твой хорош,
Ты ярче солнечных лучей сиянье утром льешь.
Когда увижу я тебя, как будет час пригож:
Бель по природе ты кротка и ненавидишь ложь.

Покорнейший пишу поклон тебе издалека,
Прошу тебя: вернись ко мне и пожалей слегка.
Коль хочешь ведать, как живет покорный твой слуга,
Знай: у него и толк, и ум — все отняла тоска.

Покор и мир утратил я, гнезда не создавал;
Ни капли сил нет у меня, всю кровь я потерял;
Тебя не видя, я дрожу, почти совсем пропал,
До утра в бденье нахожусь, все ночи я не спал.

Тоскуя, надрываюсь я: наступит ли весна!
В печали, в думах по тебе душа изнурена.
Морозная, суровая — зима проведена;
Все горе по тебе, всю скорбь изведал я сполна.

Супреком говорили мне: «Зачем страдать любя!
Ты — раб! Царица всех цветов полюбит ли тебя!»

И отвечала роза так, когда закончил чтец:
«Отправлю множество цветов к нему я, наконец,
Да скрасят горы, и поля, и за дворцом дворец,
Чтоб с радостью среди цветов мог обитать певец.

Мне ехать не пришла пора, немного подожду.
Пусть подождет и соловей немногих дней чреду,
Что высока его любовь — не подлежит суду.
Ему скажите, чтоб меня он искал в саду».

Услышав это, соловей стал очень ликовать,
Сказал: «Благую нынче весть мне довелось узнать:
Прелестнейшая роза — в сад вернется к нам опять.
С единой розой твари все возможно ли равнять!»

Поднялось солнце в небеса и до Овна дошло.
Вдруг туча на небе росой взгремела тяжело,
И тысяч тысяча цветов внезапно возросло,
Но розы, хоть искал певец, там не было назло.

Зеленой розы лист потом он заприметил вдруг,
Она была еще светлей и ярче всех подруг,—
За завесой, на трон воссев, обозревала дуг,
И били, как рабы, челом ей все цветы вокруг.

«О боже! — молвил соловей, — тебя благодарю!
Все славят господа уста, и я хвалой горю.
Все славословье вознесем небесному царю!
Я розу меж кустов узрел в счастливую зарю».

Опомнись, ахтамарец, ты в стихах не суесловь!
Припомни, что колючий шип — здесь, на земле, любовь:
На слезы обречет и скорбь, согрев недолго кровь.
Что проку в радости, когда — потом рыдать нам вновь!

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Цветут цветы в моем саду,
На счастье мне иль на беду?
В моем саду благоуханном,
Желанная, тебя я жду.

В твоей груди таится мед,
Речь сладостная с губ течет.
Мне видится твое сиянье,
Мне душу ожиданье жжет.

Один я, нету мне пути,
Мне в мире счастья не найти.
Своей непостижимой тайной
Мой ум смятенный просвети.

Я жду, как ждал в былые дни;
В моем саду, в его тени
Мы спрячемся, как в тайной келье,
Как будто в мире мы одни.

Твоим словам внимать хочу,
И стан твой обнимать хочу.
Украдкой поцелуй твой сладкий
С горящих губ сорвать хочу.

Пусть мне ослепнуть суждено,
Твой лик увижу все равно.
В моей душе твое сиянье
Навечно запечатлено.

И ты меня своим огнем
Воспламени — и мы вдвоем
Ввысь вознесем на мгновенье
И рай небесный обретем.

Пока не стар, пока я жив,
Прошу — услышь ты мой призыв.
Взываю я, к тебе, далекой,
Свой взор молящий устремив.

Любовью ли наказан я,
На царство ли помазан я —
Не знаю, но своей любовью
К твоей любви привязан я.

Ты ладан иль цветок живой,
Сабур* ты, мак ли луговой —
Весь этот мир тобой наполнен
И все опьянены тобой.

Алмаз ты или же топаз?
Ты блеском ослепила нас,
И все сердца тревожно бьются,
И слезы капаят из глаз.

Владычица моей души,
Ты эти слезы осуши,
Ты — благодатный ветер южный,
Цветок, раскрывшийся в тиши.

Моя целебная вода,
Жемчужно-светлая звезда,
Ты в сердце мне тайком проникла
И там осталась навсегда.

* Сабур — алоэ.

ТЫ — РАЙ ДЛЯ МЕНЯ

Ты — рай, что расцвел в начале времен.
Где солнца восход, раскинулся он.
Цветов и плодов сияние тут,
Сюда серафимы вход стерегут.

Ты — солнечный глаз, дарящий лучи,
Ты — шаг полнолуны, тихий в ночи.
Мерцанье звезды, блеск росы с утра,
Теплого юга благие ветра.

Ты — жемчуг среди сапфиров, на дне
Морей затаившийся в глубине
И вынесенный пловцом из волны;
Ты яхонт, ты изумруд без цены.

Величье небес, красота миров
И благоразумие — твой покров.
Ты — мирт, кипарис, янтарь и сандал,
Я б розой тебя раскрытой назвал.

Ты — цвет лимонный. В полуночный час
Я встал и бродил. Ты светоч для глаз,
Мой нарцисс и шафран. Мы вместе пойдем,
Вино я припас, и открыт мой дом.

Ты — золото и серебро. Смотря
На косы из черного янтара,
Смотря на тебя, кто вздыхать с тоской
Не станет, утратив души покой?

Калиса лист, апельсина цветок,
Ты — пальма, шафрана свежий росток!
Павлиньего переливы крыла,
Ты столько мне радости принесла!

Ты — лилий благоуханье и роз,
Ты — дол, что цветами щедро зарос,
Фиалка, мускус, нарцисс, нунуфар,
Ты — ладан, ты средоточие чар.

Разбит над тобой зеленый шатер,
Стою и руки к тебе я простер.

Уходишь — и вздохи теснят опять.
О, поговори и рядом присядь!

Волнуюсь всегда — и ночью и днем,
Где б ни был — вне дома я или в нем,
Желаний трепет в груди не уйму,
Тоскую по образу твоему.

Ахтамарци, о нет, не пустословь.
Что жизнь? Только прах. Вспомни это вновь:
Ты раб добровольный, ты славишь грех,
И будешь унижен ты больше всех.

ПЕСНЯ

(Борьба духа и плоти)

Вечно телом душа стеснена;
В непрестанных стенаньях, она
Богу молится, слез не тая:
«Рассуди, справедливый судья».

Бог меня сотворил, и закон
Заповедал мне, грешному, он:
Пусть не делят раздор и вражда
Душу с телом моим никогда.

Но я сам для себя стал судьей,
Потому суд неправеден мой.
Дерзость люди взрастили в сердцах,
Потеряли к создателю страх.

Говорю я теперь: горе мне.
Нет душе исцеленья. В огне
Одинокая будет страдать,
Призывая Христа благодать.

Я измучен обильем грехов,
Я дрожу. Мне не сбросить оков.
И враждует с душой моей плоть,
И друг друга хотят побороть.

Я покоя найти не могу.
Как бродяга, все в том же кругу
Я блуждаю. Хоть на два бы дня
Кров и отдых нашлись для меня!

О Григорис, когда, не боясь,
Ты отмыл бы греховную грязь!
Излечись, разве время для сна?
Мир наш — тление, жизнь непрочно;

Смерти день приближается. Где
Врач твой, где исцеленье в беде?
Завтра явится Вестник в пути
И прикажет отсюда уйти.

Нерсес Моқаци

СПОР НЕБА И ЗЕМЛИ

Что краше и что могучей —
Земля или небосвод?
Небесное солнце и тучи
Иль блага земных щедрот?

Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,
Но в сумрак и ночью поздней
На небе мерцают звезды,
Сияют с моих высот».

Земля отвечала:

«Я тоже
Отмечена милостью божьей,
Владычица я не из бедных:
Шесть тысяч цветов разноцветных
В моих цветниках растет!»

Небо Земле сказала:
«Богатств на Земле немало,
Но дождь не польется с неба —
Не будет земного хлеба,
Земной не нальется плод».

Земля отвечала:

«Я тоже

Отмечена милостью божьей:
Все тучи рождает море —
Оно на земном просторе,
Земною влагой живет».

Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,
Но стоит мне рассердиться —
И солнце мое накалится,
И все на земле сожжет».

Земля отвечала:

«Я тоже
Отмечена милостью божьей:
И в зной хлебопашцам на благо
Моих водоемов влага
Посевы в полях спасет».

Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,
Но стоит мне рассердиться —
Небесный град разразится
И все посевы побьет».

Земля отвечала:

«Я тоже
Отмечена милостью божьей.
Твой град не достигнет цели:
Мои поглотят ущелья
Все, что с небес упадет!»

Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,
Но человек иль птица
По промыслу неба родится,
А их Земля приберет!»

Земля отвечала:

«Все может
Вершиться по воле божьей.
И как бы я ни хотела,
Ничье не возьму я тело,
Коль Небо души не возьмет».

Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,
Но, свет неся несравненный,
Сонм ангелов благословенный
По Небу свершает полет».

Земля отвечала:

«Я тоже
Отмечена милостью божьей:
Апостолы и святые,
Они ведь — люди земные,
Их горе земное гнетет».

И Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,
Но все же на Небе тот,
Чья власть пад тобой и мною,
Кто высшее все и земное
По воле своей создает».

Земля отвечала:

«И все же
Я знаком отмечена божьим:
Суд страшный грешников ждет,
Внизу он вершиться будет,
На Землю спустятся судьи,
Небо на Землю падет».

И Небо в гордыне смирилось,
И Небо Земле поклонилось...
И вы, неразумные дети,
Скорее на этом свете
Воздайте Земле почет!

Мартирос Крымеци

ПЕСНЬ, ВОСХВАЛЯЮЩАЯ ГОРОД АМАСИЮ

Здесь, где горы снеговые,
Где к утесу льнет утес,
Крепости свои вознес
Град, чье имя Амасия.

Здесь, где крут скалистый скат,
Где растут леса густые,
Царь понтийский Митридат *
Высек стены Амасии.

В пору давних тех времен,
В годы древние, глухие,
Внуки Айка горный склон
Обживали здесь впервые.

Здесь река Ирис течет
Сквозь леса береговые
И волну свою несет
В волны Понта голубые.

От ее живой воды
Зреют яблоки большие,
Сладким соком налитые.
Как в раю, цветут сады.

* М и х р и д а т, Митридат — понтийский царь.

Распускаются цветы
Белые и огневые,
Розы дивной красоты,
Лавры, хмелем обвитые,

Под плодами деревá
Летом нагибают выи,
Зреют персики, айва,
Абрикосы золотые.

Алой розе соловей
Шлет хвалы свои ночные
И томится лишь о ней,
Позабыв цветы иные.

Виноград здесь дарит нам
Гроздий ягоды тугие;
Их, как говорят, Адам
Ел по наущенью змия.

Гроздья спелые сорви,
Выжми ягоды хмельные,
Лей в бокал вино любви,
Восхваляй дары святые!

ВИНО

Вино веселить тебя будет,
В тебе веселье пробудит.
Коль выпьешь, чем-то заев,
Забудешь ты горе и гнев
И будешь бесстрашен, как лев.

Прими совет ненапрасный:
Вино в стеклянный бокал
Налей, чтоб тот запылал.
Он станет розою красной,
Наполнясь живым огнем,
И ты отразишься в нем.

Но пусть, ради господá бога,
Не льется вино через край.
Ты пей, но хотя бы немного
Водою вино разбавляй.

ИЕРЕИ СИМЕОН

На понтийском бреге славном
Вырос град во время оно.
Там я повстречал недавно
Иерея Симеона.

С виду он смиренен очень,
Но обман смиренье это.
Мудрецом считаться хочет
Симеон — дурак ответный.

Он с его бездушьем черствым
Чуждый всем, кто горем ранен,
И его причислить к мертвым
Вправе каждый прихожанин.

Рано храм свой покидает
Этот пастырь неусердный,
И, уйдя, пренебрегает
Он обеднею вечерней.

Редко он творит молитвы,
Богомольцев он поносит.
Голоден пришелец, сыт ли,
Ел ли, пил — вовек не спросит.

Самому ж ему охота
Есть всегда, и в час застолья
У него одна забота:
В плотку сунуть кус поболе.

Он сидит обычно с краю,
Не вступает в разговоры,
Мысля: чаша круговая
До меня дойдет ли скоро?

Не ходи к нему, проситель,
Ничего тебе не даст он.
Но при этом он любитель
На пирах быть гостем частым.

Коль пирушка где случится,
Весел иерей бывает.

подавиться не боится,
Ест — жевать не успевает.

Он, наевшись честь по чести,
Счастлив, хоть вздыхает тяжко,
И вином с водою вместе
Заливает жир барашка.

Потчуй пастыря на славу,
Прежде чем просить что-либо,
Наготовь ему пилаву,
Суп свари из красной рыбы.

Гость чтоб сытый был и пьяный,
Съел бы все, что съесть по силам,
Не жалея приправы пряной,
Чтоб еду переварил он.

Нагаш Овнатан

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Зажегся нынче новый свет,
От милой слышал я привет,
Расцвел в душе весенний цвет,—
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран, о мой султан!

Когда любовь так разлилась,
Как жить, от милого таясь?
Тебе внемлю я, веселясь,—
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран, о мой султан!

Когда в мой дом вошла ты вдруг,
Твоих речей вкусил я звук,
И выпало перо из рук.
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран, о мой султан!

Не лги мне, золото надев!
Твоих молодых грудей, созрев,
Малы шамамы, как у дев.
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран, о мой султан!

Откроем дверцу, вступим в сад...
Рукой сжать грудь твою я рад,
Бери цветок, а я — гранат.
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран, о мой султан!

Здесь на ковре, среди луговин,
Расставим мы кувшины вин...
Целуй, и да цветет твой сын!
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран, о мой султан!

Играй и мне цветы бросай,
С груди руки не отгоняй,
Дай сжать, души не отнимай,—
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран, о мой султан!

Тобою мне цветочек дан,
Вина ты выпила, я — пьян,
Сожжен любовью Овнатан,—
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран, о мой султан!

* * *

Я нарядною тебя видел на заре,
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!
Вся ты в золоте была, в перлах, в янтаре,
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Лоб твой бел, твое лицо — розы лепесток,
Левой ручкой протяни, подари цветок,
Сахар я тебе припас и медовый сок.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Зеркала — твои глаза, золото-мечи.
Сумрак шелковых ресниц — стрелы и лучи,
Горн — душа моя, огни страсти — горячи.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Полумесяц — бровь твоя, косы — черный мак,
От любви я не рыдать не могу никак.
Да погибнет, пропадет наш разлучник — враг!
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Сладкозвучный твой язык — соловей ночной,
Гиацинт в руке твоей и вино в другой!
С родинкой твое лицо — роза под росой.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Сядем здесь под деревцом, будем рвать миндаль.
Груды у тебя — шамам, не вкусить их жаль.

На тебя гляжу — душа улетает вдаль.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!
Кипарис — твой стан, в кудрях золото при дне,
Дай на стройный стан упасть золотой волне,
Долго ль осужден Нагаш изнывать в огне?
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

* * *

Ты мне сказала: «Настала весна».
Милая, сжался!
«В час, когда розу осветит луна,
Выйду я в сад, грудь открыв и одна».
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Розу тебе с письмецом я пошлю.
Милая, сжался!
В нем расскажу, как тебя я люблю.
Выйди с мазой * и с араком **, молю!
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Лик твой прекрасней, чем тысяча роз.
Милая, сжался!
Лик твой прекрасен в уборе волос.
Ветер весны благовонья принес.
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Лик твой прекрасней, чем розы весной.
Милая, сжался!
Как соловей я пою под луной:
Милая, сжался хоть раз надо мной,
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат!

* М а з а — закуски: олива, сыр и пр.
** А р а к — восточная водка.

В косы вплети украшения роз.
Милая, сжался!
Выйди исполнить желания грез,
Вылечить муки, что я перенес!
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

ПЕСНЬ О ГРУЗИНСКИХ КРАСАВИЦАХ

Тифлис, хвала тебе, хвала!
Твоим красотам нет числа!
Любая дочь твоя мила, —
Кому грузинки не понравятся?

Природных бань твоих тепло
Их, белогрудых, привлекло.
Как плещутся — в глазах светло! —
Врастана * дивные красавицы.

Их лица как цветы в саду.
На них взглянуть — с ума сойду.
Хотя сулят они беду —
Кому грузинки не понравятся?

Их брови загнуты дугой,
В глазах чудесный луч такой!
И носят пояс дорогой
Врастана дивные красавицы.

Их косы чудно сплетены.
Их лица сладостней луны.
Неописуемо нежны, —
Кому грузинки не понравятся?

Сходясь, поют и пляшут вмиг.
А как вкусны слова у них!
Пьют из пиалов золотых
Врастана дивные красавицы.

* В р а с т а н — Грузия по-армянски.

Пройдут как павы — смотришь вслед,
И оторваться силы нет!
От них исходит звездный свет, —
Кому грузинки не понравятся?

Одеты в бархат и шелка,
Они взирают свысока.
Свежей, чем зелень цветника,
Врастана дивные красавицы.

Могучих дочери, они
Достойны славы искони.
Пред ними голову склони!
Кому грузинки не понравятся?

Я — океан греха, Нагаш,
Плененный вами! О, когда ж
Смогу воспеть я облик ваш,
Врастана дивные красавицы?

* * *

Приди ко мне в цветущий сад вечернею порой.
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.
Шамамы зрелые свои украдкой мне открой,
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Как звезды, родинки твои, язык твой — соловей.
Я умираю от тоски, печаль мою развей.
Ужель не стоит жизнь моя стыдливости твоей?
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Как жемчуг, зубы у тебя, глаза твои горят,
И косы черные твои едва ли не до пят.
В соблазнах я тону твоих грехов и выплыву навряд,
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Твой взгляд — палач, всем, кто не мил, он головы сечет.
Блажен, кто на твоей груди покой свой обретет,
Кому не пожалеешь ты божественных щедрот.
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Во имя господина-творца не будь со мною зла.
Ты двери дома своего открой мне, будь мила,
И сердце оживи мое, сожженное дотла,
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Я осажден, я обречен, мне нет пути назад,
Перед тобой твой раб Нагаш ни в чем не виноват.
За что ж караешь ты меня, мир превращаешь в ад?
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

ТЫ ОТКУДА ПРИЛЕТЕЛА, ПТИЦА?

Ты откуда прилетела, птица?
Как шараб, твой голос с уст струится.
Я — невольник твой, дай мне напиться
И сама со мной шараб испей!

Мне с моим мечтаньем не расстаться,
О другой помыслить — святотатство.
Для чего мне все мои богатства,
Коль не станешь милою моей?

Лик твой светлый, глаз твоих горенье
Смертных повергают в изумленье.
Что ж бросаешь ты в меня камень?
Снизойди ко мне и пожалей!

Одеянье черно или бело —
Все красиво, что б ты ни надела.
Я страдаю, а тебе нет дела.
Смилуйся и кровь мою не лей.

Грудь твоя — два зрелых апельсина.
Стал я жалок, в этом ты повинна.
Ты одна — беды моей причина.
Знак подай, беду мою развей!

Я — Нагаш, влюбленный безнадежно, —
Знать хочу, что истинно, что ложно.
Кроме страсти, в мире все ничтожно.
Горе мне, спаси меня скорей!

* * *

Тебе достойную воздам ли дань я?
О горе, горе, слишком ты сладка,
Мой озарило путь твое сиянье,
Твой взгляд пронзил меня издалека.

Любимая, твой взгляд огнем лучится,
Грудь — океан, и мне порою снится,
Что я руками легкими, как птица,
По волнам сладостным скользнул слегка.

Прошу я: сжался над душой моею.
Ни с розой, ни с жасмином, ни с лилией
Тебя, твой раб, сравнить я не посмею.
О горе, горе: ты нежней цветка.

У соловья язык ты одолжила,
И что б ты ни сказала, все мне мило.
И кажется, что речь твоя продлила
Мое существованье на века.

Молю, истерзанный тоской великой:
Приди ко мне с раскрывшейся гвоздикой.
Поверь, что без тебя, без ясноликой,—
О, горе, горе,— жизнь моя тяжка.

Блестит твой пояс с пряжкой золотою.
Готов идти я следом за тобою.
Мне ведать не дано, чего я стою,
Но стоишь царства ты наверняка.

ТЫ И ЛАНЬ МОЯ, И ГАЗЕЛЬ

Сад расцвел, наступила весна.
Ты со мной, как зима, холодна.
В чем моя пред тобою вина?
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

Дремлет сад, далеко до зари.
Ты свой рай предо мной отвори
И промолви: «Что хочешь, бери!»
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

Мы, как всё, превратимся во прах.
Но покуда желанье и страх
И в твоих полыхает глазах,

Ты и лань моя, и газель,
Я таких не встречал досель.

Я, как рыба на сковороде,
Ты ведь тоже горишь, ты в беде.
Что же врозь мы всегда и везде?
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

У меня нет любимой иной,
Погляди, что случилось со мной.
Ты виновна, что стал я больной.
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

Чтоб заставить сильнее страдать,
Ты решила мне грудь показать.
Приоткрыла, закрыла опять.
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не видал досель.

Ты атласом стянула свой стан,
И погиб я, твой раб Овнатан.
Я вином твоим сладостным пьян.
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

* * *

Лик твой — как луна, глаза горят.
От кого ты родилась такую?
Золотые волосы до пят
Дай я поцелуями покрою.

Брови — две светящихся дуги.
Милая, меня побереги.
Понапрасну сердце мне не жги
Взглядом, затененным кисеєю.

Двум подобны яблокам тугим,
Круглы груди под платком твоим.
Чтоб не увядать до срока им,
Мне дозвошь коснуться их рукою.

Платье, пояс — все тебе идет.
Что тебя в коварной жизни ждет?
Я боюсь — тебя обнимет тот,
Кто тебе не предан всей душою.

Красны губы, красны, как вино,
Но не мне испить его дано.
Я, Нагаш, тебя люблю давно,
Я хочу навеки быть с тобою.

ПЕСНЯ ВЕСНЫ И РАДОСТИ

Пришла весна. Блистает солнца круг.
Растаял лед, теплом повеял юг.
Цветут сады, и зеленеет луг.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

В тени ветвей цветущих отдохнем;
Вино горит сверкающим огнем,
И лепестки, слетев, белеют в нем.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Как знать, что нам пошлет навстречу рок;
Людская жизнь — что полевой цветок:
Сейчас в цвету, а завтра он поблек.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Весна, и свет, и пасхи благодать...
Фиалкам цвести, и розам цвести опять,
Песнь соловья нам сладко услышать.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Подвинь сюда наполненный сосуд,
Барашка пусть на блюде принесут;
В котле пилав, миндаль, гвоздики тут...
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Журчит ручей, и зелень тешит взгляд.
Мы пьем вино, мы сели дружно в ряд,
И розы пусть подарит брату брат.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Достойно пить — без выкриков и ссор.
Кто шумно пьет, тому, друзья, позор!
Мы мирно пьем, и только весел взор.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Плачь, Овнатан, ты во грехах погряз.
Непрочно все, что в мире тешит глаз.
Так будем пить, — веселья краток час!
Творцу хвала, пусть он не взыщет с нас.

ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Прибодренный весенним цветеньем
И ликованием вернувшихся стай,
Преобразился почти во мгновенье
Сумрачный мир, превратившийся в рай.

О соловей, что желал ты, свершилось,
Роза твоя в цветнике распустилась.
Славь же великую Божию милость
И в безнадежной тоске не рыдай.

Роза, омывшись росинкой падучей —
Легкою каплей, оброненной с тучи,
Стала еще ароматней и лучше
И нанесла тебе боль невзначай!

Всюду весна подняла свое знамя,
Всюду зажгла изумрудное пламя.
Горные склоны покрыла цветами,
Вешней травой украсила край!

О богородица, дева святая,
Молим, к твоим мы стопам припадая:
Детям сего просветленного края,
Благословенье и счастье нам дай!

НЕ ПЛАЧЬ, СОЛОВЕЙ

Полно, не причитай, не сетуй и не скорби,
Ты мне забиться дай, ран моих не растрави.
Лучше не поминай горькой моей любви.
Слез горячих не лей, не плачь, печальная птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Чья-то злая рука ставит мне сотни препонов,
И далека, далека та, в кого я влюблен.
Боль и твоя тяжка: с розою ты разлучен,
И все-таки слез не лей, не плачь, печальная птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Ты, улетаая на срок, к розе вернешься опять.
День возвращенья далек, все же он должен настать.
Я ж навсегда одинок, мне милой не увидать.
Слез понапрасну не лей, не плачь, печальная птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Зря ты грустишь, соловей, зря ты клянешь весь свет.
Много на свете роз, и каждой прекрасен цвет,
А схожей с милой моей красавицы в мире нет.
Слез горячих не лей, не плачь, печальная птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

СВЕТ МОИХ ОЧЕЙ

Свет моих очей, тебя люблю я.
Пленника, меня не позабудь.
В этот скорбный час тебя молю я:
Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь порабощенного.

О моя голубка дорогая,
Я, в далекий отправляясь путь,
Покидая край твой, заклиная:
Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь порабощенного.

Розы лепесток благоуханный,
Свет, не убывающий ничуть,

Слышишь, говорю я непрерывно:
Пленника, меня не позабудь!
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь порабощенного.

Жаворонок, рвался ты в тревоге,
Чтоб из рук влюбленных ускользнуть.
Милая, коль помнишь ты о боге,
Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь порабощенного.

Без тебя бреду я наудачу,
Злое горе мне сжигает грудь,
И во сне и наяву я плачу:
Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь порабощенного.

Книги жизни — лучшая страница,
Может быть, еще когда-нибудь
Будет суждено мне возвратиться,
Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь порабощенного.

К МАМОНЕ

Кто ты, откуда твой закон,
Что может нас обречь на муку?
Кому ты не протянешь руку,
Тот на злосчастье обречен.

Немилости твоей страшится
И тот, на ком золотой венец.
Кто помощи твоей лишится,
Тот как без пастбища телец.

Ты губельна для душ людей,
Ты порождаешь зло, и все же
Порою мы свершить не можем
Добра без помощи твоей.

Ты с нами строго сводишь счеты.
Ты, нас опутав, служишь злу.
Так почему же в кабалу
К тебе идут с такой охотой?

Страдая от твоей руки,
Порой тебя мы покоряем
И торопливо запираем
В окованные сундуки.

Дрожат могучие колонны,
И стены разрушенья ждут,
Когда, тобою укрепленный,
Подходит к ним ничтожный люд.

Чем мы твоей послушной воле,
Тем мы свободней и сильней;
И чем сильнее мы — тем боле
Мы властью связаны твоей.

Ты труса превратишь в героя,
Его заставишь рваться в бой.
И дарит силу нам порою
Бессилие перед тобой.

И хоть ты, может, всех сильней,
Но все-таки порой бывает,
Что и слабейший из людей
Тебя с презреньем попирает.

* * *

Пришла весна, и меж ветвей — тиховой.
В тоске любви вчера в саду соловей
Близ милой розы рокотал, молвя ей:
Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Минула ночь, и наконец рассвело,
С востока солнце, загораясь, подошло;
А сердце с вечера тоской истекло.
Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Плепился каждым я твоим лепестком,
Не останавливал бы глаз ни на чем;
Мне без тебя — ночная тьма даже днем.
Явись прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Пусть от шипов сто тысяч раз мне страдать,
В огне любви пусть песни петь и рыдать, —
Все за великую сочту благодать!
Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Петрос Капанци

НАРОДУ МОЕМУ ЛЮБИМОМУ

Коль ты меня, народ мой, не наставишь —
Мне по миру скитаться круглый год,
А если ты мне светлый лик свой явишь —
На путь благой ступлю я, мой народ!

Как вешний дождь, твое веленье свято.
Когда пригреешь ты меня как брата,
Вновь становлюсь я тем, чем был когда-то,
А не пригреешь — мучусь от невзгод!

Нет без тебя мне счастья, я безроден,
Без твоего участия я бесплоден.
На что я годен и кому угоден?
Я словно древо, где не зреет плод.

Привечен ты владыками вселенной,
Отмечен в книге древней и священной.
Подобно солнцу вечный и нетленный,
Меня ты озаряешь, мой народ!

Ты, озаренный светом и весною,
Исполни все желаемое мною.
Коль твоего благоволенья стою,
Благослови — и сад мой зацветет.

Но что ж ты допускаешь промедление,
Зачем свои скрываешь побужденья?
Твое неторопливо пробужденье,—
Веди меня, мой праведный народ!

СТАИ

Печальный стон сегодня слышен мне
Над полем и над лесом в вышине.
Тоскуя о родимой стороне,
Летят куда-то стаи, стаи, стаи.

Цвели цветы, здесь был недавно рай,
Увял и сник цветущий этот край.
Здесь больше места нет для птичьих стай,
И улетают стаи, стаи, стаи.

Кто знает, будет доброй или злой
Судьба, всегда подернутая мглой?
Скорбя и плача о весне былой,
Летят куда-то стаи, стаи, стаи.

Простилась птица каждая с гнездом,
Сошла трава, повяло все кругом.
Редуют тучи, бедные дождем,
И улетают стаи, стаи, стаи.

И ты спешишь, о жаворонок мой,
Ну что ж, лети дорогою прямой,
Но с вестью о весне вернись домой,
Не покидая стаи, стаи, стаи.

НЕ ОСЫПАЙ, О РОЗА, ЛЕПЕСТКИ

Не осыпай, о роза, лепестки,
Не заставляй терзаться от тоски
И слезы лить того, кому нужна
Из всех цветов на свете ты одна.

О роза, свой не осыпай ты цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

Сулит нам сотни благ весна вокруг,
Пойми же, роза, кто твой враг, кто друг.
Не делай так, чтоб в сей счастливый миг
Главою твоей возлюбленный поник.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

Как хитрый вор, придет садовник в сад,
На розу бросит он недобрый взгляд,
Шипы оставив, розу он сорвет,
А гибель розы и меня убьет.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

Неумолим садовник и суров,
Он все сорвет, ему не жаль цветов.
Так будь, любимая, ко мне добра,
Пока царит цветения пора.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

На краткий срок, покуда не придет
По наши души грозный садовод,
Меня привить, с тобою быть позволь,
Дай мне излить перед тобою боль.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

Григор Ошақанци

ПЛАЧ О ГОРОДЕ АНИ

Прославленный в былые дни
Приют царей, ты был твердыней,
А ныне на себя взгляни —
С вдовицей бедной схож ты ныне.
Ты погран, славный град Ани.
Ты стал безлюдною пустыней.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

Ты сыновей своих растил
Не для позора, но — проклятье! —
Чингис коварный подступил,
Несметные приблизил рати,
И в битве недоставало сил
Твоим сынам, чтоб отогнать их.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

Подняв тяжелый камнемет
На земляные укрепления,
Монголы двинулись вперед
В ожесточенное сраженье —
И рухнули твои строения
И стен твоих высокий свод.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

Вознесся ввысь, вселяя страх,
Клич воинов многоплеменных,
И затаилась скорбь в глазах
Твоих гусанов обреченных.
И пение святых канонов
В твоих умолкнуло церквах.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

Несчастный город, в этот год
Твои строения опустели,
И в храмах, как в глухом ущелье,
Пасется одичалый скот.
И нет уже былых красот
В твоих церквах, где хоры пели.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Ты подобна розе алой,
Райской птице небывалой,
Милости прошу я малой:
Лик свой сладостный яви
Мне, невольнику любви!

Голос твой — ручей журчащий,
Гласа ангельского слаще.
Я молю тебя, скорбящий, —
Истомленному тоской,
Дай мне лик увидеть твой.

Дни скорбей моих настали,
По горам брожу в печали,
Тщетно вглядываюсь в дали.
Лик свой обрати ко мне,
Страннику в чужой стране.

Дан был мудрым Соломоном
Мне совет в пути бессонном:

«Жди у родника под склоном,
И настанет сладкий миг —
Милой ты увидишь лик».

Вот и жду я, обреченный,
Я ищу тебя, влюбленный.
Я молю, изнеможенный:
Свет яви во мгле дорог,
Я от скорби изнемог.

Вслед спешил я за тобою.
Враг следил с ухмылкой злою,
Он пронзил меня стрелою.
Так явись в последнем сне
Умирающему мне!

Арутин
Саят-Нова

* * *

Как соловей, томилась ты,
Как роза, распустилась ты,
Водой из роз омылась ты,
Омылась ты.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Твоя краса лютей бича,
Ах, тоньше волос твой — луча,
К лицу — с павлинами парча,
К лицу парча.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Ты светишь солнцем и луной, —
Я по тебе томлюсь тоской, —
Ты носишь пояс золотой,
Ах, золотой!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Парча румянцем зацвела,
С бюльбюлем слезы ты лила,
На щечке родинка мила,
Ах, как мила!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

По мне заплачет и скала —
Какие ты творишь дела!
Саят-Нову с ума свела,
С ума свела.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Март 1752

* * *

Ты, безумное сердце! мне внемли:
Скромность возлюби, совесть возлюби.
Мир на что тебе? Бога возлюби,
Душу возлюби, деву возлюби!

Божий глас внемли и твори добро,
В житиях святых слово — серебро;
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди чести чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Там, где господин, будь не горд, но тих;
Скромным будь всегда у господ своих:
Но у всех — душа: возлюби чужих,
Бедных возлюби, гостя возлюби.

Так, Саят-Нова, мудрость жить велит.
Что нам эта жизнь? Страшный суд грозит!
Душу берегай: возлюби и скит,
Келью возлюби, камни возлюби!

1 мая 1753

* * *

Твой силен ум: таким рожден, —
себя глупцу равнять зачем?
Меня за свой вчерашний сон презрительно считать зачем?
Я издавна горю, сожжен! Опять меня сжигать зачем?
Устала ты, поверю я, меня же обвинять зачем?

Привет! Ведь ты сильна, как тот Ростом, — сын Зала! —
дочь царя!
Старинный твой прославлен род, красы зеркало, дочь царя!
Коль грешен я, пусть меч не ждет меня нимало, дочь царя!
Но господу побойся ты: напрасно враждовать зачем?

Кто ранен, позовет врача: не повредит, поможет он;
Раба ругают сторяча, судиться все ж не может он.
Кто сердцем светел, как свеча, молву людей отложит он.
Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать зачем?

Не всем мой ключ гремучий пить:
особый вкус ручьев моих!
Но всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить!
гранитна твердь основ моих!
Так наводнением без конца их тщетно подрывать зачем?

Вьет ветер морской, песок гоня:
песка не меньше будет все ж!
Живу ль, не станет ли меня, —
толпу напев разбудит все ж!

Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет все ж!
В Абаш, к арабам, к индам
прах Саят-Новы ссылать зачем?

* * *

Твой волос — смоченный рехан,
иль шелка нить, или струна.
Обводит золото черты, а бровь проведена.
В устах — и жемчуг, и рубин. Твоя завидна белизна.
Пусть я умру, будь ты жива.
Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

На полюбившего сильнее пусть упадут напасти все.
Уже два года протекли, как я тоскую о красе.
Пусть я умру, будь ты жива.
Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Увяла роза, соловей не прилетает больше в сад.
Я ранен в сердце, я спален,
нет больше для меня усад.
От страсти занедужил я, лежу и жизни сам не рад.
Пусть я умру, будь ты жива.
Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Я в горы, как Меджнун, ушел,
но от Лейлы ни слова нет.
Горю, но жажду утолить напитка ледяного нет.
Клянусь, одна ты яр моя, и друга мне иного нет.
Пусть я умру, будь ты жива.
Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Саят-Нова сказал: залум! * Кровь вытекает со слезой,
Адама нечестивый сын, вовек проклятье над тобой!
Где твой обет на тридцать лет? Обет ты нарушаешь свой.
Пусть я умру, будь ты жива.
Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

1 марта 1754

* З а л у м — безжалостная, злая.

* * *

Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для тебя.
Колких репьев не собирай, — мак, сусамбар я для тебя.
Спрячу тебя в тень от жары, пышный чинар я для тебя.
Смерти твоей я не хочу, персик, шакар* я для тебя.

К розе чужой ты не стремись, — розы своей не обездоль,
Изредка к нам в сад загляни,
дружбу храня, помня хлеб-соль.
Мир обойдя, ты не найдешь розы такой, ласковой столь,
Лишь бы другой не полюбил, верная яр я для тебя.

Лучше бы я не родилась, горе весне, сблизившей нас.
О соловей, не говори: краток цветка розовый час,
И в Индостан не улетай,
что тебе ткань, бархат, атлас?
Все, чего ждешь, здесь ты найдешь, —
шелка пожар я для тебя.

Богом клянусь:
нежный мой цвет рад для тебя жертвою стать.
Будем с тобой весело жить,
нам с соловьем грусть не под стать.
Пусть говорят все, что хотят, стану тебе я угождать.
Хочешь, создам вечную жизнь силою чар я для тебя.
Старит беда, стала и я старше от мук, Саят-Нова,
Чашу любви не отдавай в руки из рук, Саят-Нова,
Я привозной редкий атлас, верный мой друг, Саят-Нова,
Песенник свой в ящике скрой, —
сладостный тар я для тебя.

1 апреля 1754

* * *

Лишь знать, как много лет тебе! —
с тобою твой гуслир блажен.
Не хочет есть, не хочет пить, —
— с тобою сидя, яр блажен.
Алеешь розой, вокруг тебя обвившись, сусамбар блажен.

* Ш а к а р — сахар.

В слезах бюльбюль и день, и ночь.
Твоих шипов удар блажен.

Ты благовоньем наполнишь мир.
В индийских взросшая лесах,
Так не могла б благоухать гвоздика у тебя в устах.
Ты в украшеньях день и ночь,
и держишь ты цветок в руках,
К губам подносишь.
Глаз твоих под скромной бровью жар блажен.

Сколько многим смерть через тебя! Они томятся всякий час.
Вздыхает, кто не зрел тебя, —
вздохнет, узрев, сто тысяч раз.
В тебя родится сын — готов пленок золотых запас.
Иль мать вторично дочь родит — в тебя.
Подобный дар блажен.

Один портрет твой в Арабстан,
другой же в Индостан попал,
Один портрет твой в Крым попал,
другой же в Дагестан попал,
Один портрет твой в Рим попал,
другой же в Прангистан попал.
Тебя увидя, скажет всяк:
твой образ, полный чар, блажен!

Давай садись, Саят-Нова,
и молви сладостно свой сказ.
Не предавайся звукам весь,
в томленьи дум откинь свой саз.
Хрусталь в руках твоих. Налей!
Две чаши выпьем мы зараз.
Тобой на диво принят гость. С тобою сазандар блажен.

1755

* * *

Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач,
Дай иного, иного лекарства мне!
Жжешь, не лечишь ты рану, горит — хоть плачь,
Дай иного, иного лекарства мне!

336

А она: не тревожь, уходи скорей,
На другой, на другой ищи стороне!
Не бывает добра от таких затей,
На другой, на другой ищи стороне.
На другой, увы, стороне.

Говорю ей: покоя не знаю я,
Стал бездельником, прочь бегу из жилья,
Тело чахнет, стораает душа моя,
Дай иного, иного лекарства мне!

Отвечает: тебя мне не исцелить,
Сам ты горе свое научись избыть,
А не то оборвешь краткой жизни нить.
На другой, на другой ищи стороне.

Соловей я, а розу сожрет червяк,
Ты вложила мне в рану палиючий злак.
Ах, и в книгах, и в песнях грустят не так,
Дай иного, иного лекарства мне.

Говорит: благо ты превратил во вред,
Ни боязни, ни совести, видно, нет,
Не гаси своей жизни неяркий свет, —
На другой, на другой ищи стороне.

Я сказал: золотишь ты волосы хной,
Поглядел как-то раз я в тиши почной,
Стал мне смертью любви ненасытный зной —
Дай иного, иного лекарства мне.

Пусть я царской короны аквамарин,
Пусть ты любишь меня, как Фархад — Ширин,
Пусть всегда мной любим был лишь ты один —
На другой, на другой ищи стороне.

Ах, не спорь, не кружи моей головы,
Захлестнуло мой челн волной синевы.
Коль умру — нет второго Саят-Новы,
Дай иного, иного лекарства мне.
Дай, увы, иного лекарства мне.

3 сентября 1756

12 Средневековал армянская

* * *

От любви, как Меджнун, горю,
Думой вслед за Лейли парю,
Ты не засти, гора, зарю,
Прочь, гора, уйди, говорю, отсюда, отсюда!

За самшит милых рук и плеч
Пусть войдет в мое сердце меч,
Рад к порогу любимой лечь
Хоть на камень. Ты слышишь речь — отсюда, отсюда!

Стан твой в шелк и атлас одет,
Держишь чашу, а в ней шербет.
От любовных томлюсь бесед.
Дай лекарства! Услышь, мой свет, отсюда, отсюда.

Сад люблю — садовник не я,
Знаю, кто хозяин жилья,
Песнь моя — призыв соловья.
Уходи, колючка репья, отсюда, отсюда.

Саз — пиров упоенье — ты,
Монастырское пенье — ты,
Плод — садов украшение — ты.
Слышишь — Саят-Новы мечты — отсюда, отсюда?

5 апреля 1757

* * *

Жив доколь я, джан, — милой в жертву дан.
Как избыть дурман?
Слез я лью фонтан, пусть умру от ран, —
ты лишь здравствуй, джан!
Молвишь: «Я — джейран!» —
и, любовью пьян, вижу стройный стан.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Косы милой — мед, что фисташка — рот, все любви игра!
Близко от ворот до озерных вод, — рог трубит с утра.
Роза к ветке льнет, соловей поет, — всем гулять пора.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Свой оставим дом и уйдем вдвоем! В ветках капли рос,
В рифму запоем! С ярим лепестком мак цветы вознес,
А в саду немом — роза с соловьем; лилии — меж роз.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Сроду ты была, милая, мила, словно та Лейла!
Я сожжен дотла! — прядь волос легла, где шипов игла.
Роза зацвела, и в дремоту мгла соловья ввела.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

На тебе богат дорогой наряд, шелк, парча горят.
Кубок твой подъят, лей вино услад! —
жертвы не щадят.
Только выйди в сад!
Режь, — Саят-Нова будет только рад.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

2 мая 1757

* * *

Меджнун я, тоской палимый,
Лейли! Недуг исцели мой!
В печали неутомимой
Я плачу кровью, сторая, сторая.

Ночным соловьем рыдал я,
Ронял не слезы, а лал я,
В горячке, в бреду пылал я,
Пав к изголовью, сторая, сторая.

Безбожником стал я ныне,
В любовной истлел пустыне.
Безжалостна ты, в гордыне, —
Взываю вновь я, сторая, сторая.

Кричу, помогите, други,
Грудь — сад, а брови что дуги,
Нет краше во всей округе,
Любуюсь бровью, сторая, сторая.

Фиалка, цветок мимозы,
Дыханье карминной розы,
Утишь Саят-Новы слезы,—
Горю любовью, сгорая, сгорая.

1757

* * *

Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце?
жжет она!
Болезнь — любовь и этот раз,
лекарство в свой черед,— она!
Я слег,
но взор мой каждый час опять к себе влечет,— она!
Мне надо умереть,
ко мне, ах! лишь тогда придет она!

Весна настала,
и манят зазеленевшие края;
Фиалковые горы в сад давно послали соловья.
Но песни ночью не звучат. Чинара, это месьть твоя?
Пусть ищет роза соловья: его, ах! не найдет она!

Мак, ярко-красный, дал совет:
«Скиталец-соловей влюблен
И, верно, вспомнит про букет, что базиликой оплетен,
Но ты солги, что розы нет и что цветок был унесен!»
Вот — изгородь, ах, соловей!
Твой бедный труп несет она.

Сладки, сладки — твои слова! Язык твой сахар и набат*,
И твой шербет, гласит молва,
хорош, как спелый виноград.
Семь дней твердил я,
ты ж, резва, семь платьев мерила подряд,
Бязь и кумач, но где же ткань, что всех достойней?
Ждет она!

Язык ашуга — соловей:
он славит, не клянёт слепеча!
Пред шахом он поет смелей, и для него нет палача,
Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех, звуча,
Лишь ты, Саят-Нова,— в беде, пришла, не отойдет она!

Июнь 1758

* На бат — кристаллы топленого сахара, лакомство.

* * *

Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты.
О стыд души, не убивай меня тоской заране ты!
Изделье царских мастеров, халат из лучшей ткани ты.
Инд, и Абаш, и Арабстан, Калат, что в Хорасане, ты.

Как горна золотой огонь, твое лицо, сияя, жжет,
И всякий, видящий тебя, ума лишится в свой черед.
Кто не видал, к тебе спешит, а кто увидит, тот умрет.
Картина с фоном золотым, хранимая в сафьяне, ты.

Их много, кто, пленясь тобой,
тоскуя встретит смертный час.
А ты, как редкостный товар,
открыта взору в год лишь раз.
Твой господин сполна блажен,
есть пицца у него для глаз.
Сад роз, и летом и зимой полна благоуханий ты.

Хвала художнику тому, кто нарисует твой портрет.
От лба до брови не дойдет,
каким он рвеньем ни согрет.
Твоей возжаждавший воды, не утолится ей, о нет!
В ширазском кувшине шербет сладчайший для гортани ты.
Блажен сидящий близ тебя, яр, чья подруга такова,
Кто не встречал коварный яр,
кто верить мог в твои слова.
Скажи: владеющий тобой, боится ль бед Саят-Нова?
Ты с костяным узором сень, дворец меж прочих зданий ты.

6 сентября 1758

* * *

Яр, никогда не знай беды, беда вовек — врагам твоим.
Благоуханьем залит мир нежнее, чем бальзам,— твоим,
Позолоченный Асмавур* не предпочту словам твоим.
Сияешь ясною луной,— и где предел лучам твоим?

В поток любви твоей войдет не всякий,
он — глубокий, залум.

* Асмавур — название армянской церковной книги: «Святцы». «Жития святых».

Он тридцать перейдет мостов,
а все пред ним поток, залум.
От стрел-бровей, от стрел-ресниц
я вовсе изнемог, залум.
Пловцу открыта смерти дверь, он обречен волнам твоим.

Твой стан — поднявшийся тростник,
а лик твой на букет похож
Из всех цветов,
но цвета нет, что б был на вдовый цвет похож.

Горит алмаз во рту змеи, — он на тебя, мой свет, похож.
Ты освещаешь бед огня, покорна ночь огням твоим.

Едва приветишь, —
твой привет — приветствие владык, точь-в-точь.
Пергамент — руки у тебя,
и жар-перо — язык, точь-в-точь.

Как знамя золотой парчи,
ты вьешься каждый миг, точь-в-точь.

И всякий думает: ты шах, предшествуешь войскам твоим.

Яр, отдалиться от тебя тяжеле смерти для меня.
Язык твой сладок, речь сладка,
в устах — камень ярче дня.

И семь десятков на лице чернеет родинок, маля,
Как семь десятков слов несет Саят-Нова к ушам твоим.

9 октября 1758

* * *

Чужбина — мука соловья: год — сада он родного ждет!
Чтоб подала рука твоя вина мне, сердце снова ждет!
С другими ты, и мучусь я: как раб царя земного ждет!
Созрел грудей твоих шамам, — сосуда золотого ждет!

Слова бессильны пред тобой! Как алый лик твой описать?
Как бровь изобразить сурьмой? И золота тут мало взять!
И только стан прекрасный твой
овалу плеч твоих под стать!
А золото твоих волос давно луча дневного ждет!

Ты с детства слышишь голос хвал:
но славить красоту я рад.
Ковчег — твоих грудей овал, чтоб ставить амбру и мускат!

Не может, кто тебя встречал,
представить лучший миг услад!
Рука — самшит, а пальцы — воск:
хрустальных спиц он снова ждет.

Нет, я не полюблю другой!
Сдается: ты мне суждена!
Лишь я неделю не с тобой, как рвется каманчи струна!
Сам царь иль врач Лохман* со мной,
а мне поется: «Где она?»
Им раны не понять моей: она клинка стального ждет!
Красавица! В тоске души один брожу, сожжен тобой!
Красавица! О, не спеши! дай погляжу, пленен тобой!
Красавица! мир чей, реши: сужу, что отнят он — тобой!
Доколе жив Саят-Нова, тебе ль певца иного ждать!

1758

* * *

Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей.
Привет мой взору твоему. Живу с тоской, о свет очей!
Ты отвернулась, но я чист перед тобой, о свет очей!
Весь мир насыщен, я один томлюсь алчбой, о свет очей!

Иль раньше не любил никто? Какая на меня напасть?
От чар твоих я без ума, меня испепеляет страсть.
Всех да минует мой удел, его не вынести и части!
Как перепел, я опален твоей красотой, о свет очей!

Друзьями ль объявлю врагов,
когда врагом стал каждый друг?
Не вижу, как проходит день,
наполнить нечем мне досуг!..
Господь свидетель, — тяжко мне,
и вон все валится из рук.
Ты море чар, а я, как челн, в пучине той, о свет очей!

Уста раскрою, но они как описать тебя могли б?
Уже я десять лет брожу, как падишахов тот шахиб**,
Семь лет я с сазом проброжу,

*Лохман — придворный врач.

**Шахиб — высший чиновник при дворе.

как некогда бродил Кариб *,
Ты мой кумир, ты Шахсанам **, и нет другой, о свет очей!
Будь у меня сто тысяч бед,
не дрогнет сердце им в ответ.

Ты — повелительница, ты, и мне иного шаха — нет,
Саят-Нова сказал: «Увы, не страшно мне покинуть свет,
Но ты, ты, косы распустив,
плачь надо мной, о свет очей!»

1758

* * *

Ты ярче сбруи золотой в своих камнях, красавица.
Хранимы ты и милый твой на небесах, красавица.
Ты соловью дала язык, ты рай в цветах, красавица,
Но розе — месяц жить, а ты живешь в веках, красавица.

Хвалить тебя — конца не знать,
всею не перечесть добра:
Убранство стен твоих — парча, ковер чудеснее ковра,
И каждый гвоздик — золотой, и доски сплошь из серебра,
Ты — трон павлиний, что воздвиг великий шах,
красавица.

Ты — Искандеров царский лал, жемчужин вереница ты,
Саморедчайшего зерна чистейшая частица ты;
Когда выходишь ты гулять, не различаешь лица ты,
Тебе пред сильными земли неведом страх, красавица.
Возможно Соломонов ум ума превысит глубиной,
Возможно дорогой наряд заткать жемчужною волной,
Быть можно гурией в раю, быть можно солнцем и луной, —
Ты превосходишь все, что есть в земных краях,
красавица.

Тебя одел небесный снег,
ты пахнешь, как весна, мой друг,
Кто сядет рядом, — опален, ты так чудес полна, мой друг.
Саят-Нова еще живет, зачем же ты грустна, мой друг?
Пусть я умру, а ты живи, оплачь мой прах, красавица.

1758

* Кариб — скиталец-ашуг, преданно любивший свою возлюбленную.
** Шахсанам — возлюбленная Кариба.

* * *

Я был в Абаше *, я весь мир прошел до края, нежная,
Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
Ведь на тебе и холст простой — ткань парчовая, нежная,
Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная.

Ты — дивный жемчуг.
Счастлив тот, кому судьба купить тебя.
Не пожалееет, кто найдет, но горе — обронить тебя.
Увы, в блаженном свете та,
чей жребий был родить тебя;
Живи она, была б у ней, как ты, — вторая, нежная.

Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает красота,
Волна твоих густых волос янтарной нитью повита.
Глаза — два кубка золотых, граненых чашечек чета,
Ресницы — строем острых стрел разят, пронзая, нежная.

Лицо твое, сказал бы перс, второе солнце и луна.
Окутав шалью тонкий стан, ты золотом оплетена.
Художник выронил перо, рука виденьем сражена.
Встав, ты — как Раш,
а сев, — затмишь блеск попугая, нежная.

Но не таков Саят-Нова, чтоб на песке воздвигнуть дом.
Чего ты хочешь от меня, — как в сердце вычитать твоим?
Ты вся — огонь, твой плащ — огонь, — как воевать
с таким огнем?
На ткань индийскую твою легла другая, нежная.

1758

* * *

Я болен от любви к тебе, — о злом недуге плачу.
От горя я совсем зачах и вот в испуге плачу.
Как озабоченный векиль **, о всей округе плачу,
Изгнанник, потерявший дом, я по лачуге плачу.

Куда пойти, к кому воззвать, какой поможет властелин!
Когда бы врач Лохман воскрес,
помог бы мне лишь он один.

* Абаш — Эфиопия.

** Векиль — представитель власти, сановник.

На мой рассудок посмотри, я сам над ним не господин,
Разлив унес мое бревно — по легком струге плачу.

Сгорело сердце от любви, его не исцелить теперь.
Ограды нет, и нет плетня, на что мне этот сад теперь!
Остался лук без тетивы, на что такой снаряд теперь!
Стрелу о камень я разбил и по кольчуге плачу.

Напрасно я вожу пером, в чернилах словно влаги нет,
Всех слов не высказать зараз,
как вечной мудрости завет.
Как в затонувший монастырь, к моей душе потерян след.
Ушел мой пастырь, о грехе в сердечной туге плачу.

В селе ты первый старшина, в столице ты султан и хан,
В саду ты роза и жасмин, в горах ты молодой пушан*.
Сама убей Саят-Нову, он будет счастлив, бездыхан,
Себя не жаль мне, жаль народ: о нем, о друге, плачу.

1758

* * *

Угодливо, народный раб! служить ступай, Саят-Нова!
Стяжать отличие царя не всяк мечтай, Саят-Нова!
И пусть подносят желчь тебе, ты сахар дай, Саят-Нова!
Но от камней свое стекло оберегай, Саят-Нова!

Тупицу в школу помести, — от розг не поумнеет он,
Покуда из него злой дух покорно не ответит вон;
Кто черен, будет век таким, от мыла не белеет он;
Безродный в знать не лезь,
кривуль не выпрямляй, Саят-Нова!

Когда б ты звезды сосчитал и знал число очей ночных,
Погубит злое дело — все: чти жития людей святых!
Слова спасителя — жемчуг, прекраснее лилей лесных,
И свиньям лал и жемчуга ты не бросай, Саят-Нова!

Там — радость свадьбы,
там — печаль, там — пир и пенопенье — там,
Там — двое любящих в саду,
в церквах богослуженье — там;

* Ш у ш а н — лилия

Коль волю духа ты творишь,
не может быть и тленья — там,
Водой шумящей унесен, не унывай, Саят-Нова!

1758

* * *

Кто рядом сел — он пьян уже,
в его глазах двоишься ты,
Кто раз взглянул — безумным стал,
к безумцу не склонишься ты,
Источник мук и красота и лакомство меджлиса* ты,
Оно — на час, ты — навсегда,
зачем напрасно злишься ты?

У слов твоих шербета вкус,
но жгут, как будто зной в тебе,
Как конь-огонь, ты вся в лучах,
и все же блеск иной в тебе,
Жемчужный ток и перламутр!
Небесный свет весной — в тебе!

Златая дверь! Двойным замком из серебра хранишься ты.

Пусть солнце озаряет мир, пусть звезды день задул уже,
Твой свет сильней, не побороть твоих лучей разгул уже.
В руке — вода, в руке — и кровь,
палач свой горн раздул уже,
Виновен я — убей меня, не виноват — приблизься ты.

Что мне павлин, его наряд! Убранством беспорочна яр,
Пригретый солнцем гиацинт глядит из снега, точно яр,
Влекомый розой соловей, к тебе прикован прочно, яр,
Меня так скоро не гони, хоть соколом кружишься ты.

Любовь свела меня в постель, ни музыки, ни пенья нет,
Врачи все охают подряд: «Саят-Нове спасенья нет»,
Кто приглашал — ушел ни с чем.
Душе — отдохновенья нет,
Но встану я, коль ты придешь,
коль с каманчой сдружишься ты.

1758

* М е д ж л и с — государственный совет.

* * *

Рисунок лучших мастеров — в малейшей чести у тебя.
Прелестна родинка.
Не прядь — сенок 'для страсти у тебя.
Ты — роза, ты — и соловей, обоих сласть и у тебя.
И — проба золота — уста, душистей масти у тебя.

Лицо круглее что ни день — подобье молодой луны.
Без влаги вьются волоса, не скручены, не сплетены.
И все, кто раз увидит их, с прямой дороги сведены.
В медялис войдешь ли, — шорох, шум, —
и все во власти у тебя.

Приходят лик твой увидеть за городами города.
Спасенье тем, кто чует смерть,
в твоём бальзаме навсегда.
Как пери, с места привстаешь,
скользишь стопами без следа.

Что каманча, когда звончей громки запястий у тебя?
Фиалок, лилий, роз цветник у нежной на груди возрос.
Что твоему владыке сад, когда ты вся — дыханье роз?
Гуляет ветер меж цветов, он полнит парус из волос.
Мир — море, ты на нем — корабль,
трепещут снасти у тебя.

Кто мог бы восхвалить тебя, — ни одного не назову.
По глади моря голубой плывешь фиалкой наяву.
Нет сил бороться мне. Волна пусть унесет Саят-Нову!
Кто зрел тебя, с ума сойдет: для всех напасти у тебя.

Март 1759

* * *

Наш мир — окно,
но улиц вид меня гнетет, мне стал не мил.
Кто взглянет, ранен.
Язвы жар, что душу жжет, мне стал не мил.
Сегодня хуже, чем вчера; зари приход мне стал не мил.
Нельзя резвиться каждый день.
Забав черед мне стал не мил.

Что достоянья редкий клад, когда от нас он утечет?
Тот человек хорош, кого сопровождал всегда почет.
Мир не останется для нас, как слово мудрых нам речет.
Хочу бюльбюлем улететь,
мой сад — и тот мне стал не мил.

Ты не поручишься, что день с утра до ночи проживешь.
В руках господних, человек, легко придешь ты и уйдешь.
Но эта правда не для всех, людьми овладевает ложь.
Им — двадцати — не взять раба!
Весь рой господ мне стал не мил.

Мир не останется для нас, — пусть жизнь порой и весела.
Адама нечестивый сын, проклятье на твои дела!
Нет сил терпеть насмешек злых, душа моя изнемогла.
Врагами стали мне друзья, чужой народ мне стал не мил.

Саят-Нова сказал: дни бед меня гнетут превыше мер.
Бывалой сладкой славы нет, и горек труд превыше мер.
Над розой плачу, как бюльбюль, —
шипы растут превыше мер.
Раскрыться розам не дают, —
их сбор и счет мне стал не мил.

Апрель 1759

КАМАНЧА

Из всех людьми хваленных лир
полней звучишь ты, каманча!
Кто низок, не иди на пир:
перед ним молчишь ты, каманча!
Но к высшему стремишься:
весь мир, всех покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мне — принадлежишь ты, каманча!

Ушко — серебряное будь, сверкай на голове — алмаз;
Рука — слоновой кости будь,
на чреве — перламутр, что глаз;
Струна — из золота свита будь,
резьбой пленяй, железо, нас;
Ты — бриллиант и лал!
И суд — всех посрамишь ты, каманча;

Смычок быть должен золочен,
чтоб пышно он блистал, звеня;
Певучий волос — быть сплетен из косм крылатого коня.
Тем, как бальзам, даришь ты сон,
тех ты бодрить всю ночь, до дня;
Ты — золотой сосуд с вином,
и всех пьянишь ты, каманча.

В ашуге две души с тобой: ему и чай и кофе есть;
Когда он утомлен игрой, на полке ты находишь честь,
Когда ж поет, — вновь пир горой,
ты — празднеств и гуляний весть!
Собрав красавиц вокруг себя,
их всех манишь ты, каманча!

Ты всем даешь веселый вид,
с тобой опять здоров больной;
Чуть сладкий зов твой зазвучит,
блажен, кто говорит с тобой.

Проси, да скажут:

«Бог продлит — дни нас пленявшего игрой!»

Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, каманча!

1759

* * *

Меня и милую мою година та ж родила, знай,
И потому я вздох таю, а в сердце кровь застыла, знай,
Я днем и ночью слезы лью, а в грезах много пыла, знай,
Мой влажен глаз, язык сожжен,
уста любовь спалила, знай.

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой оно,
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной оно,
Но мне надежды в жизни нет, близка моя могила, знай.

Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного мне,
Я острых слов не нахожу, но для чего и слово мне!
Тысячекратно я тужу: дано так много злого мне,
И мысль и память как в цепях,
меня пучина скрыла, знай.

350

Но сердца траурен наряд,
и кровь из глаз струится вновь,
Как тучи на море лежат,
так жаждет грудь упиться вновь.
Лечить я рану сердца рад,
но можно ль исцелиться вновь?
Так истекаю кровью я, ах!
Я отвергнут милой, знай!

Кто видит, говорит сейчас:
«Ты гибнешь, ах! Саят-Нова!
Тебя встречать ли нам не раз, кровь на очах,
Саят-Нова!
Иль лучшей девы, лучших глаз нет на пирах,
Саят-Нова!
Вся жизнь прошла, как сон,
плодов лоза не подарила, — знай!

1759

* * *

Скажу я сердцу твоему — зачем со мной ты не в ладах?
И пьяницу спрошу потом: ужель с лозой ты не в ладах?
Вины моей нет никакой, гляжу с тоской —
ты не в ладах.
Все беды мне, я терпелив всегда с тобой, —
ты не в ладах.

Разлуку трудно перенести. Идут лета? — не знаю сам,
Подавлен ум, заморожен. Где красота? — не знаю сам.
Путь караванам к нам закрыт. Давно ли так? —
не знаю сам,
Как сборщик пошлин, говорю: с пустой сумой
ты не в ладах.

Любовь уже совсем слаба, порвать ту нить все хочет яр,
Как мальчиком руководить, меня учить все хочет яр,
Зла не поняв, ножом, шутя,
сердце пронзить все хочет яр,
Мне жизнь не в жизнь, красавица,
коль с прямою ты не в ладах.

Немало мудрых книг прочел и притчи изучил сполна.
Но сердцу вновь услады нет: меня несет любви волна.
Свидетель бог, пусть и врагу такая участь не дана.

351

Убита лань.

Я говорю: знать, с той стрелой ты не в ладах.

Пришла весна во всей красе, петь соловью пора уже.
Саят-Нова один в слезах, его тоска стара уже:

Коль ты теперь без свиты хан —
с своей судьбой ты не в ладах.

1759

* * *

Коль неучу слово дано, ему внимать к чему теперь?

Коль все кругом черным-черно,
нам маков ждать к чему теперь?

Коль смерти ты ему желал,
плач соблюдать к чему теперь?

Для савана лишь цвет один,
зря украшать к чему теперь?

Платить за слово мастеров добра и денег не жалею.
Цвет цвету рознь, числа им нет,
один богаче, тот бедней.

Иного наряди в атлас,
ничуть не станет он видней.

Коль черен ты, уж · родинки тебе желать к чему теперь?

Кто справедлив и чист в делах,
я лишь того готов ценить.

И мудрецам не удалось нам до конца мир объяснить.
Вот скачет рок — крылатый конь четвероглав, —
его ль пронзить?

Нам ничего не взять с собой,
тлен собирать к чему теперь?

Разлука с матерью горька, заплачь, дитя, тоску залей.
Силки расставил Сатана, соблазнами он всех сильней, —
Сынов Адама ждет беда, — его улов, что день — мощней,
Когда б не так, то Орну
нам благословлять к чему теперь?

Судьбы кружится колесо — достатком ты не наделен,
Увидят стар, помят армяк, не спросят:
гость? откуда он?

352

Саят-Нова для ран своих целебных трав, корней лишен,
Врачи не могут врачевать,
колдунью звать к чему теперь?

1759

* * *

Красива очень шахатан, — певца не опорочишь ты.
Ты еле разжигаешь страсть, напрасно сердце точишь ты.

У страсти пламя таково: не догорит и не пройдет.
Бросаться в море проку нет, —
пускай, прохлады хочешь ты!

Так как же молнию, скажи, ашугу выносить твою?
Ты самодержец, назначай и цену, стало быть, твою.

Когда с горой столкнешься в лоб,
она растает, как свеча.

А в городе, там знают все к уничтоженью прыть твою.

Кто шахатан не пел, у тех не торговаться все права,
Поэтому не очень льсти, не кланяйся, Саят-Нова.

* * *

Не плачь, о джан,
пусть разум твой ни в чем плохого не узрит.
Пусть взор ничей, что так судьба твоя сурова, не узрит.

Пусть луч зари,
пусть лунный свет над миром вовсе не горит!
Пусть друг умрет,
да лишь твой лоб он без покровы не узрит.

В потоке слез исходил ты —
в печали смерть и мне грозит.
Пусть после нас подлунный мир воды и крова не узрит.
Коль я к тебе не загляну, — снесу немало я обид.
Но не приду, пусть взор тоски и зла такого не узрит.

Пусть утешением тебя небесный голос одарит.
Пусть скорбь твою Саят-Нова,
на смерть готовый, не узрит.

353

Склони свой слух, баритавур*,
 Но с яр моей играть не смей,
 Ей сердце поражать не смей,
 В ней пламя раздувать не смей.
 С весельем спет
 На тридцать лет,
 Ее ты обижать не смей.

Обидеть бойся пустяком,
 Чтоб не ушла от нас тайком.
 Со мной играешь ты глазком.
 Я — сушь ветвей
 В жару страстей,—
 Султан и хан мне нипочем!

Как хан, свой суд свершаешь ты,
 Как царский сын, считаешь ты.
 Скажи, что затеваешь ты?
 То вязь тенет.
 Твой рот — что мед.
 Мне душу речью маешь ты.

Остался только вид меня.
 Любовь к тебе язвит меня.
 Гранат твой исцелит меня,—
 Гранат грудей
 И сласть речей;
 Дыханье уст палит меня.

Уста твои что лал, краса.
 Наряд твой злато-ал, краса.
 Я мысль твою узнал, краса?
 Прельстить, увлечь? — напасть моя!

Прельщать ты вправе, яр, сполна.
 В тебе земной весь шар сполна.
 Ты с Инда каламкар сполна,
 Насурьмлена,—
 А я без сна,
 Томишь, колдунья, плоть мою.

* Баритавур — форма длинного стихотворения.

Кругом, колдунья, сеешь зло.
 Ты — как ширазское стекло,—
 Узор искусство навело.
 Ты — блеск зеркал,
 Алмаз и лал.
 Меня лукавство извело.

Лукавства не таишь свои,
 Ты волосы кропишь свои.
 Права осуществишь свои?
 Китай дарит
 Грудей нефрит,—
 Ты перси веселишь свои.

Ты весела и горяча.
 Обильны косы вдоль плеча.
 Наряд твой — золото, парча.
 Как нить сучить,
 Так слезы лить
 Всем, кто увидит палача.

Ты нежный розовый цветок,
 Ты бывший в море оселок,
 Ты каманча, сантур, гремок,
 Хитро поешь, напасть моя.

Ты всех пленишь, когда идешь.
 Ты, как в саду вода, идешь.
 Фиалкой без следа идешь.
 Все петь готов,
 Хоть нет уж слов!
 Ты роза, всем всегда идешь.

Поешь ты соловья нежней,
 Сунбула плоть твою нежней.
 Ты, нам вино лия, нежней,
 Чем наш букет,
 Рехана цвет,
 Ты розы, яр моя, нежней.

Ты роза в холодке ветвей,
 Ты не увянешь от лучей,
 Ты царь, приветней всех царей.

Приветом глаз
Ответь — не раз,
Не в месяц раз, — по счету дней!

День каждый возрастаешь ты,
Все больше страсти знаешь ты,
Нить горя распускаешь ты.
Ты врач, так вот:
Взгляни, где жжет.
Мой разум изгоняешь ты.

Я поражен, я пьян, мой свет.
Я вижу тонкий стан, мой свет.
Меня страшит обман, мой свет, —
Ну что ж, губи, напасть моя!

Я не люблю неверной яр.
Ты — лал цены безмерной, яр.
Ты в клятве будь примерной, яр.
На клятве стой —
Пусть жизнь ценой.
Исчезнет сон мой скверный, яр.

Мне страх и плач, напасть моя!
Иных надежд не знаю я, —
Лужок зеленый — грудь твоя.
Скажу: лужок,
Я стал далек, —
На сердце клятву затая.

Для верных лишь наградам быть.
Как день один не рядом быть?
Пора в узде усладам быть.
Узду навлечь,
А сердце сжечь
И вечно юным кладом быть.

Ты — клад любви, желаний пир,
Бесценной ценности кумир.
Ты — лал и славный джаваир.
Воспеть спешу,
Пока дышу, —
Затем, что мимолетен мир.

Коль ты честна, оставь меня.
Зовешь ты братом въявь меня.
Согласен я, — расплавь меня,
Раз молишь ты, напасть моя.

Вот я пришел с мольбой, джанум*.
День — пополам с тобой, джанум.
Вот в страсти я какой, джанум.
Джанум, о джан,
Краса всех стран,
Мир, знание, опыт мой, джанум!

Учись, пытайся, познавай!
Хлеб-солью не пренебрегай.
Лишь верно клятву соблюдай, —
Мудра в ней суть,
Ей верен будь.
Когда умру я, зарыдай.

Вот ты глаза багришь свои,
Ты всем цветы даришь свои,
Рекой ты слезы мчишь свои.
Ты — ток реки,
Полна тоски, —
Решенья, шах, твори ж свои!

Зарубит шаха ятаган,
И перевязки нет для ран.
Боюсь, умолкнешь завтра, джан.
Мне быть в слезах,
В слезах, мой шах, —
Баритавур мне в скорби дан.

Ты песней стал, Саят-Нова,
Ты раной стал, Саят-Нова,
Ты садом стал, Саят-Нова,
Ковром царей, — напасть моя!

* * *

Ты — узоры парчи, ты как золото ткани, о джан!
Каламкар ты, что с Инда везли в караване, о джан!

* Дж а н у м — ласкательное обращение, душа, дорогая.

Вожделенный алмаз, чьи бесчисленны грани, о джан!
Многоводных глубин жемчужовые дани, о джан!

Выйдешь в сад, — и волну вижу в плавности шага,
о джан!

Скрой ты родинки щек, да не тронет их влага, о джан!
Удивляются все лику, полному блага, о джан!

Ты — украсивший мир новый плод в гюлистане*, о джан!
Милосердною будь, пребывая со мною в ладу.

Джан милей не найду, пусть я многие земли пройду.
Ни в индийских краях, ни на прангских коврах не найду.
Ты иной соткана для людских любований, о джан!

Славословий моих только слон мог бы книгу нести.
Мысли горькие ты от себя отгони, не грусти.

Тонок стан твой, как нить,
что могли бы сквозь жемчуг вести.
В зной грустим о тебе, как о темном платане, о джан!

От тебя я уйду, лишь когда минет срок моих дней.
Осени, как умру, ты меня покрывалом кудрей.

На Саят-Нову, джан, ты сложи груз печали своей.
Ты не схожа ни с кем, ты одна меж созданий, о джан!

* * *

Я — на чужбине соловей,
а клетка золотая — ты!

Пройдешь, как по ковру царей, лицо мне попирая, ты!
Твои ланиты — роз алей, как образ дивный рая — ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! Вошла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой красоты палишь.
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал,
как ходишь, всех сжигая, ты!

Причти меня к своим рабам!
Что я твой раб, не скрою я!
Поставь меня к своим вратам:
страдать в темнице стою я!

* Гюлистан — сад, цветник.

Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен лишь тобою я!
Как море, как Араз*, мечусь: причина — дорогая, ты!

Ты, с пятнышком лица, мила;
кто видел, тот пленен тобой,
Хотя ты мной пренебрегла, но суд произнесен тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стоп тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, как царь повелевая, ты.

Саят-Нова сказал в слезах: «Я слез не лью, пока могу,
Но буду выносить я страх и скорбь свою, пока могу.
Хочу быть славным на пирах, тебя пою, пока могу...
Когда б со мной, саз золотой,
вошла на пир, сверкая, ты!»

К СОЛОВЬЮ

Откуда ты? (Я соловью.)
Не плачь! не плачь! я слезы лью,
Ты розу ждешь, я — милую...
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Пой, соловей, песнь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебе — цветок, мне — милая...
Но ты не плачь! я слезы лью.

В душе моей — тоска по ней,
Как острый шип в груди твоей.
Цветок иль яр? что сладостней?
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Как кипарис, один стою.
Пой, соловей! и я пою.
Ты розу ждешь, я — милую...
Но ты не плачь! я слезы лью.

Певец! мила мне песнь твоя!
Пылаем мы, и ты, и я...
Саят сказал: «О милая!
Не плачь! не плачь! я слезы лью».

* Араз — старое название реки Аракс.

* * *

С бесценным камнем джаваир своей красою сходна ты.
Ты всех в Медждунов обратишь, сама с Лейлою сходна ты.

Моя на целом свете ты,
Нет у жестокой доброты.
Набатом губы залиты.
Как сахар, вся собою ты.

Тут нужен мастер, нужен саз,
Чтобы воспеть зубов алмаз.
Твой цвет лица — пранги атлас,
И вся с парчою сходна ты.

Рехана волос твой нежней.
Ты о другом вздыхать не смей.
О, не терзай души моей, —
Иль с девою злою сходна ты?

Беда для горькой головы.
Струится кровь из глаз, увьи!
Увы, судьба Саят-Новы,
Теперь с рабою сходна ты.

* * *

Нынче милую мою видел я в саду;
След подковки золотой освятил грядку;
Словно розу соловей, я воспел звезду,
Взор затмился мой слезой, разум был в бреду.
Ах, пусть враг мой попадет, как и я, в беду!

Яр моя! твой нежный вид душу тайно жжет,
Образ твой — шербет любви, губы — сладкий мед.
Словом, взглядом многих ты мучишь в свой черед.
Что ж, убей, но не скажи, что и я — не тот!
Пусть умру, вверяю жизнь — твоему суду.

Пряди кос твоих весь год туго сплетены,
Мед в устах, могли б им быть груди смочены,
Расцветает алый рот между роз весны...
Но садовника глаза влагою полны:
Посмотри, как соловей, я пою и жду.

Ты прекраснее стократ, чем и твой портрет;
Если в комнату войдешь, тьмы без лампы нет;
Как вином мускатным дом, дух тобой согрет;
И в садах перед тобой блекнет каждый цвет;
Ветер льнет к тебе, вокруг воздух как в меду!

Знай: другой не воспою, ты доколь жива!
Выслушай, матах тебе: искренни слова!
Хлеб и соль не забывай, волю божества!
От любви к тебе — в тюрьме я, Саят-Нова!
Я теряю разум, я — вовсе пропаду!

* * *

Так жить хочу, чтоб каждым днем,
обязан был я лишь себе.
Чтоб сотней бед, входящих в дом,
обязан был я лишь себе.
Чтоб всем сказать: своим добром
обязан был я лишь себе.
Бегу от зла, познав, что злом обязан был я лишь себе.
Я скромным стал; своим стыдом обязан был я лишь себе.

Из дальних стран — безумец я! —
Для всех свой клад сюда принес.
Рубинов рой — пусть ювелир свой косит взгляд —
сюда принес.
Товар индийский, что милей нам всех услад,
сюда принес.
С каких станков, каких шелков, какой наряд
сюда принес!
Торгую сам,
в труде своем обязан был я лишь себе.

Один мой тюк из прангских стран;
атлас горит в нем, как пожар.
Другой мой воз, — бесценный в нем,
как бы пергамент, каламкар.
Еще мой воз, — да весь Китай куплю за этот я товар!
Тут — блеск парчи, халаты там.
Для женских плеч все это дар.
Я все скроил, и вот во всем обязан был я лишь себе.

Индиго — здесь, а пурпур — там;
сюда глядите — тут шафран.
Корицы воз, гвоздики воз, — добыча все далеких стран.
Не мог стянуть края тюков:
чрезмерный груз тюкам был дан.
Со дна морей камня есть, — их мой привез вам караван.
Жемчужин набранных зерном обязан был я лишь себе.

Прослыша то, промолвил люд:
«Саят-Нова-то наш — богач»,
Забыв, что мне милей лады,
что мне не надо к ним придач,
Что песен звук ценней всего,
что мне ценней он всех удач,
Что держит смерть затылок мой,
об этом лишь мой горький плач.
Спаси, чтоб, песней теша яр, обязан был я лишь себе!

* * *

Ты — как сирена, что губит плывущих.
Мне на погибель дана дорогая.
К северу, к югу, к востоку, к закату
Так ни одна не стройна, дорогая.

Дьяволу служит тобою плененный.
Будь хоть однажды ко мне благосклонной.
Пусть веселят нас за чашей бессонной
Бубен, сантур и зурна, дорогая.

Сердцем сказать мои беды я жажду,
Плачем излить мои бреды я жажду,
Вечной с тобою беседы я жажду,
Шуток, хмельнее вина, дорогая.

Скромен твой облик, и речи приятны,
В пальцах твоих сусамбар ароматный.
Жизнь отдаю тебе в дар безвозвратный,
Будь мне навеки верна, дорогая.

Скажет Саят: «Я не ведаю страха.
Хан, ради милой отрадна и плаха,
Лишь бы на прах мой могильного праха
Бросила горстью она, дорогая».

* * *

Страсть — огонь горящий, — приходя, пылает!
Знак призывный — скажут — яру дан: иду.
Боли той не знавший, пусть не испытает,
Полюбив, не скажет снова: «Джан, иду».

Многим от рожденья вьелась в сердце рана;
Редких не любивших поздно или рано
Страсть страдать понудит — силой, невозбранна:
Извелся, истаял, — где там: «Джан, иду»!

Тысячу обличий страсть принять умеет,
Ум, живые мысли усыплять умеет,
Чуть поймала, когти показать умеет;
Так — то отступаю, то, как пьян, иду.

Если ты о страсти прихотливой спросишь:
«Ростом-Зал достался ль ей поживой?» — спросишь,
Или, как живется яр игривой, спросишь, —
Скажет: «Как султан я и как хан иду».

У Саят-Новы ли сил взяла ты мало?
Кто ж, неблагодарна, верности не знала
И меня не любит, — к той любовь пропала:
К любящей — любовью осиян, приду.

* * *

Отраден голос твой и речь приятна.
Бог — светоч твой в земном просторе, прелесть.
Ты станом — лань, ты — белый сахар цветом,
Ты — золото в цветном узоре, прелесть.

Скажу — ты шелк, но ткань года погубят;
Скажу — ты тополь, — тополь люди срубят;
Скажу — ты лань, — про лань все песни трубят.
Как петь? Слова со мной в раздоре, прелесть.

Скажу — цветок, — гора взрастила, скажут;
Скажу — алмаз, — земная жила, скажут;
Скажу — луна, — ночей светило, скажут.
Ты солнца свет таишь во взоре, прелесть.

Мой храм молитв — твои дверные плиты.
Твои глаза — как розы цвет раскрытый,
Язык — звучней пера, как снег — ланиты,
Ты дивный перл, возникший в море, прелесть.

Зерно любви ты в сердце мне вложила;
Томясь тобой, душа во мне изныла;
Ты своего Саят-Нову убила.
Не ведай слез, пусть мне все горе, прелесть.

* * *

Мне люди скажут: я по красе томлюсь.
Между с Лейлой отрадней жизнь вели.
Тебе всечасно люди глядят в уста.
Всегда, как притчи, речи твои текли.

Язык твой — сахар или медовый сот.
Твой волос — нить рехана, что к розе льнет.
Побудь со мной, как день Цахказард * придет,
Парчой золото-алой мне взор спали!

О, как-нибудь сгубите меня, прошу!
Вот я — мишень, пронзите меня, прошу!
Камнями поразите меня, прошу!
Забыл, тебе внимая, как дни прошли.

Я сам себя такую тоской убью,
Из глаз я слезы с кровью всечасно лью,
За днями дни питаю тоску свою,
Как соловей над розой, томясь вдали.

Безумен я. Колдуньи надменной нет.
Той, что не может быть неизменной, нет.
Саят-Нова сказал: драгоценной нет.
Я, проливая слезы, бреду в пыли.

* * *

Что без тебя сойбат ** мне и что мне саз?
Гремки из рук роняю — раз, два — подряд.

* Цахказард — вербное воскресенье, праздник весны.
** Сойбат — беседа.

Смутила так ты мысли мои, мой ум,
Что все забуду песен слова подряд.

Бинтом одним ли помощь двум ранам дам?
Один слуга годится ль двум господам?
Один садовник в пользу ли двум садам?
Ведь ждут прививки все дерева подряд.

Старинных мастеров изречение вот:
«Насеял роз — а их недостойный рвет».
Тружусь, а все веселье — чужим пойдет.
Увы, рахипу — дни торжества подряд.

Что без тебя мне счастье, земной удел?
Не знать коварства, подлых не ведать дел.
Надел я власяницу, я шерсть надел,
Пойду в места святые сперва подряд.

Быть может, добрый кто-нибудь даст совет,
Меня от страсти освободит, мой свет.
И у семи мудрецов слов лучших нет,
Чем у тебя здесь, Саят-Нова, — подряд.

* * *

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан * ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень,
в пустыне — стан ты для меня!

Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся — чинарный кипарис; твоё лицо — пранги-атлас;

Язык твой — сахар, мед — уста,
а зубы — жемчуг и алмаз;

Твой взор — эмалевый сосуд,
где жемчуг, изумруд, топаз.

Ты — бриллиант!

Бесценный лал индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало как утес?
Ах, я рассудок потерял! в кровь обратились токи слез!

Ты — новый сад,

и в том саду, за тыном из роскошных роз,

* Пинджан — особый сосуд, фиал.

Позволь мне над тобой порхать:
краса полян ты для меня!

Любовью опьянен, не сплю,
но сердце спит, тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир,
но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? — Все, все исчерпано давно.
Конь-Раш* из огненных зыбей, степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть миг, будь — милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу — щит среди синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный среди травы:
Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

* * *

Я ждал, я пролил столько слез, —
Я в добрый час увидел яр!
Меня встречаешь, роза роз,
Шипами,
Шипами, —
Я в добрый час увидел яр!

Приди, пойми печаль мою:
Мученья смертные таю,
Горю любовью, слезы лью
Ночами,
Ночами, —
Я в добрый час увидел яр!

Наденешь пурпурный атлас,
Погубишь мир, отрада глаз.
Тебе к лицу — рубин, алмаз —
Рядами,
Рядами, —
Я в добрый час увидел яр!

У саза нет иных забот,
Твои шамамы он поет.
В саду ты водишь хоровод

* Конь-Раш — конь Рустама из персидского эпоса.

С друзьями,
С друзьями, —
Я в добрый час увидел яр!

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза — пинджан златой.
Да не глумится недруг злой
Над нами,
Над нами, —
Я в добрый час увидел яр!

* * *

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
На весах пусть блещут лалов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, равным другом!

Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,
Пусть придет указ от шаха, —
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, равным другом.

Пусть сверкают дивных лалов горсти, горсти,
Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, равным другом.

* * *

Не убивай, не утолив! Намек твой был иной, краса.
Коль я другую полюблю, я человек пустой, краса.

На свете мне одна ты джан,
Лишь ты мне шах, султан и хан.
Взгляни хоть раз, избавь от ран,
Лишь взором удостой, краса.

Паломник, но без знака, я,
Царь, без венца, однако, я,
На свет гляжу из мрака я, —
Ты будь мне госпожой, краса.

В меня глубоко жар вошел.
Кремень в руке твоей тяжел.
Другую в мире кто б нашел,
Сравнимую с тобой, краса?

Саят-Нова пропал один,
Неколкой розой стал, один.
Скажи: «Ты сердце взял один!» —
Обет исполнишь свой, краса.

* * *

Ты — джаваир индийских стран,
бесценный лал пленительный.
Коснешься — дашь всему красу,
золотой паргал пленительный.
Богач не каждый клад такой себе сыскал пленительный.
С тобой ли людям говорить, Ростома-Зал пленительный?

Самшит лесов, созрела ты, —
твой стройный стан стругать — зачем?
Тобой блажен твой господин,
так на других взирать — зачем?
Твой лик — золототканый плат;
пером его пятнать — зачем?
Бел, зелен, красен сарисар, —
тобою ал, пленительный.

Легко ль отречься от тебя,
тебя найдя с трудом, с огнем?
Увидит кто лицо твое — и помрачится умом.
Бесценный яхонт и алмаз, что в джаваирах весь кругом,
Скандар-Зулхар* как талисман нам завещал —
пленительный.

Все время на прогулке ты и розы, и фиалки рвешь,
Из уст — хрустальный гулабдан —
вод розовых ты капли льешь,
Перо на царственном венце, нить золотую ты прядешь,
Ловца избегнувший джейран или марал пленительный.

Яр, отойти мне от тебя куда трудней, чем умирать,
От страсти обезумел я, а помощь как себе подать?
Саят-Нова тебе слуга, не больше. Все ж мне не понять,
Чтоб, отвернувшись от него, твой лик сиял,
пленительный.

* Скандар-Зулхар — Александр Македонский.

* * *

Нахмуря взор, насупя бровь,
глядишь, — твой врач стал пнем точь-в-точь,
Скажи: что сделал я тебе?
Но молвишь — вспыхнешь злом точь-в-точь.
Кто косо взглянет на тебя,
стань сердце камень в нем точь-в-точь.
О, смилуйся или убей,
расправься, как с рабом точь-в-точь.

Рабов не держишь у дверей,
царь, слуг разящий, не тая, —
Прими как притчу речь мою, — Венера, мглу разящая;
Ты алой розой расцвела в саду, разящей соловья,
Руби, пока твой рубит меч, —
он схожий с сардаром точь-в-точь.

Яр, ты на путь меня наставь,
чтоб твердым стать я мог душой.
И день и ночь все плачу я,
глаза — как с гор поток весной.
Пусть пред тобой лежу и бьюсь,
как пришлый о порог чужой.
Плох, — как Фархаду и Ширин,
мне смерть — пещерный дом точь-в-точь.

Весна дохнет — раскрыт цветок, и розы алой нет алей;
Садовнику что пользы в том, как нежно плачет соловей?
А с губ твоих стекает мед, промокнет ворот, — пожалей:
Сладкоречива ты своим, как сахар, языком точь-в-точь.

По слову виден человек, будь визир шаха пред тобой;
Не станет годным негодай,
будь он векил, назир судьбой;
Ты устоишь, твой ум везде останется самим собой;
Саят-Нова, вещай свое ты — лучника копьем точь-в-точь.

* * *

Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоской опален!
Как выйду в сад? Шипы грозят, я розой злой опален.
Бюльбюль поет: взгляните вот, я камнем в зной опален.

Я столько месяцев молчу, одной весной опален.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

У падишаха нет в казне даров, достойных тебя,
Не ткали ни в одной стране платков, достойных тебя.
Рубинов жар на белизне перстов, достойных тебя.
Ты носишь платье из шелков, цветов достойных тебя.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Ты сахар в середине сот, уста так чисты твои,
Ты середины марта знак, так хрупки черты твои,
Рехан волос укрыл от рос убор и цветы твои,
Чтоб в середине алых роз хранились мечты твои.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Не потому ль Саят-Нова владелец всех горьких слез
Тесьмою золотой обвит рехан дорогих волос,
И золотое, к пояску, шитье хорошо пришлось.

Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

* * *

Роза шлет весть соловью: мол, расцвела, — ожидает,
Чтоб над ветвями порхал, их подняла, — ожидает,
Чтобы звенели весны колокола, ожидает.
А соловей: нет, меня мак у села ожидает.

Молвила роза в слезах: «Маку вверяться не надо,
Помни, скиталец, тропу в гущу знакомого сада».
Пусть в забвении был Ростом — недругов тщетна засада,
Он победитель, его в мире хвала ожидает.

Сетует роза: «Тебя я прокляну, вероломный,
Минул апрель, минул май, розы не видишь ты скромной»;
Это все козни судьбы, старой карги неумной.
Умер Фархад, и Ширин смертная мгла ожидает.

Истари все ж соловьи розу зовут своей милой,
Равную ж розе, молю, боже, спаси и помилуй,

Преданный Саят-Нова ждать будет и за могилой,
Так, как могила слуги шаха ждала, ожидает.

* * *

О царь, люби закон и суд, не будь жесток,
коль жизнь мила,
Виновен я — повелевай, швырни в поток,
коль жизнь мила,
Но не губи, не истребляй надежд исток,
коль жизнь мила,
Уедешь ли — бери с собой на юг, восток,
коль жизнь мила.

Ютится роза близ воды, прохладой веет сад для ней,
Зеленый лист и алый цвет —
созвучный песне лад для ней,
И все цветы ковром царей вокруг стелются,
горят для ней,
От глаз ворон убереги, о дуб, цветок,
коль жизнь мила.

Не быть вороне соловьем — я в этом заверенье дам,
Средь всех красивейших цветков
лишь розе предпочтенье дам,
И кто с серпом срезать придет,
тому свое презренье дам,
На страже будь, храни, о шип, родной росток,
коль жизнь мила.

Из дальних стран к нам соловей свой звон несет
по всем садам.
Саят-Нова, пронзив сердца, нам песнь поет по городам.
О, джаваир, небесный лал —
мой лепесток, коль жизнь мила.

* * *

Серебрится серебром,
Золотом она горит,
Огненна моя любовь —
Так влюбленный говорит.

Поцелую нежно яр,
Поцелую честно я.
Если косо посмотрю,
Пусть тогда ослепну я.

Помни, знай мои слова,
Будь любимому верна.
Говоришь ты мне: терпи,—
Иссушила, испекла.

Гость любим, ему почет,
Гостю издавно дано
Много-много разных блюд
И без примеси вино.

В городе сегодня хан,
Сердце скуке не вверяй,
Жалобы неси ему,
Соловью ты доверяй.

Жалуешься соловью
На любимую свою.
Сердце ранила она,
Горе выплакать кому?

Соловью пусть — соловей,
А любви — любовь дана.
Кто безумен от любви
Милая тому нужна.

Волосы твои — ковыль,
Язычок твой — соловей,
А Саят — всегда в слезах,
Нет его судьбины злей.

* * *

Яр, тебе подходит алая тафта,
Обвяжися лентой красно-золотой,
Ножницы злачены в руки ты возьми,
Подровняй нависший локон над щекой.

Ты в саду на радость розой расцвела,
Соловью та роза сердце обожгла.

Над глазами брови — словно два крыла,
Стрел-ресниц лучится вытянутый строй.

Благовоньем сладким мир вокруг залит,
Шелк волос струится, пламенем горит,
Пальцы-свечи длинные, бел локтей самшит,
Ты — камыш и тополь статной красотой.

Нет в тебе души, знать, к лиху ты ведешь,
Жар моих страданий лаской не уймешь,
Не приветишь словом, равным не сочтешь,
Знаю, ты — царица, странник я простой.

На плечах ковыль колышется, зовет...
Та любовь, боюсь, что сердце рассечет,
Я умру — к тебе такой уж не придет,
Я — Саят-Нова твой, брошенный судьбой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Армянская письменность была изобретена в самом начале V века. Биограф и ученик Месропа Маштоца, изобретателя письменности, Корюн сообщает, что первым предложением, написанным армянскими письменами, был следующий афоризм: «Познать мудрость и наставление, понять изречения разума». Так в пятом веке зачиналась письменная армянская литература. Историк и писатель пятого века Мовсес Хоренаци записал армянские языческие мифы и эпос, записал образцы языческих песен, распеваемых в области Гохти:

В муках Рождения пребывало Небо,
Пребывала Земля в муках Рождения,
В муках Рождения было и розово-красное Море.
Томилась в муках Рождения
Красная Тростинка в Море.
Из горлышка Тростинки выходил дым,
Из горлышка Тростинки выходило пламя,
Из пламени выбегал огненно-русый Отрок,
У Отрока кудри из огня,
Борода — из пламени,
А очи у него — как два солнышка.

(Перевод Л. Мкртчяна)

Эта песнь о рождении Ваагна, языческого бога солнца и грозы, по сути своей — поэтическое описание восхода солнца. Языческое мировосприятие было во многом поэтическим. Боготворимая природа ассоциировалась с человеком и выражала его. Об армянской языческой культуре мы бы знали, очевидно, гораздо больше, если бы разрыв между принятием христианства в Армении (301 г.) и созданием армянской письменности (405—406 гг.) не исчислялся бы отрезком времени в сто с лишним лет. Письменность «опоздала» на целое столетие. За это время идеологи раннего христианства сделали многое, чтобы уничтожить языческую культуру. А ведь дохристианская Армения прошла большой путь общественного и культурного развития. Языческая Армения в известной мере унаследовала культуру урартов. «В течение IX—VI веков до н. э. народами Урартского

царства была создана сравнительно высокая древняя цивилизация, определившая культурное будущее исторической Армении», — писал академик Я. Манандян.

Первый период древнейшей армянской литературы приходится на последние века до нашей эры и на первые три столетия нашей эры, вплоть до принятия армянами христианства. Для этого периода армянской литературы характерны мифы и народный эпос.

Второй период раннесредневековой армянской литературы (IV—IX вв.) начинается в первые десятилетия четвертого века, после того как христианство стало в Армении официальной религией. Это литература эпохи утверждения христианства, и в целом она подчинена идеологическим задачам религии и борьбе за национальную независимость (в 387 г. Армению поделили между собой Персия и Рим, затем в VII в. страну завоевали арабы). Народ боролся против персидского, византийского и арабского ига, одни за другим вспыхивали восстания — в V, VI, VIII, IX столетиях. В этот период мощно звучат патриотические мотивы в произведениях писателей и историков, в народном эпосе о сасунских богатырях.

Сразу же после того, как была закончена работа над армянским алфавитом, создатель письменности Месроп Маштоц (361—440), его сподвижники и ученики занялись творческой деятельностью — переводом Библии. В V—VII веках были переведены с греческого и сирийского на армянский язык сочинения богословские, философские, научные и художественные. Эти книги стали частью армянской культуры, оказали влияние на ее формирование. Исключительное значение деятельности переводчиков для развития национальной культуры было полностью осознано уже в V веке, когда наиболее выдающихся из них причислили к лику святых, когда учредили «таркманчанд тон» — праздник переводчика.

Первыми армянскими писателями были переводчики. Месропу Маштоцу и Сааку Партеву приписывается авторство ряда духовных песен — кчурдов, то есть своеобразных переложений библейских псалмов и гимнов, названных позднее шараканами.

Самый ранний известный историкам армянской литературы памятник светской поэзии — знаменитый «Плач на смерть великого князя Джевандшира», принадлежащий перу Давтага Кертога (VII в.).

Армения VIII и IX веков вела борьбу против арабского владычества (в 640 г. арабы напали на Армению и захватили город Двин). В этой борьбе народ завоевал себе свободу, в борьбе

создавался величайший памятник народной литературы — эпос «Давид Сасунский». Стихотворный эпос как бы связует собою VII век армянской поэзии с X веком, озаренным творческим гением Григора Нарекаци (951—1003).

Творчество Нарекаци — начало нового, третьего периода (X—XII вв.) средневековой армянской литературы, периода зрелого христианства, когда все более углубляется интерес к духовному, внутреннему миру человека. Вера, казалось бы, еще незыблема, но кричащие жизненные противоречия уже стали темой поэзии, темой личных душевных мук великого поэта армянского средневековья Григора Нарекаци, автора знаменитой поэмы «Книга скорбных песнопений».

В XI веке Армения вновь утратила свою самостоятельность. Столица средневековой Армении город Ани был взят в 1045 году византийцами, а в 1064 году — турками-сельджуками. В конце XI века на берегу Средиземного моря возникло Киликийское армянское княжество (царство), павшее в 1375 году. Киликийское царство образовалось и существовало под знаком борьбы армянского народа за свою независимость. Крупнейшим поэтом армянского народа за свою независимость царства был Персес Шнорали (XII в.). Особую известность приобрела в средние века поэма Шнорали «Плач об Эдессе», призывающая христианские народы к единению.

Четвертый период армянской средневековой лирики приходится на XII—XVI века. Литература этого периода богата именами и книгами великих поэтов-гуманистов. Самые выдающиеся из них: Ованес Ерзикаци Плуз, Костандин Ерзикаци и Фрик и Наапет Кучак. В эти века были созданы произведения социально острые и значимые. Это и период расцвета любовной лирики.

Выдающимся явлением армянской поэзии средних веков были айрены Кучака. Этот жанр возник и известен в Армении. Айрены — это песни любовные, иногда дидактические, состоящие, как правило, из четырех стихов по пятнадцать слогов. Стих делится на два полустиха из семи-восьми слогов с ударением в первом полустихе на 2, 5 и 7 слогах, во втором полустихе на 3, 5 и 8 слогах. (См. в настоящем издании перевод айрена «Я — глаз, ты — свет...»). Большинство айренов дошло до нас в рукописях XVI века. Встречаются айрены и в более ранних рукописях.

В армянской действительности средних веков одна историческая катастрофа сменялась другою. Вследствие почти стапятидесятилетнего монгольского ига Армения экономически и полити-

чески ослабла. В середине XVI века произошел первый раздел Армении между Турцией и Персией; в начале XVII века напал на Армению Аббас I, известный своей жестокостью и насильственным переселением армян в Персию; в 1639 году произошел второй раздел Армении между Турцией и Персией... И хотя культурная жизнь в Армении не прекращалась, веяния времени слабо проникали в порабощенную и лишенную самостоятельности страну. Армянские поэты конца XVII и XVIII века, то есть нового времени, по существу продолжают и завершают средневековую литературу (идеи, стиль, тема, образы). На эти два столетия приходится последний, пятый период армянской литературы — позднее средневековье. В этот период особую популярность приобретает в Армении так называемая ашугская поэзия, поэзия народных певцов. Нагаш Овнатан поднял народный стих до уровня высокого поэтического мастерства. Гениальные образцы стихов в духе ашугской песни находим у Арутина Саят-Новы. (Писал он на трех языках — армянском, грузинском и азербайджанском. И соответственно — признанный поэт Армении, Грузии и Азербайджана.)

Армянские поэты раннего средневековья писали на грабаре — древнеармянском языке. Уже в V веке это был язык богатый, литературно сложившийся. На нем была написана «История Армении» известного историографа Мовсеса Хоренаци. С XII века грабар постепенно выходит из употребления и уступает свои права близкому разговорной речи среднеармянскому языку.

В XVII—XVIII веках и среднеармянский язык стал малопонятен, отделился от живой разговорной речи, хотя по сравнению с грабаром, давно уже ставшим мертвым языком, обладал (в смысле доступности) неоспоримым преимуществом.

Время, когда столь блистательно завершил средневековую поэзию Армении Саят-Нова, было также началом новой армянской литературы. Как ни велик был гнет турецких и персидских завоевателей, назревало в Армении XVII—XVIII веков движение, имеющее целью освобождение страны.

Идея новой, освобожденной Армении занимала умы литературных и общественных деятелей XVIII века. Они стремились создать литературу патристическую, отвечающую злобе дня, не было, однако, в то время единого, доступного для всех слоев народа литературного языка...

Родоначальником новой литературы и основоположником современного армянского языка суждено было стать великому просветителю-демократу Хачатуру Абовяну (1809—1848).

В сборник вошли переводы из антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», М., 1916; «Антологии армянской поэзии», М., 1940; «Армянской средневековой лирики», Ер., 1972; двухтомника «Армянская классическая лирика», Ер., 1977, а также из ряда сборников армянских поэтов, издававшихся на русском языке отдельными книгами.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Самая ранняя из дошедших до нас рукописей с записями народных песен, если не считать гохтанских стихов, записанных в V веке Мовсесом Хоренаци, относится к 1608 году. Основная масса записей сделана в XVIII—XIX веках.

МЕСРОП МАШТОЦ (361—440)

Родился в семье крестьянина в селе Хапекац Таронской области. Маштоц — один из образованнейших людей своей эпохи, создатель армянского алфавита (405—406 гг.), автор речей, духовных наставлений. Ему приписывается также авторство некоторых духовных стихотворений. Маштоц принял монашество и проповедовал христианство среди армян-язычников.

Умер в Эчмиадзине, похоронен в ризнице под алтарем в Ошаканской церкви (недалеко от Еревана).

ИОАНН МАНДАКУНИ

Жил в V веке. Религиозная, общественная и литературная деятельность его приходится на вторую половину V века. Иоанн был католикосом во время восстания Ваагна Мамиконяна против персидского ига (481—485 гг.), принимал деятельное участие в освободительном движении. Автор ряда молитв «Часослова», толкований и речей. Отстаивал монофизитизм — учение о едином божественном естестве Христа, выступая против диофизитов. Перевел с греческого гимн вечерней службы «Радостный свет».

КОМИТАС

Биография неизвестна. В 616—628 годах был католикосом. Автор духовных песен и теологического сборника «Книга веры». В 618 году построил церковь Гипсимэ в честь христианской

мученицы и ее подруг. Церковь хорошо сохранилась до наших дней (в районе Эчмиадзина, недалеко от Еревана) и являет собой свидетельство расцвета армянской архитектуры в эпоху раннего средневековья.

ДАВТАГ КЕРТОГ

Жил в VII веке. Биография неизвестна. Из сочинений поэта сохранился только «Плач на смерть великого князя Джебавшира». Это стихотворение приводит Мовсес Каганкатвацци в своей «Истории Агван», написанной на основе армянских рукописей V—X веков.

СТЕПАНОС СЮНЕЦИ (ОКОЛО 688—735)

Ученый, богослов, переводчик и поэт. О жизни можем судить по тексту «Жития», где, в частности, сказано: «Святой Степанос, будучи сыном протоиерея города (Двина. — Л. М.), был отдан в святой монастырь Макенеац в ученики к великому отцу Согомону, составившему Тонакан (Торжественник). Затем в 701 году он стал учеником владыки Мовсеса Сюнеци». Продолжил образование в Афинах, Константинополе и Риме. Был Сюнийским епископом.

СААКАДУХТ СЮНЕЦИ

Жила в VIII веке. Сведения о ней находим в «Житии Степаноса Сюнеци»: «У святого Степаноса была сестра по имени Саакадухт, принявшая монашеский обет и отказавшаяся от всех мирских удовольствий. Покинув город Двин, она поселилась в глухом боком Гарнийском ущелье на берегу реки Азат, которая берет начало в Гегамских горах... Полюбив то место, святая поселилась в обители святого патриарха Саака и там же преставилась. Она была украшена всеми добродетелями и мудростью, воспитывала целомудренных отроков и, доводя до соответствующего возраста, рукополагала в священники; она обучала учеников, сидя за занавесью. Саакадухт сочинила множество духовных песен, мелодий и гимнов, посвященных Рождеству и Успению, одной из которых является «Пресвятая Мария».

АМАМ АРЕВЕЛЦИ

Жил в IX веке. Был царем Агванка во второй половине IX века. Отрекся от престола, посвятив себя всецело творческой, литературной деятельности. Написал «Толкование Притчей Соломоновых», «Толкование грамматики».

ГРИГОР НАРЕКАЦИ (951—1003)

Родился в Васпуракане (Ванская область) в семье Хосрова Андзеваци, ученого, выдающегося знатока церковной литературы, автора «Толкования церковной службы» и «Толкования таинств святой литургии». С раннего детства воспитывался в монастыре Нарек. Григор Нарекаци — автор религиозных гимнов и песен. «Книга скорбных песнопений» — основное сочинение поэта, написанное им в конце жизни и принесшее ему широкую известность уже в средние века. Подлинник написан перифмованным стихом, хотя Нарекаци владел рифмой и отдельные отрывки «Книги...» зарифмовал.

ГРИГОР МАГИСТРОС ПАХЛАВУНИ (990—1058)

Ученый, философ и поэт. Основные труды посвящены философским и религиозно-дидактическим проблемам. Перевел на армянский язык сочинения Платона, Сократа и Эвклида. Основал в Армении (в Бжни и Тароне) академии. После падения Ани, столицы средневековой Армении, переселился в Месопотамию, где и жил до конца своих дней.

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР (СЕРЕДИНА XI в. — 1129)

Подробности биографии неизвестны, хотя найдена рукописная биография Саркавага, переписанная в 1378 году. Автор рукописи, как можно предположить, жил в середине XII века, материалы для биографии собирал у учеников Саркавага, которому принадлежат труды по истории, философии, педагогике, космографии, математике. Из немногих поэтических произведений наибольшей известностью пользуется «Мудрая беседа...».

НЕРСЕС ШНОРАЛИ (1102—1173)

Родился в Киликии в замке Цовк, области Мараш. Был одним из образованнейших людей своего времени. В 1126 году двадцатичетырехлетний Шнорали был посвящен в епископы, а в 1166 году — избран католикосом. Из многочисленных сочинений (политические, религиозные, педагогические труды, публицистические речи, письма, духовные песнопения, стихи и поэмы) особенно известны стихи на светские темы, а также стихотворные загадки Шнорали, написанные на основе фольклора. Определенное влияние на средневековую армянскую поэзию имела поэма Шнорали «Плач об Эдессе»; в средние века создавались подражания этой поэме.

ГРИГОР ТХА (1133 (?) — 1193)

Поэт Киликийской Армении (Киликийское княжество, позднее царство, возникло в конце XI в., пало в 1375 г., по другим сведениям — в 1424 г.). С 1173 года и до конца своих дней был католикосом.

ОВАНЕС ЕРЗНКАЦИ ПЛУЗ (ОКОЛО 1230—1293)

Ованес Ерзнкаци (Плуз — псевдоним поэта) родился в г. Эрзнка. Он — автор работ по философии, космографии, грамматике, популярный общественный деятель второй половины XIII века. Известно, например, что в 1280 году он составил каноны и предписания для ремесленников и торговцев. Подобная обязанность могла быть возложена на человека известного и почитаемого. О популярности Плуза говорят дошедшие до нас легенды о поэте, согласно которым его могила была местом поклонения.

КОСТАНДИН ЕРЗНКАЦИ (ОКОЛО 1250 — НАЧАЛО XIV в.)

Родился в г. Ерзнка. Сохранилось свидетельство Ерзнкаци о том, что, когда ему было пятнадцать лет, он учился в монастыре. Исследователи полагают, что, рано сложившись как поэт, Костандин Ерзнкаци ушел из монастыря и стал вести светскую жизнь. Судя по стихам поэта, жизнь у него была трудной: неразделенная любовь, враги, преследовавшие его. Известно, что уже

в 80-х годах XIII века Костандин Еранкаци был признанным поэтом: на его смерть Мхитар Ерзикаци написал плач, который, к сожалению, не датирован.

ФРИК

Биография неизвестна. Время жизни (XIII — начало XIV в.) устанавливается по времени написания тех стихов, которые с достоверностью датируются концом XIII века. Полагают, что Фрик — псевдоним поэта.

ХАЧАТУР КЕЧАРЕЦИ (1260—1331 (?))

Был настоятелем Кечарийского монастыря. Сведения о жизни Кечареци отрывочны. Его имя упоминается в рукописях 1299, 1314—1315 годов. Под рукописным документом 1295 года сохранилась собственноручная подпись Хачатура Кечареци.

НААПЕТ КУЧАК

Достоверных сведений о жизни поэта нет. Считалось, что автор айренов тот самый Наапет Кучак, который жил в XVI веке в селе Хараконис близ Вана. Но еще в середине 1910-х годов эта точка зрения была подвергнута критике. По языку, по содержанию айрены никак не связываются с Ваном, они написаны на разговорном языке армян Акина. И по времени трудно отнести айрены к XVI веку. Как считают современные ученые, правильнее датировать айрены XIII—XIV веками.

АРАКЕЛ СЮНЕЦИ (ОКОЛО 1350—1425)

Родился в Вайоц-дзоре (Сюник). Сюнеци — племянник и ученик крупнейшего философа и общественного деятеля Григора Татеваци (ок. 1340—1409), ректора Татевского университета. Полагают, что Сюнеци преподавал в Татевском университете грамматику и музыку. Был после Григора Татеваци ректором. До нашего времени дошли работы Сюнеци по грамматике и философии. Сюнеци — автор речей и проповедей. Писал к своим стихам музыку. Одна из его песен («Сердце мое трепещет...») исполняется и по сей день. Особой известностью пользуется «Адамова книга» Сюнеци.

ОВАНЕС ТЛКУРАНЦИ

Биография неизвестна. Жил в XIV—XV веках. В одном из стихотворений поэт говорит, что ему семьдесят лет. Впервые стихи были опубликованы Акопом Мегалартом в 1513 году в первом печатном песеннике на армянском языке. До недавнего времени ошибочно предполагали, что поэт Тлкуранци и католикос Ованес Тлкуранци, живший в XV—XVI веках, одно и то же лицо. Отсюда делали вывод, что Тлкуранци — первый средневековый поэт, стихи которого были изданы при его жизни, в 1513 году. Однако, как теперь установлено, поэт Ованес Тлкуранци жил в XIV—XV веках и его нельзя отождествлять с католикосом Тлкуранци.

МКРТИЧ НАГАШ (1393—70-е гг. XV в.)

Родился в Западной Армении. Получил духовное образование в Мецопском монастыре. Сведения о его жизни встречаются в рукописях XV века. Иллюстрировал своими миниатюрами рукописные книги (отсюда и прозвище Нагаш, то есть художник). Некоторые из миниатюр Мкртича Нагаша дошли до наших дней. Известно, что в начале XV века (в 1418 или 1419 г.) Нагаш женился. Вскоре жена умерла. Тяжело переживая смерть жены, поэт навсегда покинул родное село Торр. Нагаш наблюдал жизнь своих сородичей на чужой земле, писал о пандухтах-скитальцах, об их горькой жизни под чужим небом.

АРАКЕЛ БАГИШЕЦИ

Жил в XIV—XV веках. Биография неизвестна. Перу поэта принадлежит ряд сочинений в стихах: «История Овасапа», «История о семи мудрецах», «Взятие Константинополя турками» и др. Сам Багишеци датирует время написания «Взятия Константинополя турками» 1453 годом.

КЕРОВБЕ

Биография неизвестна. Есть мнение, что поэт жил во второй половине XV века.

ГРИГОРИС АХТАМАРЦИ

Родился в конце XV века. Был католикосом в Ахтамаре. В армянских рукописях начиная с 1515 года и до 1610-х годов упоминается «Григорис католикос Ахтамарский». Выяснилось,

что было три Григориса Ахтамарских и все трое были католиками и жили в XVI веке. Деятельность поэта Григориса Ахтамарци приходится на первую половину XVI века. Установлены даты написания некоторых стихотворений поэта: 1515, 1516, 1519, 1523, 1524 года. Ахтамарци — автор историко-житийных поэм, любовных песен, принесших поэту популярность.

НЕРСЕС МОКАЦИ

Родился в селе Аскиджав. В одной памятной записи сказано, что в 1609 г. в Иерусалиме собрались восемь вардапетов (архимандритов) и среди них — Барсех Ахпакечи со своими учениками Ованесом Багишеци и Нерсесом Мокаци. Некоторые сведения о жизни поэта приводит историк XVII века Аракел Даврижеци. В последние годы поэт жил на острове Лим озера Ван. Здесь он скончался в 1625 году (по другим сведениям — в 1627 г.).

МАРТИРОС КРЫМЕЦИ (? — 1683)

Год рождения неизвестен. Сохранились сведения о его общественной и церковной деятельности. Современники отзывались о нем как о прогрессивном деятеле. Известно, что однажды, когда Крымеци воспрепятствовал незаконному браку и ему стали угрожать, то он сказал: «Заботы и дела наши в том прежде всего, чтобы зло называть злом, а добро добром». В рукописи 1651 года, переписчиком которой был Крымеци, сохранилась собственноручная памятная записка поэта. Крымеци собирал древние рукописи и говорил, что лучше тратить деньги на рукописи, чем копить их. Основное место в творчестве Крымеци занимают сатирические произведения, писал он также лирические стихи и стихи на исторические темы.

НАГАШ ОВНАТАН (1661—1722)

Родился в селе Шорот Агулисской области. В начале XVIII века был приглашен в Тифлис к Вахтангу VI как придворный художник и поэт (Нагаш означает художник). Судя по количеству рукописных сборников, в которых сохранились стихи Овнатана, он был очень популярен. Таких сборников только в Матенадаране (хранилище древних рукописей в Ереване) больше пятидесяти. Его любовные и сатирические стихотворения близки по языку и по мотивам народной лирике.

БАГДАСАР ДПИР (1683—1768)

Жил в Константинополе. Деятельность Дпира многогранна: он выступал как поэт, композитор, издатель и филолог. В 1726 году им была издана «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци.

ПЕТРОС КАПАНЦИ (КОНЕЦ XVII в. — 1784)

Родился в Сюнике. Подробности биографии неизвестны. Писал на древнеармянском языке. В 1722 году издал в Константинополе сборник своих стихов «Книжка, называемая «Ергараном», то есть «Песенником».

ГРИГОР ОШАКАНЦИ (1757—1799)

Некоторые сведения о жизни Григора Ошаканци сохранились в рукописях Ованеса Карнеци, близко знавшего поэта. Образование Ошаканци получил в Эчмиадзине. Был видным церковным и общественным деятелем. Литературное наследие невелико — до нас дошло немногим более 20 стихотворений.

АРУТИН САЯТ-НОВА (1722—1795)

Великий армянский поэт. Стихи писал на армянском, грузинском и азербайджанском языках. Отец поэта, Каранет Саадян, выходец из г. Алеппо, мать, Сарра, уроженка Тбилиси. Творческая жизнь поэта связана с Тбилиси, тогдашним центром культурной жизни Закавказья.

Сохранились рукописи (автографы) стихов поэта. Некоторые стихотворения датированы самим поэтом 1742—1759 годами.

Недавно была обнаружена новая рукопись поэмы «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци; переписанная Саят-Новой в 1761 году в городе Гилян (Персия).

Л. Мкртчян

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Эмин. Продолжаются пескончаемые песни Армении...	5
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ	
Трудовые песни	
Песня — молитва сеятеля. Перевод Н. Гребнева	21
«Ёр, ёр, ёр, ёр...». Перевод Н. Гребнева	21
Оровел. Перевод Н. Гребнева	22
«Вол, кормилец, поспеши...» Перевод Н. Гребнева	23
«Денница, как счастливый знак...» Перевод Н. Гребнева	23
«Божьей волей плуг спустился...» Перевод Н. Гребнева	24
Песня пахаря. Перевод Н. Гребнева	25
Песня пахарей. Перевод В. Брюсова	25
Соха. Перевод Н. Гребнева	26
Песни боронования. Перевод Н. Гребнева	27
1. «Тап-тап-тап-тап...»	26
2. «Эй, шагай ты прямо, а не в сторону...»	27
Сеятель. Перевод Н. Гребнева	27
Песня полольщиц. Перевод Н. Гребнева	28
Песня мотыжницы. Перевод Н. Гребнева	28
Песня косаря. Перевод Н. Гребнева	29
Песня жатвы. Перевод Н. Гребнева	30
Песня жнеца. Перевод Н. Гребнева	31
Песни молотбы. Перевод Н. Гребнева	32
1. «Над землей плывут облака...»	32
2. «Вол, я говорю как другу...»	32
Песня возчика. Перевод Н. Гребнева	33
Песня жернова. Перевод Н. Гребнева	34
Песня крестьянина. Перевод Н. Гребнева	34
Маленький земледелец. Перевод Н. Гребнева	36
Песня выпечки хлеба. Перевод Н. Гребнева	36
Песня маслочки. Перевод Н. Гребнева	36
«Ах, сбивалка, ты моя сбивалка...» Перевод Н. Гребнева	37
Песня веретена. Перевод Н. Гребнева	37
Прялка. Перевод Н. Гребнева	38
Песня прялки. Перевод А. Суркова	39
Песня чесальщицы шерсти. Перевод Н. Гребнева	39

Песни любви	41
«Я высечен резцом...» Перевод Н. Гребнева	41
«Склон вершины Мидзурской слишком крут...» Перевод Н. Гребнева	42
«Нынче вечером был я пьяным...» Перевод Н. Гребнева	42
«Как мне спасти тебя?..» Перевод Н. Гребнева	43
«Ты — моя милая. Перевод Н. Гребнева	44
«Раскрылся цветок. Перевод Н. Гребнева	44
«Стан твой словно рукоять кинжала...» Перевод Н. Гребнева	45
«Ты не плачь, не плачь! — сказал бывалый...» Перевод Н. Гребнева	45
«Милая, ты в благодатном саду...» Перевод Н. Гребнева	46
«Если на гору поднимешь ты взгляд...» Перевод Н. Гребнева	46
«Ах, яр, яман, яман, яман!..» Перевод А. Кочеткова	47
«Я повторить всегда готов...» Перевод В. Брюсова	47
«Ах, раствориться — и стать водой...» Перевод В. Брюсова	47
Песня на день преобразования. Перевод В. Брюсова	47
«Как из яблок шербет — твой румяный лик!..» Перевод В. Брюсова	48
Песни изгнания	
«Что, красавица, плачешь в печали...» Перевод Н. Гребнева	49
Я — несчастная пленница. Перевод Н. Гребнева	49
Журавль. Перевод Н. Гребнева	50
«Ручеек немногочисленный...» Перевод Н. Гребнева	51
Песня бездомного. Перевод Н. Тихонова	52
Жалоба куропатки. Перевод Н. Гребнева	52
Куропатка. Перевод Н. Гребнева	53
Песни о природе	54
Песня о временах года. Перевод В. Брюсова	54
Весна	55
Лето	55
Осень	56
Зима	56
«Как вам не завидовать...» Перевод В. Брюсова	56
Песня аиста. Перевод В. Брюсова	57
«Белым снегом вершины покрыло...» Перевод Н. Гребнева	57

Обрядовые песни	
Песня облачения царя. Перевод Н. Гребнева	58
Свадебная песня («Царю что дам я, с ним что схоже...»). Перевод В. Брюсова	58
Свадебная песня («С божьего благословения...»). Перевод Н. Гребнева	60
«Бет дизан» (Свадебная песня). Перевод Н. Гребнева	62

Колыбельные песни	
«У меня ль невеста есть...» Перевод В. Брюсова	64
«Баю-бай, идут овечки...» Перевод В. Брюсова	64
«Колыбель качает южный ветер...» Перевод Н. Гребнева	65
«Щечка у тебя бела...». Перевод Н. Гребнева	65
«Наша доченька мала...». Перевод Н. Гребнева	66
«Что за мать тебя породила?...» Перевод Н. Гребнева	66
«Баю-баю, кончается день...». Перевод Н. Гребнева	66
«Баю-баю, Орсаягюль...». Перевод Н. Гребнева	66
«Дочку, что досталась нам...». Перевод Н. Гребнева	67
«Соловей под горой...» Перевод Н. Тихонова	67

Плачи	
Песня о князе Мокском. Перевод Н. Тихонова	69
«Пришла я, но очи твои не видят...». Перевод Н. Гребнева	71
«Был ты жемчугом, мог блистать...». Перевод В. Брюсова	72
Плач по ребенку. Перевод Н. Гребнева	72
Плач матери. Перевод Н. Гребнева	73
Плакальщицы-матери. Перевод В. Брюсова	74
Плач вдовы. Перевод Н. Тихонова	74
Плакальщицы над молодым. Перевод В. Брюсова	74
Жалоба сестер. Перевод В. Брюсова	74

Заклинания	
«Забелелася заря...». Перевод В. Брюсова	75
«Погашены огни...». Перевод В. Брюсова	75
Заклинание на волка. Перевод В. Брюсова	75
«На подушку я — голову склонил...». Перевод В. Брюсова	75
Заклятие старух к луне. Перевод В. Брюсова	76

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛИРИКИ
(IV—XVIII вв.)

Месроп Маштоц	
«Море жизни всегда обуревают меня...». Перевод В. Брю- сова	79

«Подвергнут опасностям и мукам я...». Перевод Л. Мкртчяна	79
«Рано утром предстану перед тобой...». Перевод В. Брю- сова	79

Иоанн Мандакуни	
«Преображеньем твоим на горе...». Перевод В. Брюсова	80

Комитас	
«Жены, славны страной и народом своим...». Перевод С. Шервинского	81

Давтаг Кертог	
Плач на смерть великого князя Джеваншира. Перевод Н. Гребнева	82

Степанос Сюнеци	
«Неувядаемый цветок, высот свободных светлый крин...». Перевод К. Липскерова	86

Саакадухт Сюнеци	
Пресвятая Мария. Перевод А. Сендыка	87

Неизвестный автор	
Гимн письменам. Перевод К. Тер-Давтян	89

Амам Аревелци	
«Отец небесный, раб твой незаметный...». Перевод Н. Гребнева	90

Григор Нарекаци	
Песнь сладостная. Перевод Н. Гребнева	92
Вардавар. Перевод Н. Гребнева	93
Песнь Воскресения. Перевод Н. Гребнева	94

«Книга скорбных песнопений» (Отрывки)	
Главы I, II, III, IX, XXI, XXIV, XXV, XLVI, LX. Перевод Н. Гребнева	96
* Главы XXIII, XXVI, XXX, LIV, LV, LVI, LXIX, LXXX, LXXXII. Перевод В. Микушевича	127

Григор Магистрос Пахлавуни	
Призыв к бою (Послание к неизвестному). Перевод Л. Мкртчяна	151

Ованес Саркаваг Имастасер	
Мудрая беседа, которую вел в час прогулки философ	
Ованес Саркаваг с птицей, именуемой пересмешник.	
(Отрывки). Перевод Н. Гребнева	153
Ответ птицы, именуемой пересмешник	154
Философ оправдывает ответы птицы, именуемой пересмешник, и проявляет к ней снисходительность	155
Философу, обвиняя, отвечает птица, именуемая пересмешник	156
Сопоставление двух речей и признание философом своего поражения	157
Нерсес Шнорали	
Небо. Перевод Н. Гребнева	158
Солнце истины. Перевод Н. Гребнева	159
На распятие господне. Перевод В. Брюсова	159
Всем усопшим. Перевод В. Брюсова	160
При восходе солнца. Перевод В. Брюсова	161
Плач об Эдессе. (Отрывки). Перевод В. Брюсова	161
Григор Тха	
Стихотворение полезное и чудесное. Перевод М. Петровых	168
Ованес Ерзнкаци Плуз	
«Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет судьба...». Перевод В. Брюсова	170
«Язык для речи служит нам, речь праведных — что злата звон...». Перевод В. Брюсова	170
«Подобен морю мир: сухим остаться, переплыв,— нельзя...». Перевод В. Брюсова	170
«Я, все грехи свои собрав, оплакал зло прошедших лет...». Перевод В. Брюсова	170
«О безрассудный человек, проснись, опомнись же скорей!...». Перевод О. Румера	171
Ованес и Ашá. Перевод Н. Гребнева	171
Костандин Ерзнкаци	
Весна. Перевод В. Брюсова	175
Песня чистой весны. Перевод Н. Гребнева	177
Песня чистой любви. Перевод Н. Гребнева	178
Я — твой пленник, сжался надо мной (Отрывки). Перевод Н. Гребнева	179
Песня любви. Перевод Н. Гребнева	181
Иные злословят обо мне. Перевод М. Лозинского	182

* Борьба плоти и духа. Перевод М. Синельникова	184
Слово на час печали, написанное о братьях, обидевших меня. Перевод М. Лозинского	186
* «Слово — одно по замыслу, иное по внешнему виду — которое иносказательно выглядит так.» Перевод М. Синельникова	186
Фрик	
Сердце мое, отчего ты забилося? Перевод Н. Гребнева	190
Цветок любви. Перевод Н. Гребнева	190
К богатым. Перевод Н. Гребнева	191
Колесо судьбы. Перевод В. Брюсова	194
Жалобы. Перевод Н. Гребнева	196
Хачатур Кечареци	
Бренное тело корила душа. Перевод Н. Гребнева	202
Господь словам моим свидетель. Перевод Н. Гребнева	202
Я, смертный, сотворен из праха. Перевод Н. Гребнева	203
Жизнь на земле подобна морю. Перевод Н. Гребнева	204
Плач и мольба. Перевод Н. Гребнева	204
«В дремоте и дни и ночи...». Перевод Н. Гребнева	207
Наапет Кучак	
Айрены	
«Ты хвалишься, луна небес...». Перевод В. Брюсова	209
«О ночь, продлись! Останься, мгла!..» Перевод В. Брюсова	209
«Как красиво расцвели...». Перевод Ф. Сологуба	210
«Ты сказала: «Я твоя!..» Перевод Ф. Сологуба	210
«Высоко ты ходишь...». Перевод Ф. Сологуба	210
«На кровле ты легла уснуть...». Перевод В. Брюсова	211
«Ты в мире — перстень золотой...». Перевод В. Брюсова	211
«В ту долгую ночь лишь раз, лишь два...». Перевод В. Брюсова	211
«Идя близ церкви, видел я...». Перевод В. Брюсова	211
«Как я люблю твой милый лик...». Перевод В. Брюсова	212
«Когда умру я от любви...». Перевод В. Брюсова	212
«Скажи, мой милый месяц, мне...». Перевод В. Брюсова	212
«Спорят с морем под Месрой...». Перевод Ф. Сологуба	212
«Когда ты была моей...». Перевод А. Адалис	213
«Взяли милой моей портрет...». Перевод А. Адалис	213
«С той поры, как рожден на свет...». Перевод А. Адалис	213
«Ты журчишь между скал, ручей...» Перевод А. Адалис	213
«Я молод, ты молода...». Перевод П. Антокольского	214
«Глаза твои — океан...». Перевод П. Антокольского	214

Переводы Веры Звягинцевой

«Откуда ты пришла в мой дом...»	214
«Взгляни на тяжелый камень...»	214
«Я избит из-за тебя так...»	214
«Скучал я смертельной скукой...»	215
«Милая, если позволишь...»	215
«Мне говорили «золотой»	215
«Белогрудой красоте...»	215
«Что возьмешь за поцелуй...»	216
«Шла она с другим...»	216
«Я вздыхал, ища напрасно...»	216
«Ручною птицей на земле...»	216
«Я решил уйти подальше...»	217
«В мире две великих силы...»	217
«Люди пришли и сказали...»	217
«Вино твоего румянца...»	218
«Днем красавицу вели...»	218
«Милая, в этих лохмотьях...»	218
«Пришел по делу, вышла ты...»	218
«Гляну вниз иль гляну вверх я...»	219
«Ты пальмовое дерево с негнущимся стволом...»	219
«Я вышел ночью за вином...»	219
«Я увидел на веревке...»	219
«Если б та, чей стан свободно...»	220
«Я очень по тебе скучаю...»	220
«Благословен ушедший с милой...»	220
«Вот гранат, разрежь...»	220
«Из чего ты создана?...»	221
«Выбери четверостишие...»	221
«Обращаюсь я к творцу...»	221
«Худо стать бедняком...»	221
«Самым худшим из проклятий...»	222
«Обидевший скитальца...»	222
«Яблоко портилось целый год...»	222
«Жалок тот, кто имея...»	222
«Цари, князья, врата закона...»	223
«Спросили мудреца...»	223
«Я странствовал. Как в зеркале...»	223
«У человека раз в руках...»	223
«Цари, султаны, все...»	224
«Апельсинами, ивжиром...»	224
«От долгих раздумий...»	224
«Приносит зло и белое...»	224
«Невинным агнцем был рожден...»	224

«Запомни сказанное мной...»	225
«Душа моя ушла из тела...»	225
«Вот что мне в голову пришло...»	225
«Клеветы человеческой...»	225
Переводы Наума Гребнева	226
«Бог, что создал людей для счастья...»	226
«Не нужна ты мне, не нужна...»	226
«Пред тобою я, мой желанный...»	227
«Как нам быть— все про нас говорят...»	227
«Я по белому свету ходил...»	227
«Я ошибся, сроднился с грехом...»	227
«Ты смеешься, ты все не со мною...»	228
«Как завидую я лампадам...»	228
«Белогрудая, в кофте белой...»	228
«Милый мой...»	228
«Ах, любовь...»	229
«Все опять началось сначала...»	229
«Ты сказала, что любишь меня...»	229
«В эту ночь я блюла закон...»	229
«Я, как всякая птица, дика...»	230
«О горячка моя непреклонная...»	230
«Что ты белые щеки румянишь...»	230
«Ловчий сокол я с красным кольцом...»	230
«Что, бедняжка, ты так бледна?...»	231
«Горы серые, серые скалы...»	231
«Мы пылали с тобой огнем...»	231
«Я в любви, как ребенок малый...»	231
«Эх, глаза, мне бы выжечь вас...»	232
«Говорят, что любовь на земле...»	232
«Словно лавка в краю прекрасном...»	232
«Сердцу жаловались глаза...»	232
«Непослушным глазам своим...»	233
«О миндаль, над твоей головой...»	233
«Говорят у нас горожане...»	233
«Ради бога, что создал нас...»	233
«О царица, пусть будет воспета...»	234
«Где была ты, откуда пришла?...»	234
«Звезды, с неба сойдите прочь...»	234
«Нет пути ни назад, ни вперед...»	234
«Ты — ловушка моя, западня...»	234
«Я тебе надоел, ну что же!...»	235
«Было слышно: вода рокочет...»	235
«Твердь небесная, твердь земная...»	235

«Черноброва ты, тонкостанна...»	235
«В мире этом, где боль гнездится...»	235
«Боже, что от меня хотят?..»	236
«Кто солгал нам, что под луной...»	236
«Мне б рубашкою стать льняною...»	236
«Ты — красива, ты — молода...»	236
«Ты вкусила запретный плод...»	237
«Мне пред тем, как совсем рассвело...»	237
«Брови черные, грудь бела...»	237
«Между каменных скал на весу...»	237
«Ты не яблоко ли багряное...»	238
«Пожалейте меня, ради бога...»	238
«Лишь глазами ты поведешь...»	238
«Стан твой тонок, ты высока...»	238
«Ты — жемчужина, ты — светла...»	239
«На земле, где мы все живем...»	239
«Дорогая, однажды тайком...»	239
«Я люблю, я сделал чернила...»	240
«Зреет яблоня на пригорке...»	240
«Ты и яблоко, и цветок...»	240
«Это яблоко красно-бело...»	240
«Горько мне, я горю в огне...»	241
«Там старушка живет у нас...»	241
«Чахну, чахну который день я...»	241
«Пусть завидуют все кругом...»	241
«Ты ль не вырезана из лоз...»	242
«На любимую бросьте взгляд...»	242
«Как исправить мне глупость свою?..»	242
«Скуп отец твой, жених жесток...»	242
«Спой мне песню, о спутник мой...»	243
«Боль и радость в сердце моем...»	243
«Уходя, я прошу: «Бога ради...»	243
«Не уедешь ты, это — ложь...»	243
«Чье легло на меня проклятье?..»	244
«Что я, глупая, совершила...»	244
«Стал ручьем я по воле божьей...»	244
«Мы недавно видели сами...»	244
«В плен меня увезли, мой брат...»	245
«Не могу я с тобой расстаться...»	245
Переводы Владимира Микушевича	
«Я выше тучи грозовой...»	245
«Из дому выйди поскорей...»	245
«Как только родилась любовь...»	246

«Всем сердцем, всей моей душой...»	246
«Как сладок этот поцелуй...»	246
«Краснеет облако вдали...»	247
«Я ночью был не трезв, не пьян...»	247
«Пришла ты поздно за водой...»	247
«Трепет сердце от любви...»	248
«Подобна храму грудь твоя...»	248
«Я, словно ладан, побледнел...»	248
«Я думал, ты грустишь по мне...»	248
«Дурнушку вздумал я просить...»	249
«Мне месяц ясный говорит...»	249
«Я персиковый саженец...»	249
«Уйду куда глаза глядят...»	249
«Испепеляют, жгут, палат...»	250
«Тебя всевышний создал бог...»	250
«Я вышел рано поутру...»	250
«Отпустишь ли ты мне грехи...»	250
«Художник обмер, написав...»	250
«Эти волосы, брови и взгляд!..»	251
«Я — очи, а ты — мой свет...»	251
«Взошла со звездой луна...»	251
«По улице шел я раз...»	251
Неизвестный поэт	
XIV — нач. XV в.	
Песня о Тер-Степаносе, епископе сюникском.	252
Н. Гребнева	
Памятные записи	
Памятная запись XIV века, принадлежащая переписчи-	255
ку Библии Мхитару Анеци. Перевод Н. Гребнева	
Памятная запись XIV века, принадлежащая переписчи-	257
ку Овану. Перевод Н. Гребнева	
Памятная запись XV века. Перевод Н. Гребнева	258
Аракел Сюнеци	
«Адамова книга». (Из главы II)	260
Об убранстве прародителей и рай. Перевод Н. Греб-	260
нева	
Плач о неизбежной кончине, о пути души и борьбе ее	262
со злыми духами. Перевод Н. Гребнева	
Молитва. Перевод М. Кузьмина	263
Ованес Тлкуранци	
Песня любви. Перевод В. Брюсова	266
Лик твой — солнце. Перевод Н. Гребнева	267

Встретил я красавицу неожиданно. Перевод Н. Гребнева	267
Не убей меня, любовь. Перевод С. Спасского	268
Песня Ованеса о любви. Перевод В. Брюсова	269
«Земля подобна раю стала...». Перевод Н. Гребнева	270
Песнь о храбром Липарите. Перевод С. Спасского	272
Коль не было б мужей... Перевод Н. Гребнева	275
К смерти. Перевод В. Брюсова	276
Мкртич Нагаш	
Суета мира. Перевод В. Брюсова	277
О жадности. Перевод П. Панченко	278
Странник. Перевод Н. Гребнева	279
Плач об умерших. Перевод А. Сендыка	280
Аракед Багишечи	
Песня о розе и соловье. Перевод В. Брюсова	284
Керовбе	
Горе несчастному мне. Перевод Н. Гребнева	288
Григорис Ахтамарци	
Песнь скорбная о том, кто выстроил дом и разбил сад. Перевод М. Синельникова	290
Песня. Перевод В. Брюсова	292
Песнь о розе и соловье. Перевод В. Брюсова	294
Песня любви. Перевод Н. Гребнева	298
Ты — рай для меня. Перевод С. Спасского	300
Песня (Борьба духа и плоти). Перевод С. Спасского	301
Нерсес Мокаци	
Спор Неба и Земли. Перевод Н. Гребнева	303
Мартирос Крымеци	
Песнь, восхваляющая город Амасию. Перевод Н. Гребнева	306
Вино. Перевод Н. Гребнева	307
Иерей Симеон. Перевод Н. Гребнева	308
Нагаш Овнатан	
Песня любви. Перевод В. Брюсова	310
«Я нарядно тебя видел на заре...». Перевод В. Брюсова	311
«Ты мне сказала: «Настала весна...» Перевод В. Брюсова	312
Песнь о грузинских красавицах. Перевод П. Панченко	313

«Приди ко мне в цветущий сад вечернею порой...» Перевод Н. Гребнева	314
Ты откуда прилетела, птица? Перевод Н. Гребнева	315
«Тебе достойную воздам ли дань я?..». Перевод Н. Гребнева	315
Ты и лань моя, и газель. Перевод Н. Гребнева	316
«Лик твой — как луна, глаза горят...». Перевод Н. Гребнева	317
Песня весны и радости. Перевод С. Спасского	318
Багдасар Дпир	
Песня весны. Перевод Н. Гребнева	321
Не плачь, соловей. Перевод Н. Гребнева	321
Свет моих очей. Перевод Н. Гребнева	322
К Мамоне. Перевод Н. Гребнева	322
«Пришла весна и меж ветвей — тиховой...». Перевод С. Шервинского	323
Петрос Капанци	
Народу моему любимому. Перевод Н. Гребнева	325
Стаи. Перевод Н. Гребнева	326
Не осыпай, о роза, лепестки. Перевод Н. Гребнева	326
Григор Ошаканци	
Плач о городе Апи. Перевод Н. Гребнева	328
Песня любви. Перевод Н. Гребнева	329
Арутин Саят-Нова	
«Как соловей, томилась ты...». Перевод С. Шервинского	331
«Ты, безумное сердце! мне внемли...» Перевод В. Брюсова	332
«Твой силен ум: таким рожден — себя глупцу равнять зачем?..» Перевод В. Брюсова	333
«Твой волос — смоченный рехан иль шелка нить, или струна...» Перевод С. Шервинского	334
«Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для тебя...» Перевод В. Звягинцевой	335
«Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой гуслир блажен...». Перевод С. Шервинского	335
«Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач...». Перевод В. Звягинцевой	336
«От любви, как Меджнун, горю...». Перевод В. Звягинцевой	338
«Жив доколь я, джан, — милой в жертву дан. Как избыть дурман?..». Перевод С. Шервинского	338

«Меджнун я, тоской палимый...». Перевод В. Звягинцевой	339
«Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце? жжет она...». Перевод С. Шервинского	340
«Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты...». Перевод С. Шервинского	341
«Яр, никогда не знай беды, беда вовек — врагам твоим...». Перевод С. Шервинского	341
«Чужбина — мука соловья: год — сада он родного ждет!...». Перевод В. Брюсова	342
«Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей...». Перевод С. Шервинского	343
«Ты ярче сбруи золотой в своих камнях, красавица...». Перевод М. Лозинского	344
«Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нежная...». Перевод М. Лозинского	345
«Я болен от любви к тебе, — о злом недуге плачу...». Перевод М. Лозинского	345
«Угожливо, народный раб! служить ступай, Саят-Нова!...». Перевод В. Брюсова	346
«Кто рядом сел — он пьян уже в его глазах двоишься ты...». Перевод С. Гайсарьяна	347
«Рисунок лучших мастеров — в малейшей чести у тебя...». Перевод С. Шервинского	348
«Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетет, мне стал не мил...». Перевод С. Шервинского	348
«Аманча. Перевод В. Брюсова	349
«Меня и милую мою година та же родила, знай...». Перевод В. Брюсова	350
«Скажу я сердцу твоему — зачем со мной ты не в ладах?...». Перевод С. Гайсарьяна	351
«Коль неучу слово дано, ему внимать к чему теперь?...». Перевод С. Гайсарьяна	352
«Красива очень шахатан, — певца не опорочишь ты...». Перевод С. Шервинского	353
«Не плачь, о джан, пусть разум твой ни в чем плохого не узрит...». Перевод К. Липскерова	353
«Склони свой слух, баритавур...». Перевод С. Шервинского	354
«Ты — узоры парчи, ты как золотого ткани, о джан!...». Перевод К. Липскерова	357
«Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!...». Перевод В. Брюсова	358
К соловью. Перевод В. Брюсова	359
«С бесценным камнем джаваир своей красою сходна ты...». Перевод С. Шервинского	360

«Нынче милую мою видел я в саду...». Перевод В. Брюсова	360
«Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе...». Перевод К. Липскерова	361
«Ты — как сирена, что губит плывущих...». Перевод М. Лозинского	362
«Страсть — огонь горящий, — приходя, пылает!...». Перевод Ю. Верховского	363
«Отраден голос твой и речь приятна...». Перевод М. Лозинского	363
«Мне люди скажут: я по красе томлюсь...». Перевод С. Шервинского	364
«Что без тебя сойбат мне и что мне саз?...». Перевод С. Шервинского	364
«Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!...». Перевод В. Брюсова	365
«Я ждал, я пролил столько слез...». Перевод А. Тарковского	366
«Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти...». Перевод В. Звягинцевой	367
«Не убивай, не утолив! Намек твой был иной, краса...». Перевод С. Шервинского	367
«Ты — джаваир индийских стран, бесценный лал пленительный...». Перевод Ю. Верховского	368
«Нахмуря взор, насупя бровь, глядишь, — твой врач стал пнем точь-в-точь...». Перевод Ю. Верховского	369
«Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоской опален...». Перевод В. Звягинцевой	369
«Роза шлет весть соловью: мол, расцвела, — ожидает...». Перевод В. Звягинцевой	370
«О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль жизнь мила...». Перевод С. Гайсарьяна	371
«Серебрится серебром...». Перевод С. Гайсарьяна	371
«Яр, тебе подходит алая тафта...». Перевод С. Гайсарьяна	372
Примечания Л. Мкртчяна	374

С 75 **Средневековая армянская поэзия.** /Вступит.
статья Геворга Эмина; Сост. и примеч. Левона
Мкртчяна. — М.: Худож. лит., 1981. 399 с.

В сборнике прослеживается развитие армянского поэтиче-
ского слова на протяжении 13-ти веков. Открывают его произ-
ведения авторов V века Месропа Маштоца, X — Григора Наре-
каци, завершают стихи великого армянского поэта-ануга
XVIII века Саят-Новы.

С $\frac{70403-252}{028(01)-81}$ 75-81 4702080100

С(Арм)1

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ
АРМЯНСКАЯ
ПОЭЗИЯ**

Редактор

А. Макинцян

Художественный редактор

С. Данилов

Технический редактор

Т. Фатюхина

Корректор

Л. Овчинникова

ИБ № 1960

Сдано в набор 25.02.81. Подписано к печати 20.10.81. Бумага кн-
журн. Формат 84×108^{1/2}. Гарнитура «Обыкновенная новая». Пе-
чать высокая. 21,0 усл. печ. л. 21,42 усл. кр.-отт. 19,06 уч.-изд. л.
Тираж 25 000 экз. Заказ 1805. Изд. № IV—60. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художест-
венная литература» 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Васман-
ная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградское производственно-техническое объедине-
ние «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Ча-
ловский пр., 15.